

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gogolnikolai.ru/> Приятного чтения!

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Неаполь. 1848. Генварь 10/1847. Декабрь 29

Виноват перед тобой, душа моя! Всякий день собираюсь писать – и непостижимая неохота удерживает. Перед мной опять Неаполь, Везувий и море! Дни бегут в занятиях, время летит так, что не знаешь, откуда взять лишний час. Учусь, как школьник, всему тому, чему пренебрег выучиться в школе. Но что рассказывать об этом! Хотелось бы поговорить о том, о чем с одним тобой могу говорить: о нашем милом искусстве, для которого живу и для которого учусь теперь, как школьник. Так как теперь предстоит мне путешествие в Иерусалим, то хочу тебе исповедаться; кому же, как не тебе? Ведь литература заняла почти всю жизнь мою, и главные мои грехи – здесь. Вот уже скоро двадцать лет с тех пор, как я, едва вступавший в свет юноша, пришел в первый раз к тебе, уже совершившему полдороги на этом поприще. Это было в Шепелевском дворце. Комнаты этой уже нет. Но я ее вижу как теперь, всю, до малейшей мебели и вещицы. Ты подал мне руку и так исполнился желанья помочь будущему сподвижнику! Как был благосклонно-любовен твой взор!.. Что нас свело неравных годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнейшее обыкновенного родства. Отчего? Оттого, что чувствовали оба святыню искусства.

Не мое дело решить, в какой степени я поэт; знаю только то, что прежде, чем понимать значение и цель искусства, я уже чувствовал чутьем всей души моей, что оно должно быть свято. И едва ли не со времени этого первого свиданья нашего оно уже стало главным и первым в моей жизни, а все прочее вторым. Мне казалось, что уже не должен я связываться никакими другими узами на земле, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба. Еще я не давал себе отчета (да и мог ли тогда его дать?), что должно быть предметом предметом пера моего пера, а уже творческая сила шевелилась и собственные обстоятельства жизни моей наталкивали на предметы. Всё совершалось как бы независимо от моего собственного (свободного) произволения. Никогда, например, я не думал, что мне придется быть сатирическим писателем и смешить моих читателей. Правда, что, еще бывши в школе, чувствовал я временами расположение к веселости и надоедал товарищам неуместными шутками. Но это были временные припадки, вообще же я был характера скорей меланхолического и склонного к размышлению. Впоследствии присоединилась к этому болезнь и хандра. И эти-то самые болезнь и хандра были причиной той веселости, которая явилась в моих первых произведениях: чтобы развлечь самого себя, я выдумывал без дальнейшей цели и плана героя, становил их в смешные положения – вот происхождение моих повестей! Страсть наблюдать за человеком, питаемая мною еще сызмала, придала им некоторую естественность; их даже стали называть верными снимками с натуры. Еще одно обстоятельство: мой смех вначале был добродушен; я совсем не думал осмеивать что-либо с какой-нибудь целью, и меня до такой степени изумляло, когда я слышал, что обижаются и даже сердятся на меня целиком сословия и классы общества, что я наконец задумался. «Если сила смеха так велика, что ее его боятся, стало быть, ее не следует тратить непустому». Я решился сбрынуть всё дурное, какое только я знал, и за одним разом над ним посмеяться – вот происхождение «Ревизора»! Это было первое мое произведение, замыщенное с целью произвести доброе влияние на общество, что, впрочем, не удалось: в комедии стали видеть желанье осмеять узаконенный порядок вещей и правительственные формы, тогда как у меня было намерение осмеять только самоуправное отступление некоторых лиц от форменного и узаконенного порядка. Представление «Ревизора» произвело на меня тягостное впечатление. Я был сердит и на зрителей, меня не понявших, и на себя самого, бывшего виной тому, что меня не поняли. Мне хотелось убежать от всего. Душа требовала уединенья и обдуманья строжайшего своего дела. Уже давно занимала меня мысль большого сочиненья, в котором бы предстало всё, что ни есть и хорошего и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы пред нами видней свойство нашей русской природы. Я видел и обнимал порознь много частей, но план целого никак не мог предо мной выясниться и определиться в такой силе, чтобы я мог уже приняться и начать писать. На всяком шагу я чувствовал, что мне многое недостает, что я не умею еще ни связывать, ни развязывать событий и что мне нужно выучиться постройке больших творений у великих мастеров. Я принялся за них, начиная с нашего любезного Гомера. Уже мне показалось было, что я начинаю кое-что понимать и приобретать даже их приемы и замашки, – а способность творить всё не возвращалась. От напряженья болела голова. С большими усилиями удалось мне

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
кое-как выпустить в свет первую часть «Мертвых душ», как бы затем, чтобы увидеть
на ней, как я был еще далек от того, к чему стремился. После этого нашло на меня
вновь безблагодатное состояние. Изгрызлось перо, раздражались нервы и силы – и
ничего не выходило. Я думал, что уже способность писать просто отнялась от меня.
И вдруг болезни и тяжкие душевные состояния, оторвавши меня разом от всего и
даже от самой мысли об искусстве, обратили к тому, обратили опять к тому к чему
прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту: к наблюдению внутреннему в
подлиннике: внутреннему над человеком и над душой человеческой. О, как глубже
перед тобой раскрывается это познание, когда начнешь дело с собственной своей
души! На этом-то пути поневоле встретишься ближе с тем, который один из всех,
доселе бывших на земле, показал в себе полное познанье души человеческой;
божественность которого если бы даже и отвергнул мир, то уж этого последнего
свойства никак не в силах отвергнуть, разве только в таком случае, когда
сделается уже не слеп, а просто глуп. Этим крутым поворотом, происшедшим не от
моей воли, наведен я был заглянуть глубже в душу вообще и узнать, что существуют
ее высшие степени и явления. что есть высшие степени ее и явления С этих пор
способность творить стала пробуждаться; живые образы начинают выходить ясно из
тумана; чувствуя, что работа пойдет, что даже и язык будет правилен крепок и
звукен, а слог окрепнет. И, может быть, будущий уездный учитель словесности
прочтет ученикам своим страницу будущей моей прозы непосредственно вслед за
твоей, примолвивши: сказавши «Оба писателя В подлиннике: писатели правильно
писали, хотя и не похожи друг на друга». Выпуск книги «Переписка с друзьями», с
которою (от радости, что расписалось перо) я так поспешил, Книга «Переписка с
друзьями», которую (от радости, что расписалось перо) я так поспешил выдать в
свет не подумавши, что прежде, чем принести какую-нибудь пользу, могу сбить ю с
толку многих, пришелся в пользу мне самому. был мне самому очень полезен на этой
книге я увидел, где и в чем я перешел в то излишество, в которое, в эпоху
нынешнего переходного состояния общества, попадает почти всякий идущий вперед
человек. Несмотря на пристрастие суждений об этой книге и разномыслие их, в
итоге послышался общий голос, указавший мне место мое и границы, которых я, как
писатель, не должен преступать. В самом деле, не мое дело поучать проповедью.
Искусство и без того уже поученье. Мое дело говорить живыми образами, а не
рассуждениями. Я должен выставить жизнь лицом, а не трактовать о жизни. Истина
очевидная. Но вопрос: мог ли бы я без этого большого крюка сделаться достойным
производителем искусства? Мог ли бы я выставить жизнь в ее глубине так, чтобы
она пошла в поученье? Как изображать людей, если не узнал прежде, что такая душа
человеческая? Писатель, если только он одарен творческою силою создавать
собственные образы, воспитайсь прежде, как человек и гражданин земли своей, а
потом уже принимайся за перо! Иначе будет всё невпопад. Что пользы поразить
позорного и порочного, выставя его на вид всем, если не ясен не заключен в тебе
самом идеал ему противоположного прекрасного человека? Как выставлять недостатки
и недостоинство человеческое, если не задал не заключил самому себе запроса: в
чем же достоинство человека? и не дал на это себе сколько-нибудь
удовлетворительного ответа. Как осмеивать исключенья, если еще не узнал хорошо
вполне те правила, из которых выставляешь на вид исключенья? Это будет значить
разрушить старый дом прежде, чем иметь возможность выстроить на место его новый.
Но искусство не разрушенье. В искусстве таятся семена созданья, а не разрушенья.
Это чувствовалось всегда, даже и в те времена, и в древние времена когда всё
было невежественно. Под звуки Орфеевой лиры строились города. Несмотря на
неочищенное еще до сих пор понятие общества об искусстве, все, однако же,
говорят: «Искусство есть примиренье с жизнью». Это правда. Истинное созданье
искусства имеет в себе что-то успокаивающее и примирительное. Во время чтенья
душа исполняется стройного согласия, а по прочтении удовлетворена: ничего не
хочется, ничего не желается, не подымается в сердце движенье негодованья противу
брата, но скорее в нем струится елей всепрощающей любви к брату. И вообще и
вообще после не устремляешься на порицанье действий другого, но на созерцанье
самого себя. Если же созданье поэта не имеет в себе этого свинства, то оно есть
один только благородный, горячий порыв, плод временного состояния автора. Оно
останется, как примечательное явление, но не назовется созданьем искусства.
Поделом! Искусство есть примиренье с жизнью! Искусство есть водворенье в душу
стройности и порядка, а не смущенья и расстройства. Искусство должно изобразить
нам таким образом людей земли нашей, чтобы каждый из нас почувствовал, что это
живые люди, созданные и взятые из того же тела, из которого и мы. Искусство
должно выставить нам на вид все доблестные народные наши качества и свойства, не
выключая даже и тех, которые, не имея простора свободно развиться, не всеми
замечены и оценены так верно, чтобы так, чтобы каждый почувствовал их и в себе
самом и загорелся бы желаньем развить и возлелеять в себе самом то, что им
заброшено и позабыто. Искусство должно выставить нам все дурные наши народные

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
качества и свойства таким образом, чтобы следы их каждый из нас отыскал прежде в
себе самом и подумал бы о том, как прежде с самого себя сбросить всё омрачающее
благородство природы нашей. Тогда только и таким образом действуя, искусство
исполнит свое назначение и внесет порядок и стройность в общество!

Итак, благословясь и помолясь, обратимся же сильней, чем когда-либо прежде, к
нашему милому искусству. Что касается до меня, то, отложивши всё прочее на
будущее время (когда бог удостоит быть достойным сколько-нибудь того), хочу
заняться крепко «Мертвыми душами». Съезжу в Иерусалим (чего стало даже и
совестно не сделать), поблагодарю как сумею за всё бывшее. Помолюсь, да
укрепится душа и соберутся силы, силы на и с богом за дело. Очень, очень бы
хотелось, чтобы привел бог нам опять пожить вместе, в Москве, в Москве или
вблизи друг от друга. Перечитывать написанное и быть судьей друг другу теперь
будет еще больше нужно, чем прежде. Затем от всей души поздравляю тебя с новым
годом. дай бог, чтоб был он нам обоим очень, очень плодотворен, плодотворнее
всех прошедших. Прощай, мой родной! Целую тебя и обнимаю крепко. Пиши ко мне.
Твое письмо еще застанет меня в Неаполе. Раньше февраля я не думаю подняться.

Обнимаю всё твоё милое семейство вместе с Рейтернами.

Твой Г.

Если письмо это найдешь не без достоинства, то прибереги его. Его можно будет
при втором издании «Переписки» поставить впереди книги на место впереди, вместо
«Завещания», имеющего выброситься, а заглавье дать ему: «Искусство есть
примирение с жизнью».

Всё хочу спросить и всё позабываю: есть ли у тебя латинский надстрочный перевод
«Одиссеи», напечатанный недавно в Париже вместе с подлинником. Весьма красивое
издание. Весь Гомер в одном томе, в большую осьмушку. Editore Ambrosio Firmin
Didot. Parisiis. 1846. Мне он показался весьма удовлетворительным и для тебя
полезнейшим прочих.

Адрес мой: в Неаполь, poste restante, или, еще лучше, в *tel de Rome*, а
чтобы не попало письмо в город Рим, слово Неаполь нужно выставить позаметней.

На обороте: Francfort sur Main.

Son excellence monsieur Basile de Joukowsky.

Василию Андреевичу Жуковскому.

Francfort s/M. Sachenhausen.

Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ

Неаполь. Генваря 12 дня н. ст. 1848 г

Благодарю вас много за бесценные ваши строки. Прочитал несколько раз ваше
письмо. Прочитаю потом еще в минуты других расположений душевных. Смысл нам не
вдруг открывается, а потому нужно повторять чтение того, что относится до души
нашей. Я верю, что вы молились обо мне и просили у бога вразумления сказать мне
то, что для меня нужно, а потому, верно, после откроется мне в нем и больше.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Хотя и теперь вы сказали много того, за что душа моя будет благодарить вас и в будущей и в здешней жизни. Всё, что говорите вы об учительстве, принял очень к сведению и вследствие этого, разумеется, взглянул пристальное и на себя и на учительство. Не могу только решить того, действительно ли то дело, которое меня занимает и было предметом моего обдумывания с давних пор, есть учительство. Мне оно кажется только долгом и обязанностью службы, которую я должен был сослужить моему отечеству, как воин, гражданский и всякий другой чиновник, если только он получил для этого способности. Я, точно, моей опрометчивой книгой (которую вы читали) показал какие-то исполинские замыслы на что-то вроде вселенского учительства. Но книга эта есть произведение моего переходного душевного состояния, временного, едва освободившегося от болезненного состояния. Опечаленный некоторыми неприятными происшествиями, у нас случающимися, и нехристианским направлением современной литературы, я опрометчиво поспешил с этой нерассудительной книгой и нечувствительно забрел туда, где мне неприлично. А диавол, который тут как тут, раздул до чудовищной преувеличенностии даже и то, что было и без умысла учительствовать, что случается всегда с теми, которые понадеются несколько на свои силы и на свою значительность у бога. Дело в том, что книга эта не мой род. Но то, что меня издавна и продолжительнее занимало, это было изобразить в большом сочинении добро и зло, какое есть в нашей русской земле, после которого русские читатели узнали бы лучше свою землю, потому что у нас многие, даже чиновники и должностные, попадают в большие ошибки по случаю незнания коренных свойств русского человека и народного духа нашей земли. Я имел всегда свойства замечать все особенности каждого человека, от малых до больших, и потом изобразить его так перед глазами, что, по уверению моих читателей, что человек, мною изображенный, оставался, как гвоздь, в голове, и образ его так казался жив, что от него трудно было отделаться. Я думаю, что если я, с моим умением живо изображать характеры, узнаю получше многие вещи в России и то, что делается внутри ее, то я введу читателя в большее познание русского человека. А если я сам, по милости божией, проникнусь более познанием долга человека на земле и познанием истины, то от этого нечувствительно и в сочинении моем добрые русские характеры и свойства людей получат привлекательность, а нехорошие – такую непривлекательность, что читатель не возлюбит их даже и в себе самом, если отыщет. Вот как я думал и поэтому узнавал всё, что ни относится до России, узнавал души людей и вообще душу человека, начиная со своей.

Еще я не знал сам, как с этим слажу и как успею, а уже верил, что это будет мне возможно тогда, когда я сам сделаюсь лучшим. Вот в чем я полагаю мое писательство. Итак, учительство ли это? Я хотел представить только читателю замечательнейшие предметы русские в таком виде, чтобы он сам увидел и решил, что нужно взять ему, и, так сказать, сам бы поучил самого себя. Я не хотел даже выводить нравоучения; мне казалось (если я сам сделаюсь лучше), всё это нечувствительно, мимо меня, выведет сам читатель. Вот вам исповедь моего писательства. Бог весть, может быть, я в этом неправ, а потому вопросу себя еще, стану наблюдать за собою, буду молиться. Но, увы! молиться не легко. Как молиться, если бог не захочет? Вижу так много в себе дурного, такую бездуру себялюбия и неуменья пожертвовать земным небесному. Прежде мне казалось, что я уже возвысился душой, что я значительно стал лучше прежнего, в минуты слез и умилений, которые я ощущал во время чтения святых книг. Мне казалось, что я удостоился уже милостей божиих, что эти сладкие ощущенья есть уже свидетельство, что я стал ближе к небу. Теперь только дивлюсь своей гордости, дивлюсь тому, как бог не поразил меня и не стер с лица земли. О друг мой и самим богом данный мне исповедник! горю от стыда и не знаю, куда деться от несметного множества не подозреваемых во мне прежде слабостей и пороков. И вот вам моя исповедь уже не в писательстве. Исписал бы вам страницы во свидетельство моего малодушия, суеверия, боязни. Мне кажется даже, что во мне и веры нет вовсе; признаю Христа богочеловеком только потому, что так велит мне ум мой, а не вера. Я изумился его необъятной мудрости и с некоторым страхом почувствовал, что невозможно земному человеку вместить ее в себе, изумился глубокому познанию его души человеческой, чувствуя, что так знать душу человека может только сам творец ее. Вот всё, но веры у меня нет. Хочу верить. И, несмотря на всё это, я дерзаю теперь идти поклониться святому гробу. Этого мало: хочу молиться о всех и всём, что ни есть в русской земле и отечестве нашем. О, помолитесь обо мне, чтобы бог не поразил меня за мое недостоинство и удостоил бы об этом помолиться! Скажите мне: зачем мне, вместо того, чтобы молиться о прощеньи всех прежних грехов моих, хочется молиться о спасеньи русской земли, о водвореньи в ней мира, наместо смятения, и любви, наместо ненависти к брату? Зачем я помышляю об этом, наместо того, чтобы оплакивать собственные грехи мои? Зачем мне хочется молиться еще и о

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
тот, чтобы бог дал силы мне загладить новым, лучшим делом и подвигом мои прежние
худые, даже и в деле писательства? О, молитесь обо мне, добрая душа моя!
Молитесь, чтобы бог избавил меня от всякого духа искушения и дал бы мне
уразуметь его истинную волю. Молитесь, молитесь крепко обо мне, и бог вам да
поможет обо мне молиться! Порученье ваше исполняю, евангелие читаю и благодарю
вас за это много.

Уведомьте меня двумя строками, получены ли вами из Петербурга деньги, 100 рублей
серебром, на молебны и на бедных.

Адресуйте в Константинополь таким образом: A monsieur conseiller de la Mission
Russe Þ Constantinople Jean de Chal-czinsky (Ивану Дмитриевичу Халчинскому)
для передачи Николаю Васильевичу Гоголю.

Прощайте. О, если бы бог удостоил меня помолиться крепко о вас в благодарность
за ваше благодеяние!

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

Неаполь. Генварь 22 12 н. ст. 1848

Ваше письмо, добрейшая Надежда Николаевна, получил. Благодарю вас много за то,
что не забываете меня. Вследствие вашего наставления, я осмотрел Вследствие
вашего письма, я обсмотрелся и вопросил, не имею ли чего на сердце противу
кого-либо, и мне показалось, что ни против кого ничего не имею. Вообще у меня
сердце незлобное, и я думаю, что я в силах бы был простить всякому за какое бы
то ни было оскорбление. Трудней всего примириться с самим собой. Тем более, что
видишь, как всему виной сам: не любят меня через меня же, сердятся и негодуют на
меня потому, что собственным неразумным образом действий что неразумьем заставил
я на себя сердиться и негодовать. А неразумны мои действия оттого, что я не
проникнулся святынею помыслов, как следует на земле человеку. И не умею
исполнять в младенческой и чистой простоте сердца слова и законы того, кто их
принес нам на землю. Собираюсь в путь, готовлюсь сесть на корабль ехать в святую
землю, а между тем как мало похожу на человека, собирающегося в путь! Как много
в душе мелочного, земных привязанностей, земных опасений! Как малодушна моя
душа! Друг мой, молитесь обо мне, молитесь крепче, чем когда-либо прежде!
Молитесь о том, чтобы бог дал силы мне помолиться так, как должен молиться ему
на земле человек, им созданный и облагодетельствованный. Поручите отслужить
молебен В подлиннике: молебень о благополучном моём путешествии такому
священнику, о котором вы знаете, что он от всей души обо мне помолится. Я
прилагаю при сем записочку того, о чем бы я хотел, чтоб помолились, сверх того,
что находится в обычновенных молебнах. В подлиннике: молебнях Прощайте, друг
мой! Бог да благословит вас и воздаст вам обильно за всё. Я к вам еще напишу
несколько строк перед самым В подлиннике: самим; дальше не отмечается.
отъездом.

Весь ваш Н. Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Надежде Николаевне Шереметьевой.

На Воздвиженке. В доме графа Шереметьева.

В Москве.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
М. И. ГОГОЛЬ

Неаполь. 1848, января 15/3

Наконец я получил письмо ваше, почтеннейшая матушка. Вы, слава богу, здоровы, сестры тоже. Да хранит вас всех бог и впредь! Уведомляю вас, что я полагаю отправиться к святым местам в средине февраля здешнего штиля. Вы пишете о радости, которую принесет вам приезд мой. Не радуйтесь ничему заранее. Всё в руках того, кто располагает судьбой нашей. Как он повелит, так тому и быть. Молитесь и больше ничего. Не забывайте также и того, что мы все на земле странники и существованье наше здесь минутно. Если и доставит нам бог минутное удовольствие пожить неделю или две вместе в вашей деревне Васильевке, то нужно поблагодарить только безмолвно в глубине души бога, а радостью своей мы можем только оскорбить его: не такое время, чтобы кому-либо теперь радоваться. Повсюду смущенья, повсюду беды, повсюду голос неудовольствий и вражда наместо любви. Нам остается только молиться и просить у бога, чтобы научил нас, как молиться ему о спасении нашем. Прошу вас отправить молебен и, если можно, даже не один (во всех местах, где умеют лучше молиться), о благополучном моем путешествии. Чувствуя, что нет сил помолиться самому: силы мои как бы ослабели, сердце черство, малодушна душа. Я требую от вас всех помочи, как погибающий брат просит у братьев. Соедините ваши моленья и помогите воскрылиться к богу моей молитве. За всё, что я вам когда-либо нанес неприятного, как вам, так и сестрам, прошу простить меня. Хотя я и знаю, что вы, по доброте душ ваших, простили, но всё об этом прилично в такую минуту напомнить еще раз. Перед отъездом, может быть, еще напишу несколько строк. Сестре Ольге я просил выслать из Москвы деньги на молебны и на раздачу бедным. Письмо мое со вложением письма к Анне вы, без сомнения, получили тоже. Прилагаю здесь, на всякий случай, на особенной бумажке содержание того, о чем бы я хотел, чтобы священник, сверх содержимого в обыкновенных молебнах, молился. Вас всех прошу также, и в особенности сестру Ольгу (как более других имеющую время и досуг для молений), прочитать несколько раз в сердце своем эти строки, которыми хотелось бы мне от всей души помолиться.

Весь ваш Н. Гоголь.

Куда писать мне письма, я вас извещу. Покамест даю вам адрес следующий:

В Константинополь. A monsieur le conseiller de la Mission Russe à
Constantinople Jean de Chalcinsky. Ивану Дмитриевичу Халчинскому для передачи
Николаю Васильевичу Гоголю.

Когда будете писать, уведомляйте подробно обо всем. Мне будут больше, чем когда-либо, интересны и нужны вести из родины.

А. А. ИВАНОВУ

Неаполь. Генваря 18 н. ст. 1848

Чтобы не осталось чего-нибудь между нами, уведомляю вас, мой добрый Александр Андреевич, что в письме моем я не имел никакого намерения упрекнуть вас. Напротив, я хотел только показать вам, что я ничуть не умнее вас во многих делах. Если вы прочтете еще раз мое письмо, то то, вероятно почувствуете это сами. Бога ради, не будьте так подозрительны и не приписывайте простым словам какого-то сокровенного смысла, желания и желания вас обидеть каким-то обидным заключением. Подозрением Этим подозрением вы, во-первых, обидите вас действительно любящего человека, а, во-вторых, себе самому нанесете много смущенья и всякого горя. Скажу вам истинно и откровенно, что я никогда в вас не подозревал никакой хитрости! Но было время, когда я нарочно хотел колынуть вас и попрекнуть некоторыми письмами, желая вас заставить взять некоторую власть над самим собою и устыдиться своего малодушия. Это было сделано неловко. Пожалуста, сожгите все мои письма. Я теперь вижу, как разны человеческие природы и как нельзя судить по себе о другом. Вы пишете о желании со мною увидеться, но для этого никак не будет времени. Как ни приятно мне тоже вас видеть, но чувствуя,

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
что ничего не могу теперь сказать вам нужного. Я занят теперь совершенно самим
собой и столько вижу в себе самом достойного осуждения и упреков, что не в силах
ни осудить кого бы то ни было, ни дать умного совета. Чувствую только, что
прежде всего следует заняться душой своей, хотя и сам не знаю, как это сделать.
Что же касается до житейских забот и обстоятельств, то они теперь у всех плохи,
положенье всех затруднительно. Всё это заставляет меня не полагаться на то, что
будет, и ускорить отъезд мой в святую землю. Бог вас да благословит. Прощайте.

Весь ваш Н. Г.

Я полагаю выехать на днях, – тем более, что оставаться в Неаполе в Италии не
совсем весело. В городе неспокойно: что будет, бог весть.

На обороте: Roma. Italia.

Al signore

signore Alessandro Iwanoff.

Roma. Caffe Greco.

Via Condotti, vicino alla piazza di Spagna.

А. П. ТОЛСТОМУ

Мальта, 22 января н. ст. 1848

Пишу к вам по обещанью из Мальты, куда приехал в прах рас克莱ившийся, хотя и не
знаю, досягнет ли это письмо к вам. Может быть, вы уже оставили Неаполь. (А если
не оставили, то сотворите благо, его оставивши). Дела короля совершенно плохи:
Мессина, Катания – всё восстало, и английские фрегаты повсюду, как у себя дома.
Привезенную от короля индульгенцию, говорят, мессинцы разорвали в куски, в виду
его же гвардии. Далее начато: Словом, Сицилия, кажется Что же касается меня, то
всё еще не могу оправиться и очнуться от морской езды. Рвало меня таким образом,
что все до едина возымели о мне жалость, сознаваясь, что не видывали, чтобы кто
так страдал. Со страхом думаю о предстоящем четырехсугодичном переезде. Молитесь,
ради Христа, обо мне: невыносимо тяжело! В Мальте должен во всяком случае
отдохнуть уже и потому, что пароход раньше 27, кажется, нейдет. Противу всякого
чаяния, в Мальте почти вовсе нет всех тех комфорта, где англичане: двери с
испорченными замками, мебели простоты гомеровской, и язык ниветь какой.
Аглицкого почти даже и не слышно. А губернатор острова вовсе не тот, который
бывал у нас в церкви, но совершенно другой, хоть и назначен недавно. Граф же
Риварола есть только полковник régimenta, проживавший остановившийся в Ливурне.
Всё это сообщили мне в плохом скверном отелишке, в котором я остановился и
который разве только после скверного парохода «Капри» может показаться приятным.
Прощайте, добрейший мой Александр Петрович. Не знаю сам, что пишу, руки так
окостенели, а в голове смутно. Обнимите за меня всех: вашу найдобрейшую сестрицу
сестрицу, племянниц, которые Софью Петровну и ваших милых племянниц. Но они,
верно, знают и сами, что всех очень, очень люблю помню и буду молиться, как
сумею, а вы, право, молитесь обо мне.

Весь ваш.

Мальта, 22 генваря.

Мне адресуйте в Константинополь, на имя Титова, и, если будет время, прикажите
Страница 7

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
комиссионеру при нашем посольстве посыпать все приходящие ко мне в Неаполь
письма в Константинополь. Бог да хранит вас всех цело и невредимо.

На обороте: Son excellence monsieur le c-te Alexandre Tolstoy.

Naple. Palazzo Ferandino.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

1848. Мальта. Генваря 23 н. ст.

Я получил ваше письмо, моя добрейшая Анна Михайловна! Вероятно, в одно время и вы получили мое. Благодарю вас за то, что меня не забываете. В Петербурге же, кажется, все прочие приятели меня позабыли. От Плетнева я четыре месяца уже не получаю ни строчки. От Александры Осиповны тоже ничего. От любезного ее братца, Аркадия Осиповича, тоже ничего. Словом, точно как будто все сговорились не писать. Далее начато: и отчасти я подозреваю и почты. Неаполь засел уже много мне нужных писем. Пишу к вам теперь из Мальты. Странствования мои по Средиземному морю, как видите, уже начались. Из Неаполя меня выгнали раньше, чем я полагал, разные политические смуты и беспокойства, во время которых трудно находиться иностранцу, любящему мир и тишину. Притом пора и к святому гробу. Несмотря на то, что далеко не в том состоянии души, в каком бы хотелось быть для этого путешествия, несмотря на всю черствость и прозу души своей, я все-таки благодарю бога, что тронулся в дорогу, хотя не без ужаса помышляю о всех предстоящих затруднениях, впереди которых стоит морская болезнь, для меня ужаснейшая всего. До Мальты я в силу-силу добрался. Ни одна душа на всем корабле не страдала, а между тем время было, кажется, и не совсем не вовсе бурное. Если бы еще такого адского состояния были одни сутки, меня бы не было на свете. Из письма графини Анны Егоровны Толстой к своему мужу я узнал, что Александра Осиповна теперь с вами и все еще продолжает страдать и болеть нервами. Скажите, что я о ней думаю ежедневно и буду просить всех людей, умеющих молиться, о ней помолиться. Скажите ей, чтобы она хоть сколько-нибудь строчек мне написала, адресуя все в Константинополь, на имя нашего посольства. Затем приношу вам благодарность всем, как вам самим, так и всему вашему роду и племени графов Вье́льгорских, за вашу дружбу ко мне и приязнь, за ваши милые, добрые души, и да сохранит вас бог всех целых и невредимых, а Софью Михайловну поцелуйте за меня от всей моей души.

Скажите всем моим приятелям, кто будет так добр и захочет писать ко мне, чтобы все письма адресовали в Константинополь.

Прощайте. Весь ваш

Н. Г.

на обороте. S.-Petersbourg. Russie.

Ее сиятельству графине Анне Михайловне Вье́льгорской.

С. Петербург.

На Михайловской площади, у Михайловского дворца.

В доме графа Вье́льгорского.

1848. Мальта. Генварь 23 н. ст.

Я всё ожидал, не будет ли от кого-нибудь из вас мне писем, и и ответа не дождался не дождался. От тебя, мой милый (и более всех прочих исправный и великолдуший друг), мне бы, право, уже следовало иметь ответ хотя на одно из моих трех довольно длинных писем. Но, может быть, гадкие и гадкие итальянские почты, в эту минуту политической бесполковщины обестолковели еще более обыкновенного. Письма друзей и близких в это время в эту минуту мне были нужны уже затем, чтобы видеть, не осталось ли у кого чего-нибудь в душе противу меня. Что касается до меня, то говорю тебе искренно и, пожалуста, передай это от меня всем, как близким друзьям, так и просто знакомым, что никакого неудовольствия ни против кого не пытаю, что, напротив, рассмотря себя даже постороже, вижу (так, по крайней мере, мне кажется), что любви у меня прибавилось скорее, чем убавилось, что, наконец, обвинять не могу никого, даже и тех, которых бы, может быть, прежде в чем-нибудь обвинял, потому что виной всему сам, и на какую сторону ни переворочу дело, и как ни переворочу дело всё вижу, что сам подал повод питать неудовольствие противу себя и ввел, стало быть, в грех других людей. Обними, пожалуста, покрепче всех любящих меня и поблагодари крепко за любовь. Прочих проси простить. Как бы то ни было, но нужно прощать всё тому человеку, который отправляется в дальний путь затем только, чтобы помолиться. Что тут помышлять о современных и тому подобных всяких вопросах? Без этого прошенья как я помолюсь, и без того не умеющий молиться? Как растопить мне мою душу, холодную, и без того холодную черствую, не умеющую отделиться от земных, себялюбивых, низких помышлений и даже от тех недостатков, которые видит она сама и которых которых начинает даже сама ненавидит?

Поблагодари, пожалуста, добрую Надежду Николаевну за то, что она не оставляла меня во всё это время и писала ко мне беспрестанно, несмотря на то, что отвечаю ли я или не отвечаю на письма. Передай ей при сем записочку. Проси всех и особенно доброго Сергея Тимофеевича, совокупно с Константином Сергеевичем и всем семейством, писать ко мне в Константинополь, или просто на имя Титова, или же на имя советника посольства, моего соученика и однокашника, Халчинского Ивана Дмитриевича. Милого Погодина проси также: скажи ему, что мне будет особенно приятно получить от него письмецо. Затем бог да хранит тебя со всеми твоими цело и здраво как в душевном, так и в телесном здравии. смысле В Мальте я остаюсь немного дней, только затем, чтобы дождаться парохода, идущего в Александрию. Морская болезнь измучила меня сильно. Это для меня зло, которого я боюсь больше всего в моем путешествии. Еще не было сильной бури, а уже меня привело в такое состояние беспрерывной рвотой всякие десять минут, что я походил скорей на умирающего, чем на сохраняющего в себе залог жизни. До сих пор едва могу прийти в состояние мыслить и чувствовать и, как подумаю, что предстоят целые дни безостановочного пребыванья на море без заездов на твердую землю, – дух захватывает. О, если бы бог был ко мне милостив и дал бы мне всё перенести невредимо, хотя и стоило бы меня за многое наказать просто наказать всем этим! Но милосердие милосердие милосердного так безмерно! Мне бы хотелось, чтобы ты заказал обо мне заказал два-три молебна о моем благополучном путешествии, в таких местах и церквях, где увидишь священников, усерднее других молящихся. Прощай, мой добрый. Обнимаю тебя крепко, хоть и заочно. Постараюсь писать к тебе, откуда и как смогу. Еще раз благодарю за всё.

Весь твой Н. Г.

Адрес мой во всяком случае один и тот же, то есть в Константинополь. Оттуда письма найдут меня повсюду.

На обороте: Moscou. Russie.

Г. профессору императорского Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
В Москве. Близ Тверской, в Дегтярном переулке. В собственном доме.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

1848, Мальта. Генваря 23 н. ст.

Спешу написать к вам несколько строчек из Мальты. Вы видите, я уже в дороге. Хотя и далеко не таково состоянье души моей, какого бы мне хотелось, хотя случилось и случилось страдать немало моим слабым телом даже и во время этого небольшого морского переезда (в сравнении с предстоящими большими), но, слава богу, я еще жив, я еще могу надеяться, что бог приведет состоянье души моей в более благодатное состояние. Далее было: Бог милосерд, молитесь ему О если бы я приведен был в возможность состоянье так помолиться, как угодно богу, чтобы помолились ему люди! Не останавливайтесь молиться о благополучном моем путешествии, добрейший друг Надежда Николаевна.

Весь ваш Н. Г.

Из Неаполя я уже отправил вам два письма. Ответ на последнее ваше письмо и замечание вы уже имеете. Повторяю вам вновь, что ни против кого в душе не имею никакого неудовольствия. Напротив, всех люблю больше прежнего. Молитесь!

На обороте: Надежде Николаевне Шереметьевой.

А. П. ТОЛСТОМУ

Мальта. Генваря 27 н. ст. 1848

Еще несколько строк к вам, милый друг. Садясь на пароход, как-то захотелось сказать вам еще словечко, хотя и не знаю, что сказать. Разве только то, что я переменил дорогу и еду через Константинополь, желая избегнуть двадцатидневного карантина. Погода хмурится, гремит гром и шумит дождь. Каково-то будет мое плавание? Спасет ли бог меня недостойного? Во всяком случае еще раз приношу вам благодарность за всё. Скажу вам также, что в ушах моих звучат сильнее прежнего слова из письма Матвея Александровича. И дай бог, чтобы они не переставали звучать до самой Палестины. О! как велика тайна нашего искупленья! да хранит вас бог. Прощайте. Пишите и пишите в Константинополь.

Весь ваш Н. Гоголь.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

1848. Иерусалим. Февраля 28/16

Пишу к тебе несколько строчек, бесценный друг. И я, по примеру многих других, удостоился видеть место и землю, где совершилось дело искупления нашего. Прибыл я сюда благополучно, без всяких затруднений, едва приметивши, что из Европы переступил в Азию, почти без всяких лишений и даже без утомления. Уже успел произнести твое имя у гроба господня. О! да поможет нам бог, и тебе и мне, собрать все силы наши на произведение творений, нами лелеемых во глубине душ наших, в добро земли нашей, и да просветит нас светом разума святого евангелия своего! Я здесь не остаюсь долго, спеша возвратиться в Россию вместе с моим старым школьным товарищем, Базили, с которым и прибыл сюда и который, будучи нашим генеральным консулом в Сирии, заведывает делами всеми делами Иерусалима. Итак, будь покоен на мой счет. Если бог не будет вопреки желанию, то увидимся в Москве и заживем близи друг от друга. Если захочется тебе написать несколько строк о себе (которых жажду) прежде июля, надпиши на пакете: на письме в Полтаву; если после июля, то в Москву, на имя Шевырева, в университете.

Обнимаю тебя крепко вместе с доброй твоей супругой и милыми малютками.

Рейтернам душевный поклон!

Весь твой Гоголь.

Базили просит передать тебе свой поклон. Он написал преудивительную вещь, которая покажет Европе всей Европе Восток в его настоящем виде, под заглавием: «Сирия и Палестина».

Знания бездна, интерес силен. Я не знаю никакой книги, которая бы так давала знать читателю существо края.

на обороте: Francfort sur Main.

Son excellénce monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Saxenhausen.

Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ

Иерусалим. Февраля 28/16 1848

Пишу к вам с тем, чтобы сказать вам, что я здесь. Молитвами вашими, молитвами людей, угощающих богу, я прибыл сюда благополучно. У гроба господня я помянул ваше имя; молился как мог моим сердцем, не умеющим молиться. Молитва моя состояла только в одном слабом изъявлении благодарности богу за то, что послал мне вас, бесценный друг и богомолец мой. Ваши письма мне были очень нужны: они заставили меня получше осмотреть себя и разобрать строже свои действия. Приимите же еще раз мою благодарность отсюда, из этого места, освященного стопами того, кто принес нам искупленье наше. Рад буду нескованно, если в июле или в августе обниму вас лично. Прощайте.

Весь ваш Николай Гоголь.

Не позабывайте меня в молитвах ваших.

М. И., А. В., Е. В. и О. В. ГОГОЛЬ

1848. Иерусалим. Февраля 17/29

Несколько строк вам из Иерусалима. Благодаря бога, я прибыл сюда благополучно. Молился кое-как о себе, о вас же поручил молиться тем, которые умеют получше моего молиться. Пробуду здесь недолго и, если только благословит бог, то, может быть, в июне или июле месяце загляну к вам в Малороссию. А вы попрежнему не переставайте молиться обо мне. Напоминаю вам об этом потому, что теперь более, чем когда-либо, чувствую бессилие моей молитвы. Прощайте, почтенная матушка и любезные сестры.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Весь ваш Н. Г.

на обороте: Ее высоко благородию

Марии Ивановне Гоголь.

В Полтаву, оттуда в д. Васильевку.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

1848. Иерусалим. Февраля 17

Уведомляю вас, добный друг Надежда Николаевна, что я прибыл сюда благополучно. Помянул у гроба господня ваше имя. Примите от меня отсюда, из этого святого места, благодарность за ваши молитвы. молитвы обо мне Без этих молитв, которые, вossылали и вossылают обо мне люди, умеющие лучше меня молиться, я бы, вероятно, ни в чем не успел, – даже и в том, чтобы попристальнее обсмотреть самого себя и увидеть всё недостоинство свое. Молитесь теперь о благополучном моем возвращении в Россию и о деятельном вступлении на поприще на мое поприще с освеженными и обновленными силами. Летнее время проведу в Малороссии, а в августе месяце, может быть, загляну в Москву. Прощайте, добный друг мой.

Весь ваш Николай Гоголь.

на обороте: Moscou. Russie.

Надежде Николаевне Шереметьевой.

В Москве. На Воздвиженке.

В доме графа Шереметьева.

М. А. БАЗИЛИ

18 февраля 1848. Иерусалим

Вам незнакомою рукою пишу к вам несколько строчек. Вы видите, какая скверная рука и притом ошибка на всяком слове, а между тем строки эти пишет человек вам знакомый, уже знакомый и вас искренно полюбивший и в прибавку ко всему прочему довольно известный известный на Руси литератор. Всё совершенно обстоит благополучно. Ехали мы прекрасно, приехали и того лучше, собираемся ехать к вам тоже с наслаждением. Супруг ваш здрав с головы до ног, но навычен навычен, как верблюд депешами, донесеньями, отношениями и всякими переписками, и я, обрадовавшись этому случаю, решился к вам написать, вместо него, сие маранье. Прощайте. Хотел распространиться, но Константин Михайлович супруг ваш торопит. Бог да хранит вас здравыми, до свиданья.

Весь ваш Н. Гоголь.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Байрут. Марта 18/30 1848

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Со времени выезда из Неаполя я не имею известий ни от кого из России и не знаю,
что в ней делается. Здоров ли ты и здоровы ли все близкие нам? Путешествие мое,
благодаря бога, идет покуда довольно благополучно. С помощью генерального нашего
консула в Сирии Базили, моего старого товарища по школе, путь в Иерусалим, через
Сидон и древний Тир и Акру, а оттуда через Назарет, совершил. Жду здесь, в
Байруте, только парохода, чтобы переехать в Константинополь через Смирну, где
двенадцать дней буду в карантине. Пробывши несколько времени в Константинополе—
в Одессу, из Одессы — в Малороссию, что придется, может быть, в конце июня. Лето
проводу в Малороссии. В августе месяце хочется в Москву и в ней обнять вас. Пиши
мне в Полтаву, прибавляя: «оттуда в деревню Васильевку». Твои письма мне будут
лучший подарок, какой можно придумать. Уведоми подробнее, сколько возможно, о
себе и о всех наших знакомых, с извещением, кто куда перебирается на лето, а кто
остается в Москве. Погодину скажи, что я жду с нетерпением известий обо всем,
что он делает. Сергею Тимофеевичу дай при сем прилагаемую записочку. Кто также
ко мне напишет о себе, много обяжет. Я точно впопыхах и чувствую только одно
алкание знать...

Если что вышло замечательного на днях из книг, пожалуста, пришли.

Скажи Малиновскому, что я его очень благодарю за письма. Я перечел их в другой
раз и, вследствие того, осмотрелся еще построже и на себя и на разные другие
вещи. Я его прошу журнала не прерывать. От этого обоюдная польза, и его и моя.
Он меня очень обяжет, если пришлет еще несколько листков ко мне в Полтаву.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

1848. Апреля 2. Байрут

Уведомляю тебя, бесценный друг мой, что я, слава богу, жив и здоров, в
удостоверение чего и посылаю тебе сие свидетельство, по которому ты можешь взять
из казначейства остальные мои деньги и держать их у себя до времени приезда
моего на родину. в Петербург Покуда в путешествии Покуда во время моего
путешествия я в них не предвижу надобности; кажется, станет с тем, что при себе,
возвратиться в Россию. Путешествие мое в Иерусалим совершил я благополучно.
Отсюда отправляюсь в Константинополь через Смирну, где предстоит 12 дней
карантина. Обозревши Константинополь и всё, что вблизи его, — в Одессу; далее
начато: стало быть в середине лета — в Малороссию, где должен буду погостить
пробыть у матери. Осеню — в Москву, а там увижу, можно ли мне будет успеть
съездить в Петербург обнять тебя и немногих близких нам или отложить до весны.
Во всяком случае, ты меня уведоми о себе и о всем, что ни относится к тебе, и
где ты будешь летом, и где потом. Напиши, теперь же, не отлагая времени, и
адресуй письмо в Полтаву, присовокупя: «а оттуда в деревню Васильевку». Доставь
при сем следуемое письмечко Смирновой. Обнимаю тебя от всей души, бесценный и
добрый мой, и бог да хранит тебя здрава и невредима.

Твой Н. Г.

Усердная просьба: возьми у графа сочинение возьми для меня у графа ученое
сочинение под названием «Анализы греческого языка», изданное на латинском языке
в конце прошлого, в прошлом кажется, века французом Бодо или Будуа, большой том
in foglio, и перешли его мне в Полтаву. Уведоми меня также, посланы пересланы ли
деньги, 100 рублей серебром, ржевскому священнику. А самое главное — ради бога,
не позабудь меня наделить известьями о себе.

На обороте: S.-Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству г. ректору императорского С.-Петербургского университета

Петру Александровичу Плетневу.

В С.-Петербурге. На Васильевском острове. В Университете.

А. О. СМИРНОВОЙ

Бейрут. Апреля 4 1848

Уведомляю вас, добрый, бесценный добрый и бесценный друг мой Александра Осиповна, что путешествие мое в Иерусалим я совершил благополучно и что летом надеюсь быть в России; прошу вас убедительно уведомить меня о себе подробно и обстоятельно, где и как мне вас найти. Адресуйте в Полтаву, а оттуда в Васильевку. Это деревенька моей матери, у которой где я я должен буду прогостить конец лета. Напишите теперь же, не откладывая. Мне хочется по приезде моем застать ваше письмо уже там. Затем бог да хранит вас. Жажду вас нетерпеливо обнять лично.

Весь ваш Г.

На обороте: Александре Осиповне Смирновой.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

1848. Бейрут. Апреля 6

Пишу к тебе, бесценный и родной мой, несколько строчек из Бейрута, за несколько часов до отъезда с пароходом в Смирну и Константинополь. Уже мне почти не верится, что и я был в Иерусалиме. А между тем я был точно, я говел и приобщался у самого гроба святого. Литургия совершалась на самом гробовом камне. Как это было поразительно! Ты уже знаешь, что пещерка сама пещерка или вертеп, в котором лежит гробовая доска, не выше человеческого роста; в нее нужно входить, нагнувшись в пояс; больше трех поклонников в ней не может поместиться. Перед нею маленькое преддверие, кругленькая комнатка почти такой же величины почти не больше ее с небольшим столбиком посередине, покрытым камнем (на котором сидел ангел, возвестивший о воскресении). Это преддверие на это время превратилось в алтарь. Я стоял в нем один; передо мною только священник, совершивший литургию. Диакон, призывавший народ к молению, уже был позади меня, за стенами гроба. Его голос уже мне слышался в отдалении. Голос же народа и хора, ему ответствовавшего, был еще отдаленее. Соединенное пение русских поклонников, возглашавших «господи, помилуй» и прочие гимны церковные, едва доходило до ушей, как бы исходившее из какой-нибудь другой области. Всё это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моления и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моленья не в силах бы угнаться за нею. Я не успел почти опомниться, как очутился перед чашей, вынесенной священником из вертепа для приобщения меня, недостойного... Вот тебе все мои впечатления из Иерусалима. Дай мне известия о себе и о всем, что тебя касается, скорей, как можно. Я не имею до сих пор еще ответа ни на длинное мое письмо из Неаполя, ни на письмо из Иерусалима. Адресуй в Полтаву, для большей же точности прибавь: а оттуда в село Васильевку. Это деревенька моей матери, где я приостановлюсь на лето. Рад буду нескованно, если уже застану там твое письмо. Обнимаю вас крепко всех, от велика до мала.

Твой Н. Гоголь.

На обороте: Francfort sur Main.

Francfort s/M. Sachenhausen.

Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

А. П. ТОЛСТОМУ

Апреля 25/13 1848. Константинополь

Узнавши, что вы будете в Константинополе, оставляю вам несколько строчек, бесценный друг мой Александр Петрович. Я не писал к вам потому только из Иерусалима, что не знал, где вы. Путешествие свое совершил я благополучно. Я был здоров во всё время, – больше здоров, чем когда-либо прежде. Удостоился говеть и приобщиться св. тайн у самого святого гроба. Всё это свершилось силой чьих-то молитв, чьих именно – не знаю; знаю только, что не моих. Мои же молитвы даже не в силах были вырваться из груди моей, не только взлететь, и никогда еще так ощущительно не виделась мне моя бесчувственность, черствость и деревянность. Приехавши в Константинополь, нашел я здесь письмо ко мне Матвея Александровича. Что вам сказать о нем? По-моему, это умнейший человек из всех, каких я доселе знал, и если я спасусь, так это, верно, вследствие его наставлений, если только, нося их перед собой, буду входить больше в их силу.

Напишите мне о себе. Не позабудьте подробностей. Вы можете почувствовать сами, как мне хочется знать всё, что ни относится к вам: многое уже нас так связало... Адресуйте в Полтаву, а оттуда в деревню Васильевку. Это именница моей матери, где я приостановлюсь на лето. А между тем рекомендую вам моего сотоварища по школе, Халчинского. Он очень доброго сердца, благороден и весьма дальний человек. Софья Петровна, кажется, его не узнала...

С. П. АПРАКСИНОЙ

Около 25/13 апреля 1848. Константинополь.

В Константинополе нашел ваши два письмеца, добрейшая Софья Петровна. Благодарю вас за них много. Кое-как молился и о вас у гроба святого, то есть пролепетал и ваше имя вместе с другими именами, близкими моему сердцу. Не смущайтесь никакими событиями мира. Проезжайте с богом повсюду. Справляйтесь только при всяком поступке вашем с евангелием. Там сказано ясно, как нам быть с ближним нашим. Стало быть, сказано всё. Далее начато: Ведь не с 1 нрзб. вам иметь дело что нам за дело до того, какими кто волнует политическими мненьями или мыслями, исполним относительно к нему всё, что повелено нам исполнить в отношении к брату в евангельском смысле. Ведь мы для этих подвигов живем в мире, а не для каких-либо других. Очень меня порадуете уведомлением, порадуете, если напишете куды вы и как. Передайте мой искренно-дружеский поклон моим добрым приятельницам, Наталье Владимировне и Марии Владимировне. Не позабудьте также и мисс Henriette.

Весь ваш Н. Гоголь.

На обороте: Софье Петровне Апраксиной.

А. А. ИВАНОВУ

1848. Константинополь. Апреля 14/26.

Пишу к вам, добрейший мой Александр Андреевич, из Константинополя, за несколько часов до выезда отсюда в Одессу. Путешествие мое в Иерусалим совершилось, слава богу, благополучно. Уведомьте меня о себе. Я думаю, что вам теперь покойнее в

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Риме, чем было прежде. Я слышал, что вся римская молодежь выбралась в дорогу
вместе с шумом и волнением, так тревожным для художника. Адресуйте мне в
Полтаву, прибавляя: «а оттуда в деревню Василевку». Мне теперь более, чем
когда-либо, интересно о вас узнать всё. Прощайте! От всей души вас обнимаю.

Весь ваш Н. Г.

1848. Константинополь. Апреля 14/26.

Поблагодарите Бейне за его добре письмо, которое получил я в Неаполе, перед
самым выездом. вашим выездом Братца вашего обнимите.

На обороте: Roma. Italia.

Al signore signore Alessandro Iwanoff (Russo). Roma. Caffe Greco nella via
Condotti, vicino alia piazza di Spagna.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Константинополь. Апреля 14/26 1848

В Константинополе мне не разменяли векселя, который просрочен. В другие времена эта просрочка не значила бы ничего, и мне выдали бы даже с выгодой. Но теперь, при беспрестанных нынешних банкротствах, не выдают ни по какому векселю, не сделавши прежде предварительных исследований, объяснений жив ли такой-то дом, на имя которого дается вексель. Посылаю тебе этот вексель и убедительно прошу переговорить с самим Штиглицем, изъяснив ему, что я долго скитался на Востоке, в таких странах, что я был в таких странах нет банкиров, и потому акцентировать его не мог. А маленькие банкиры не что иное, как менялы, и по векселям не выдают. Если деньги получишь, то две тысячи рублей ассигнациями пришли мне в Полтаву, остальные держи при себе. Письмо мое из Бейрута ты, я думаю, уже получил вместе с свидетельством о жизни. Стало быть, маршрут мой знаешь. Жду с нетерпением от тебя известий. Обнимаю и целую тебя неисчислимое множество раз. Ольге Петровне передай мой дружеский поклон. Балабиным и Александре Осиповне Ишимовой также.

Весь твой Н. Г.

На обороте: Его превосходительству ректору С.-Петербургского императорского университета

Петру Александровичу Плетневу.

С.-П. Бург. В Университет.

Со вложением векселя.

М. И. ГОГОЛЬ

Одесса. Апреля 21 1848

Я ступил на русский берег довольно благополучно. Пишу к вам из карантина, в котором просижу недели две, да недели две, может быть, проживу в Одессе. в Одессе, покуда соберусь в дорогу и, запасвшись всем, что нужно для езды по России

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Успел видеться два раза с нашим добрым Андреем Андреевичем, который не позабыл
навестить меня на другой день по прибытии. Вести меня встретили печальные.
Беспрестанно узнаешь про смерть кого-нибудь из близких людей или же какие-нибудь
и разные смуты. Не знаю еще наверно, проживу ли я у вас больше побольше
двух недель. Мне нужно успеть в продолжение лета сделать многие нужные поездки.
Времена настали такие, в которые нельзя думать о собственных удовольствиях и
мирном провождении времени; нужно покрепче молиться. Помолитесь о мире и
соединении всех, а также и моем благополучном путешествии. Если не в конце мая,
то, может быть, в июне могу быть в Полтаве. Покамест я здоров. Обнимаю вас всех
мысленно.

Н. Гоголь.

на обороте: Ее высокоблагородию милостивой государыне

Марии Ивановне Гоголь.

в Полтаве, оттуда в село Василевку.

М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ

Одесса. 21 апреля 1848

В Константинополе нашел я драгоценное для меня письма ваше; оно было для меня
освежающим напутствием. Всякая строка его была как бы ответом на вопросы моего
бедного, пребывающего в греховой тьме сердца. Но только как вы добры и как
милосердны! Вы, сверх писем, за которые я в силах буду возблагодарить разве
только там, а не здесь, положили себе молиться обо мне всякий день. Часто я
думаю: за что бог так милует меня и так много дает мне вдруг, – и могу только
объяснить себе это тем, что мое положенье действительно всех опаснее, и мне
трудней спастись, чем кому другому. Много мне бы хотелось сказать вам. Но это
заняло бы страницы и весьма легко перешло бы в многословие, может быть, даже в
ложь... Дух-обольститель так близок от меня и так часто меня обманывал, заставляя
меня думать, что я уже владею тем, к чему только еще стремлюсь и что покуда
пребывает только в голове, а не в сердце. Скажу вам, что еще никогда не был я
так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима.
Только разве что больше увидел черствость свою и свое себялюбье – вот весь
результат. Была одна минута... но как сметь предаваться какой бы то ни было
минуте, испытавши уже на деле, как близко от нас искушатель! Страшусь всего,
вида ежеминутно, как хожу опасно. Блестит вдали какой-то луч спасенья: святое
слово любовь. Мне кажется, как будто теперь становятся мне милее образы людей,
чем когда-либо прежде, как будто я гораздо больше способен теперь любить, чем
когда-либо прежде. Но бог знает, может быть, и это так только кажется; может
быть, и здесь играет роль искушатель... Молитесь обо мне, великодушная душа! Вот
всё, что может сказать вам мое сердце, и слезы, в эту минуту упавшие на этот
лист бумаги, просят вас о том же. Не позабывайте меня иногда двумя-тремя
строками письма. Ведь вам это легко; вам нечего думать над тем, что сказать мне:
вы знаете, что вы сами по себе ничего не можете сделать и ничего не можете мне
сказать кстати без бога, могущего направить все мне кстати. Мой адрес теперь: в
Полтаву, а оттуда в деревню Василевку. Это деревенька моей матери. Там я пробуду
два летних месяца и потом в Москву. Бог да хранит вас.

Весь ваш Н. Г.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Одесса. 21 апреля 1848

Благодаря бога, достигнул я благополучно России. Пишу к тебе из карантина. Твое
Страница 17

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
милое письмо от 16/28 февраля получил я в Константинополе (большого письма
твоего я не получил, хотя и оставил я дал в Неаполе свой адрес). Я вижу из
письма твоего, что тебе было трудно и, может быть, даже очень трудно. Теперь ты,
верно, успокоился. Я так подумал, пробежавши 4 номер «Москвитянина». В письме
Жуковского, бывшем для меня истинно приятною нечаянностью, есть столько
утешительного. Оно, верно, сказало тебе много и ободрило. Я заметил уже силу и
твердость в тех строках твоих, которые успел пробежать в том же № журнала. Храни
тебя бог. Я вижу, что ты не напрасно взялся за журнал. Голос твой теперь нужен.
Но, мне кажется, всем нам следует во всех своих действиях теперь больше, чем
когда-либо прежде, умерять себя, помня ежеминутно, что мы все
нервически-неспокойны в нынешнюю эпоху. Очень было бы хорошо, если бы мы в
печатных статьях наших, возвещая в печатных статьях наших обращенных противу
кого-либо, исполняли тот простой долг в отношении к ближнему, который предписан
нам в простом быту нашем. Часто я думаю: неужели невозможна это литератору?
Неужели нельзя во время писанья статьи своей поставить себя перед лицо того,
которого законы и повеленья нам уже почти известны? Я думаю, что от этого всё бы
у нас вылилось яснее и лучше. Душа была бы спокойнее. Что сказать тебе об этих
сплетнях, сплетнях и всяких путаницах в которые иногда впутываются люди, близкие
нам? Я испытал эти положенья. Мне немало удавалось слышать о себе всяких
сплетней; в этих сплетнях мне открывалось только несколько глубже человеческое
сердце. А вывод я сделал себе тот, что нужно быть с людьми, с теми людьми
которые распустили про нас сплетни, так, как бы они о нас ничего не распускали.
(Едва ли сплетни эти сплетни есть произведение людское). Нужно входить всюду
просто, с открытым лицом; нужно, чтобы уверились наконец люди, что ты такой
человек, над которым сплетни не имеют никакой власти. Тогда, мне кажется,
сплетни и всякие путанья исчезнут сами собою. Но я, кажется, заговорился, и
письмо мое начинает отзываться нравоученьем. Прости, меня подвигнуло к тому
желанье сказать тебе что-нибудь утешительное на две грустные строки твоего
письма. Я писал к тебе уже из Константинополя и где и уведомлял о моем адресе.
Он остается, попрежнему: в Полтаву, а оттуда в д. Васильевку.

Подпишись за меня на «Москвитянин» в конторе, мимо сведения Погодина. Даром мне
бы не хотелось, тем более, что он должен высыпаться на имя матери моей. Мне
кажется, мне бы казалось что и все прочие приятели Погодина и «Москвитянина»
должны бы поступить так же; оно, кажется, безделица, но а если бы сделал это
человек семь-восемь, да посоветуй посоветовали это и другим то же, – от этого
обстоятельства Погодина всё бы таки были лучше. Прощай! Обнимаю тебя крепко, так
же, как и всех близких нам.

Скажи тем, которые усумнились во мне, что, каковы бы ни были обстоятельства и
случаи и как бы кто ни переменился относительно меня, всё это не имеет никакого
совершенно влияния на степень и количество моей привязанности к ним. Все образы
людей, с которыми я ни столкнулся в моей жизни, так стали теперь милы душе, даже
и те, которые не были очень близки, они так уже вошли в самое существо мое, что
не могу их вырвать, даже если бы в минуту глупости своей и захотел это сделать.
Без них было бы пустыней мое сердце. Прощай!

Мне кажется подчас, что всё то, о чём так хлопочем и спорим, есть просто суeta,
как и всё в свете, и что что прежде об одной только любви следует нам
заботиться. Она одна только есть есть уже истинно верная и доказанная истина.
Кто проникнется ею, тот говори прямо обо всем: правда повеет от слов его. О! да
поможет нам бог, и тебе и мне, возрастить эту любовь в сердцах наших.

Скажи Надежде Николаевне, что письма ее получены мною очень исправно в
Константинополе и что я буду отвечать. далее (на поле письма) начато: Мне
кажется, всё на свете мечта, о чём ни мудрствуем.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

Майя 4 1848. Одесса

Пишу к тебе, улуча есть уже свободную минуту, из Одессы. Приехал я сюда
Страница 18

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
благополучно вместе с Базили, которого попал на дороге в Россию. Полагаю завтра
пуститься в Полтаву, а оттуда в д. Васильевку, где располагаю пробыть с месяц, а,
может быть, и более. Уведоми меня двумя словами, будешь ли ты в Полтаву и когда.
Меня очень поразила весть о смерти Пащенка. Кроме того, что это была добрейшая
душа, он мне мог бы сообщить сведения, те сведения которые мне особенно
теперь нужны относительно многоного, что делается в наших околодках. Он был умен и
имел способность замечать. И ты и я лишились в нем товарища закадычного. Я до
сих пор не могу привыкнуть к мысли, что его уже нет. Здесь я встретил многих
знакомых и наших соучеников. Орлай оба, Александр и Андрей, прекрасные люди
малые и будут от души хлопотать о тебе. Но обо всем об этом мы переговорим
лично. Прощай. Обнимаю тебя крепко вместе с супругою и малюткой. Если Максимович
в Киеве, то обними его.

Твой Н. Г.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Одесса. Мая 6. 1848

Пожалуста, похлопочи об исправной высылке «Москвитянина» на сей 1848 год
генерал-майору его превосходительству Андрею Андреевичу Трощинскому в Одессу, в
доме княжны Гики. Деньги 13 рублей серебром при сем прилагаются. Я завтра отсюда
еду. Прощай.

Твой весь Н. Гоголь.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

16 мая 1848. Васильевка

Твое письмо принесло мне также много удовольствия. Ты спрашиваешь меня о
впечатлениях, какие произвел во мне вид давно покинутых мест. Было несколько
грустно, вот и всё. Подъехал я вечером. деревья – одни разрослись и стали рощей,
другие вырубились. Я отправился того же вечера один стеновой дорогой, позади
церкви, ведущей в Яворивщину, по которой любил ходить некогда, и почувствовал
сильно, что тебя нет со мной. Вероятно, того же вечера я был бы в Т²⁴³; листом,
но Т²⁴³; листе пусто, и мне стало еще грустнее. Всё это было в день моих
именин, 9 мая. Матушка и сестры, вероятно, были рады до пес plus ultra моему
приезду, но наша братья, холодный мужеский пол, не скоро растапливается. Чувство
непонятной грусти бывает к нам ближе, чем что-либо другое. Василия Ивановича я,
однако же, видел и у него плотного ремонтера средних лет, Николая Васильевича,
которого прежде видел делающим микроскопические дрожечки вместе с братьями.
Василий Васильевич нашел меня в Одессе, изумив, разумеется, своим ростом. своею
взрослостью жаль очень, что не случилось тебе провести это лето здесь. дай бог,
чтобы поездка в Одессу и купанье было спасительно для Ульяны Григорьевны. Если
бы я умел хорошо молиться, я бы помолился об этом так же, как она молилась о
благополучном моем приезде. Через неделю времени думаю пуститься в Киев
поглядеть на вас. Я слышал, что вы помещаетесь несколько тесненько, как всегда
бывает на казенных квартирах. Если это правда, то устрой мне помещенье у
Максимовича или у кого-нибудь другого из знакомых, хотя я, признаюсь, и не знаю,
кто из моих знакомых теперь в Киеве. Затем обнимаю вас обоих. До свиданья.

Весь ваш Н. Гоголь.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

Мая 16 1848. деревня Васильевка

Ваше письмо получил с особенным удовольствием, мой друг добрый Надежда

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Николаевна. Благодаря бога, достигнул я земной родины благополучно; достигну ли
благополучно небесной – вот вопрос, который должен бы меня занимать теперь
всего. Но, к стыду моему, должен признаться, что я далеко сердцем от этого
вопроса. Голова думает о нем, но сердце не растопилось, не пламенеет стремлением
к нему. У гроба господня я был как будто затем, чтобы там, на месте,
почувствовать, как много во мне холода сердечного, как много себялюбия и
самолюбия. Итак, далеко от меня то, что я полагал чуть не близко. При всем том
меня живит еще луч надежды. Я и доселе также лепечу холодными устами и черствым
сердцем ту же самую молитву, которую лепетал и прежде. Мысль о моем давнем
труде, о сочинении моем, меня не оставляет. Всё мне так же, как и прежде,
хочется так произвести его, чтобы оно имело доброе влияние, чтобы образумились
многие и обратились бы к тому, что должно быть вечно и незыблально. Друг мой,
молитесь обо мне. Если бог, молитвами вашими и других ему угодных людей, спас
меня и пронес благополучно сквозь все земли, то он властен также озарить меня
мудростью, необходимой для совершенства труда моего. В деревне я полагаю прожить
большую часть лета. От Жуковского имею известия: они сходные с теми,
которые вы получили уже от Елагиной. Мать и сестры вас помнят и вам кланяются.

Весь ваш Н. Гоголь.

К. С. АКСАКОВУ

Июнь 3 1848. Васильевна

Откровенность прежде всего, Константин Сергеевич. Так как вы были откровенны и
сказали в вашем письме всё, что было на языке, то и я должен сказать о тех
ощущениях, которые были вызваны при чтении письма вашего. Во-первых, меня
несколько удивило, что вы, наместо известий о себе, распространялись о книге
моей, о которой я уже не полагал услышать что-либо по возврате моем на родину. Я
думал, что о ней уже все толки кончились и она предана забвению. Я, однако же,
прочел со вниманием три большие ваши страницы. Многое в них дало мне знать, что
вы с тех пор, как мы с вами расстались, следили (историческим и философическим
путем) существа природы русского человека и, вероятно, сделали не мало
значительных выводов. Тем с большим нетерпением жажду прочесть вашу драму,
которой покуда в руках еще не имею. Вот еще вам одна мысль, которая пришла мне в
то время, когда я прочел слова письма вашего: «Главный недостаток книги (моей)
суть тот, что она – ложь». Вот что я подумал: да кто же из нас может так
решительно выразиться, кроме разве того, который уверен, что он стоит на верху
истины? Как может кто-либо (кроме говорящего разве святым духом) отличить, что
ложь, а что истина? Как может человек, подобный другому, страстный, на всяком
шагу заблуждающийся, изречь справедливый суд другому в таком смысле? Как может
он, неопытный сердцевинатель, назвать ложью сплошь, с начала до конца, какую бы
то ни было душевную исповедь, он, который и сам есть ложь, по слову апостола
Павла? Неужели вы думаете, что в ваших суждениях о моей книге не может также
закрасться ложь? В то время, когда я издавал свою книгу, мне казалось, что я ради
одной истины издаю ее, а когда прошло несколько времени после издания, мне стало
стыдно за многое, многое, и у меня не стало духа взглянуть на нее. Разве не
может случиться того и с вами? Разве и вы не человек? Как вы можете сказать, что
ваш нынешний взгляд непогрешим и верен или что вы не измените его никогда,
тогда как, идя по той же дороге исследований, вы можете найти новые стороны,
дотоле вами не замеченные, вследствие чего и самый взгляд уже не будет
совершенно тот и что казалось прежде целым, окажется только частью целого. Нет,
Константин Сергеевич, есть дух обольщенья, дух-искуситель, который не дремлет и
который так же хлопочет и около вас, как около меня, и увы! чаще всего бывает он
возле нас в то время, когда думаем, что он далеко, что мы освободились от него и
от лжи и что сама истина говорит нашими устами. Вот какие мысли пришли мне в то
время, когда я читал приговор ваш книге, на которую до сих пор я не имею духу
взглянуть. Скажу вам также, что мне становится теперь страшно всякий раз, когда
слушаю человека, возвещающего слишком утвердительно свой вывод, как непреложную,
непогрешительную истину. Мне кажется, лучше говорить с меньшей
утвердительностью, но приводить больше доказательств.

Драму вашу я прочту со вниманием и даю вам слово не скрыть своего мнения. Она
тем более для меня интересна, что, вероятно, в ней я отыщу яснейшее изложение

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
всего того, о чем вы говорите в письме вашем несколько неопределенно и неясно.
Прощайте, Константин Сергеевич! Бог вам в помощь! Когда-нибудь переговорим о
многом лично, и это, вероятно, будет лучше всяких письменных рассуждений. Покуда
не сердитесь на критики в журналах и не называйте их также следствиями вражды,
зависти и тому подобного. Во всякой из них может быть та частица правды, которая
только сначала колет в глаза, но если прочтешь несколько раз, она будет
целительна и полезна.

Искренне желающий вам добра и любящий вас

Н. Г.

на обороте: Константину Сергеевичу.

С. Т. АКСАКОВУ

Июня 8 1848. Василевка

Как вы меня обрадовали вашими строчками, добрый друг Сергей Тимофеевич! Но меня печалит, что вы так часто хвораете. Ради бога, берегите себя. Не позабывайте ни на час, что ваша натура, нервически-пылкая, склонна склонная более других к простудам. Теперь вечера очень опасны. Именно оттого, что дни невыносимо жарки и в воздухе засухи. Имейте всегда кого-нибудь при себе с плащом, который бы мог набросить его на вас в ту же минуту, как только станет холодеть. Теперь тысячами вокруг болеют и мрут. В Полтавской губернии свирепствует холера почти повсеместно, и в самой Полтаве. Бог да хранит вас! Драмы Константина Сергеевича я еще не имею; сегодня, однако, пришло объявление о посылке на рубль с половиной серебром. Вероятно, это она. Я ее прочту с любопытством уже и потому, что в ней должен заключаться вопрос тот вопрос, решением которого я серьезно теперь занят, не менее самого Константина Сергеевича. Поблагодарите Ольгу Семеновну и милых дочерей ваших за то, что они не позабывали матушку и сестер.

Весь ваш Н. Г.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Июня 8 1848. деревня Василевка

Жаль векселя, но так как в нынешнее время всем приходится нести потери и утраты имущества, то почему же не понести и мне. Разменяй 3-й билет вексель в 571 р. и пришли сюда, в Полтаву. Уведоми меня, поступил ли в число означенных тобою в число этих четырех билетов тот вексель, который был послан мне Прокоповичем и препровожден, много год тому назад, ко мне. В это время пролетело столько событий всякого рода как мимо меня, так и внутри меня, что я начинаю позабывать совершенно порядок дел моих. позабывать всё у тебя же всё это, по обыкновению, в порядке, с означением, без сомнения, месяцев и дней, в какие что было ко мне отправлено. Если когда-нибудь в свободное время не побрезгашь сделать об этом записочку (ее же выйдет пять-шесть строчек всего), то меня весьма обяжешь. Я еще ни за что не принимался. Покуда отдыхаю от дороги. Брался было за перо, но или жар утомляет меня, отнимает свежесть или я всё еще не готов. А между тем чувствую, что, может, еще никогда: не был так нужен труд, тот труд составляющий предмет давних обдумываний моих и помышлений, как в нынешнее время. Хоть что-нибудь вынести на свет и сохранить от этого всеобщего разрушенья – это уже есть подвиг всякого честного гражданина. Как мне скорбно, что бедная Смирнова так страдает! Передай ей это маленько письмечко. Я слышал, что муж ее назначен губернатором в Москву. Правда ли это? Я пробуду здесь еще месяц. месяц, если не полтора Прощай, обнимаю тебя крепко.

Твой Гоголь.

А. О. СМИРНОВОЙ

Около 8 июня 1848. Васильевка.

Как мне грустно, что вы до сих пор еще так страждете, друг мой! Бодритесь и крепитесь духом или, лучше, сложите руки крестом и произносите: «да будет воля твоя, господи!» Нервы – это такого рода болезнь, которая не оставит нас по тех пор, покуда весь не выболеешься и не наберется душа в этой болезни запасов на всю остальную жизнь. Не попробуете ли вы моря? Оно одно помогает нервам. Известите, далее начато: или сколько времени вы остаетесь еще в Петербурге. Я слышал, что Николай Михайлович назначен губернатором в Москву. Это бы хорошо. Это бы меня обрадовало Мы бы тогда всю зиму были вместе. Жуковский также. Прощайте, обнимаю вас. Меня еще бог держит на свете, хотя вокруг повсюду холера и всякие болезни. Люди умирают толпами.

Весь ваш Н. Г.

на обороте: Александре Осиповне Смирновой.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

Перед 15 июня 1848. Васильевка

Где вы и что с вами, моя добная Анна Михайловна? Напишите мне несколько строчек о себе, о графине Луизе Карловне, о графе Михаиле Юрьевиче и обо всем, что касается всех вас от мала до велика. Я еще существую и кое-как держусь на свете. Уцелею ли дальше среди множества вокруг меня болеющих и умирающих от холеры и всяких смертоносных недугов – это, разумеется, зависит от воли бога. Но если я не смущусь ничем и пребуду тверд среди явлений возмущающих и, не упавши духом, буду в силах, посреди потрясающей бестолковщины времени, удержаться совершив на своем мирном поприще литературном и быть певцом мира и тишины посреди браны, то это будет истинное чудо, далее начато: И я бы милость божья, которой и надеяться не смею, но о которой просить все-таки хочется.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

Полтава. 1848. Июнь 15

Уведомьте меня несколькими строчками как о себе, так и о всем близком сердцу моему вашем семействе, добреяшая моя Анна Михайловна! Может быть, мне удастся на несколько деньков заглянуть к вам в Петербург около августа месяца. Хотя это и не совсем для меня удобно, но мне так хочется увидать и обнять многих, что я, вероятно, употреблю с своей стороны все силы к тому, несмотря на повсеместные холеры, болезни и всякие бесчинства. А покуда, пожалуста, не позабывайте бедную Александру Осиповну, которая, как я вижу из маленького письма ее, страдает тяжело и томительно. Не позабывайте навещать ее как можно почаше, просите также Михаила и Матвея Юрьевича графиню маминьку вашу навещать ее. Софья Михайловна, верно (если она только в Петербурге), бывает у нее. бывает у ней часто Уведомьте также о здоровье государя и государыни и часто ли вы их видите. Я почти не имею ниоткуда никаких известий и, несмотря на то, что живу теперь в России, знаю и слышу меньше о России, чем сколько слышал знал о ней, бывши за границей. Летом, как известно, у нас всё томится от жару и ни о чем никому не пишет. Адресуйте в Полтаву, около возле которой невдалеке находится деревенька моей матери, где я на время приостановился. Письмо ваше я еще успею получить до отъезда моего в Москву. Прощайте, добная Анна Михайловна. Поцелуйте за меня ручки вашей маминьки и обнимите всех, начиная с Михаила Юрьевича. Как мне жаль будет, если если я не застану Софью Михайловну уедет в деревню и я ее не застану в Петербурге.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Весь ваш Н. Г.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Полтава. Июнь 15. 1848

Твое милое письмецо, посланное из франкфурта в Полтаву, получил. Большое же, напечатанное в «Москвитянине», прочел еще в Одессе, на другой день после того, как ступил на русский берег. Оно очень, очень сильно, понравилось многим, а меня освежило. Никогда еще так верно и так прекрасно не было сказано о долге писателя. Никогда еще, может быть, не было так нужно сказать это, как в нынешнее время. Я покуда, слава богу, еще здравствую и живу, хотя время не весьма здоровое и вокруг везде болезни. Еще не принимался сурьезно ни за что и отдыхаю с дороги, но между тем внутренне молюсь и собираю силы на работу. Как ни возмутительны совершающиеся вокруг нас события, как ни способны они отнять мир и тишину, необходимые для дела, но тем не менее нужно быть верну главному поприщу; о прочем позаботится бог. Что мы можем выдумать теперь, для нашего земного благосостояния или обеспечения себя или обеспечения близких нам, когда все неверно и непрочно и за завтрашний день нельзя ручаться? Будем же исполнять то, для чего нам даны богом силы и способности и в истине чего залогом служат те сладкие минуты, уверяют нас сладкие минуты которые мы в жизни ощущали, после которых и лучше молилось, и лучше благодарились, и лучше чувствовалось добро. Что нам до того, производят ли влияние слова наши, слушают ли нас! Дело в том, остались ли мы сами верны прекрасному до конца дней наших, умели ли возлюбить его так, чтобы не смутиться ничем, вокруг нас происходящим, и чтобы петь ему безустанно песнь даже и в ту минуту, когда бы валился мир и все земное разрушалось. Умереть с пеньем на устах – едва ли не таков же неотразимый долг едва ли не такая необходимость для поэта, как для воина умереть с оружием в руках. Еще с полмесяца я пробуду здесь, потом еду в Москву, из Москвы съезжу на месяц в Петербург, чтобы взглянуть на многое собственным глазом. По дороге зацеплю некоторые места и даже, может быть, сворочу несколько с дороги вовнутрь Руси, чтобы освежить свою память и все-таки набраться кое-каких нужных материалов. О дальнейшем извещу. Письма адресуй мне всегда в Москву, на имя Шевырева. Обнимаю тебя крепко, крепко, обнимаю также и всех вас, от мала до велика.

Весь твой Н. Гоголь.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

деревня Василевка. Июня 15 1848

Благодарю тебя за милое письмецо (от 17 мая). Вот уже месяц, как я на родине, где кажется мне покуда несколько пусто, хотя сам не знаю, отчего; ничего не мыслится и не пишется; голова тупа. Вокруг засухи и холера. В будущем предстоит голод и та же повсюдная политическая бестолковщина. Если бог не вмешается наконец сам в дело, люди погибнут от собственной глупости. Глупость делает в последнее время успехи неимоверные, и кто кого глупее – это теперь неразрешаемая задача. делается задачей, самой трудной для разрешения через месяц или с небольшим, если бог даст, надеюсь быть с тобой. Ты, однако же, отзовись на это письмо и извести меня, где ты и как тебя найти. От Сергея Тимофеевича я получил письмо, очень доброе и радушное. Если увидишь его, скажи, что я ему отвечал, адресуя, по его же указанию, в Сергиевский посад. Я получил письмо и от Константина Сергеевича, более юношеское, нежели когда-либо прежде. Драму его я пробежал, но так бегло, что, без сомненья, еще не могу дать никакого решительного своего сужденья. Покуда разве вот вопрос: отчего же она пробежалась бегло и не заставила втянуться в себя? И еще вопрос: отчего исторические драмы наши кажутся бледней и односторонней истории?

Прохладно ли сколько-нибудь в Сокольниках? Здесь такие жары повсюду, что не находишь места, куды укрыться. Я не помню в Италии такой томительной духоты даже во время широкко.

Передай поклон мой Чертковой, если она еще в Москве. Щепкина обними и скажи, что нетерпеливо желаю его видеть. Затем обними себя и всю дорогую семью, начиная с Софьи Борисовны и оканчивая лицом, может быть, мне неизвестным, если только бог его тебе дал.

Весь твой Н. Г.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Около 18 июня 1848. Васильевка

В письме моем к тебе, отправленном назад тому три дни, я позабыл присовокупить маленькую просьбу, а именно: отыскать Маргариту Александровну Базили и отослать ей при сем приложенное письмечко. Она остановилась в Москве у родных своих, князей Ипсиланти. Я не знаю, в собственном ли доме живут князья Ипсиланти или в нанятном. Я думаю, ты найдешь пути разведать. Далее начато: В доме графа Сергея Строганова Они часто бывают у Строгановых (графа Сергея) и, кажется, знакомы с Чертковыми.

Обнимаю тебя.

Твой Н. Г.

М. А. БАЗИЛИ

деревня Васильевка. 1848, июнь 20

Где вы и что с вами, уведомьте меня хотя двумя словечками о себе, добрейшая моя Маргарита Александровна. Мне грустно не иметь никаких известий ни о вас, ни о близком моем сердцу вашем супруге. Мне бы не хотелось не повидаться с вами обоими хотя на несколько минут прежде вашего отъезда. Не поленитесь прислать мне маршрут ваш, если он только уже вам известен. В конце июля или начале августа я буду в Москве. Рад буду очень, если вас еще застану. Здоровье мое хотя и не в таком благодатном состоянии, как было в Иерусалиме, Байруте и в дороге с вами, но, благодаря бога, всё еще кое-как держится.

Адресуйте мне в Полтаву.

Весь ваш Н. Гоголь.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

деревня Васильевка. 1848. Июнь 20

Уведоми меня хотя двумя словечками о себе, жив ли ты, здоров, и как идет твое бытие. Я думал было приехать напрямик в Петербург и потому не писал к тебе, но дело поворотилось не так; мне придется еще с месяц прожить в деревне, потом в Москву. Далее начато: А там в конце августа только надеюсь заглянуть в Петербург. Я, слава богу, кое-как еще держусь на свете, несмотря на болезни и холеры вокруг, хотя и не так свеж и бодр, как во время путешествия по Востоку и даже во время дороги в Россию. О прочем всём переговорим лично. Далее было: если доставит силу бог попасть здоровым в Петербург в письме не знаешь, с которого конца начать. Передай мой задушевный поклон супруге и погладь по головке деток. Жду отклика нетерпеливо.

Твой Н. Гоголь.

Между прочим, просьба: подпишись за меня на журнал Башуцкого «Иллюстрация» за текущий 1848 год с пересылкою с тем, чтобы он в Полтаву, на имя Марии Ивановны Гоголь. Первые Первые же номера, вышедшие доселе, от 1-го января до сего месяца, чтобы высланы были все рядом, а прочие исправно всякую неделю.

Мой адрес: в Полтаву.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

деревня Василевка. Июля 7 1848

Пишу к тебе больной, едва оправившийся от изнурительного поноса, который в три дни оставил от меня одну тень. Впрочем, это, слава богу, еще не холера, а просто понос от нестерпимых невыносимых жаров, томительнее которых, я думаю, не бывает в самой Африке. Никакого освеженья даже по ночам. Холера везде вокруг, и, я думаю, еще никогда не была она так повсеместно и скоро разносима. Маленькую доверенность (в рассуждении того, что она на осмушке) при сем прилагаю. Если по ней еще нельзя будет взять вдруг, то обяжешь меня, если вышлем мне из своих, хоть из своих какие найдутся у тебя под рукой, хоть рублей 150 серебром. Я совсем на безденежки. Вокруг – тоже ни у кого, начиная с моих родных, которым должен буду помочь. Голод грозит повсеместный. Урожая покуда еще нечего даже собирать. Всё не выросло и выжглось так, что не жнут, а вырывают руками по колоскам. Надежда есть еще кое-какая на поздние хлеба, особенно на гречу, если перепадет несколько дождей и засуха не будет так жестока. Я ничего не в силах ни делать, ни мыслить от жару. Не помню еще такого тяжелого времени. Деньги посыпай по такому же адресу, как и письма: в Полтаву. Пришли две тысячи ассигнациями, а остаток, в виде пятого билета, примкни к прежним четырем. Если ж тебе почему-либо удержать при себе не захочется или будет хлопотливо возиться, то, пожалуй, пришли хоть и весь вексель, в два приема или в один.

С. Т. АКСАКОВУ

Июля 12 1848. Василевка

И за письмо и за книги благодарю вас, добрый Сергей Тимофеевич. Как ни слаб я после недуга, от которого еще не оправился как следует, у меня был изнурительный понос, расслабивший меня до пес plus ultra (disenteria). но не могу отказать себе написать к вам несколько строчек. Какое убийственно-нездоровое время и какой удушливо-томительный воздух! Только три или четыре дни по приезде моем на родину я чувствовал себя хорошо. Потом беспрерывные расстройства в желудке, в нервах и в голове от этой адской духоты, томительнее которой нет под тропиками. Всё переболело и болеет вокруг нас. Холера и все роды поносов не дают перевести дух. Тоска (еще более оттого, что никакое умственное занятие не идет в голову). Даже читать самого легкого чтения не в силах. А потому не ждите от меня покуда никаких отчетов относительно впечатлений, произведенных прислаными книгами. Я после напишу Константину Сергеевичу мое мнение о его драме. Статья его о современном споре мне понравилась, может быть, оттого, что во время чтения голова моя была свежа и внимания достало на небольшую, статью. Ваш разбор драмы я бы желал нетерпеливо прочесть, хотя по кусочкам. Мне кажется, вы сделаете очень нелишнее дело, если займитесь им, тем более, что самый предмет, о котором пойдет речь, так важен для всех нас, что и сама драма и сам сочинитель могут остаться почти в стороне. В драме постигнуто что всего важнее, постигнуто высшее свойство нашего народа – вот ее главное достоинство! Недостаток – что, кроме этого высшего свойства, народ не слышен другими своими сторонами, не имеет гречного тела нашего, бестелесен. Зачем Константин Сергеевич выбрал форму драмы? Зачем не написал прямо историю этого времени? Странное дело: когда я разворачиваю историю нашу, мне в ней видится такая живая драма на каждой странице, так просторно открывается весь кругозор тогдашних действий и видятся все люди, и на первом и на втором плане, и действующие и молчащие. Когда же я

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
читаю извлеченную из нее нашу так называемую историческую драму, кругозор предо
мною тесен, я вижу только те лица, которые выбрал сочинитель для доказанья
любимой своей мысли. Полнота жизни от меня уходит; запаха свежести, первой
весенней свежести, я не слышу. Наместо действия, я слышу словопрения, и мне
кажется всё бледно. Не распространяю этих слов на драму Константина Сергеевича.
В ней вялости нет, язык свеж, речь жива. Но зачем, не бывши драматургом, писать
драму? Как будто свойства драматурга можно приобрести! Как будто для этого
достаточно живо чувствовать, глубоко ценить, высоко судить и мыслить! Для этого
нужно осязательное, пластическое творчество и ничто другое. Его ничем нельзя
заменить. Без него история всегда останется выше всякого извлеченного из нее,
сочинения.

Может быть, всё это, что я вам теперь говорю, есть ллюд нынешнего мутного
состояния моей головы, неспособной рассуждать отчетливо и ясно; может быть, в
другой раз, когда прочту внимательней это сочинение, и притом в минуту более
свежую, я выражусь иначе и лучше; но, мне кажется, я и тогда не соглашусь с
Константином Сергеевичем, будто драма есть художественное понимание истории в
известную эпоху. Скорей разве можно сказать художественное воспроизведенье ее.
Пониманья одного мало для драмы. Но обо всем этом потолкуем после. Сочиненьё, во
всяком случае, немаловажно и всегда останется замечательно тою высокую задачей,
которую оно задало нам и над которой стоит всякому истинно русскому поразмыслить
и порассудить сурьезно. Прощайте, добрейший Сергей Тимофеевич. Обнимаю вас
крепко. Не знаю, когда с вами увижуся. Хотел было ехать теперь, несмотря на
болезненную слабость, но узнал, что дилижансы из Харькова в Москву уничтожились.
Заводить свой экипаж нет средств и скуча. Попутчика покуда не отыскивается.
Напишите мне слова два о Михаиле Семеновиче, не будет ли он в Харькове? Он,
кажется, имеет обыкновенье заглядывать туда в августе, около ярмарки. Как бы мне
было приятно прокатиться с ним! Пишите.

Весь ваш Н. Г.

Всем вашим дружеским поклон.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

26 июля 1848. Ваельевка

Отвечаю тебе на твое письмо слабый, едва оправившийся от изнурительной
болезни. Сил у меня так немного, что всякая болезнь для меня изнурительна и
оставляет надолго след. Понос и рвота, продолжавшиеся дни три или четыре,
которые для другого были бы ничего, для меня важная вещь. Три недели уже прошло,
а я всё еще слаб. Время стоит здесь невыносимо знойное. Дождей ни капли. Жары
удушают и несут болезни. Солнце и палящие ветры сожгли землю и весь хлеб. Никто
не запомнит такого времени. В Москву не думаю, что выберусь раньше половины
августа, тем более, что теперь прекратилось заведение дилижансов (от Харькова до
Москвы), и я не знаю еще, как доберусь. Покупать экипаж затем, чтобы потом
бросить и ехать одному, для меня неудобно и дорого. Попутчика покуда никого нет.
Приехавши в Москву, я заеду прямо в Дегтярный переулок и, если тебя там еще не
будет, то зарасположусь там денька на четыре, если же ты уже переедешь, то
отправлюсь к Погодину под девичий, хотя это будет и далеко от всяких пунктов.
Впрочем, теперь останусь я в Москве не более, как неделю. На месяц или на три
недели нужно будет съездить в Петербург затем, чтобы после этого подольше
пробыть с вами. Найди средство отдать при сем прилагаемое письмо Базили. Я
думаю, он уже приехал из Петербурга и, может быть, с тобою увиделся. Человек
этот очень замечательный и умный и знает Восток в политическом, религиозном и
всяком отношении, как никто. Если его еще нет в Москве, письмо отправь к жене
его тем же путем, если только ты нашел его. Ожидая с нетерпением того
благодатного времени, когда мы наговоримся наконец о всем, что близко душе,
обнимаю тебя крепко и прошу за меня обнять всю семью свою.

Твой Г.

К. М. БАЗИЛИ

Июля 26 1848, Васильевка

Как жаль, что я хорошенъко не расспросил у тебя при расставаны нашем, как к тебе адресовать. Пишу через Шевырева, авось ты с ним увидишься или с кем-нибудь из знакомых ему, и через них он доберется до тебя и вручит тебе эти строки. Я писал уже этим путем, то есть через Шевырева, к Маргарите Александровне; не знаю, получила ли она или нет. А между тем я получил от нее весьма доброе письмецо, за которое прошу тебя поблагодарить от меня много и много. Она меня порадовала известием, что твои дела, слава богу, идут хорошо, хотя я не знаю, как именно. Пожалуйста, уведоми двумя словами о том, каким образом всё устроилось и какой возымело оборот, а вследствие того и какой ныне твой маршрут. Мне бы очень хотелось с тобой повидаться еще раз прежде твоего отъезда. Я противу чаяния прожил в деревне гораздо более, чем думал: холера и всякие болезни вокруг, а наконец и моя собственная болезнь, от которой в силу доселе мог оправиться, задержали мой отъезд. В половине августа думаю, однако ж, подняться в Москву; авось даст бог в ней увидеться. Прощай! Обнимаю тебя крепко, хоть и заочно.

Твой Н. Г.

Маргарите Александровне душевный и братский поклон.

Н. Ф. ПАВЛОВУ

Лето, до 24 августа, 1848. Васильевна.

Я читал со вниманием и несколько раз ваши письма, напечатанные в «Московских ведомостях». Возвратившись в Россию, я перечел их еще раз, над многим задумался. Многое отыскал в себе такое, чего не подозревал. Чего не отыщешь в себе, если только, победивши раздражительность самолюбия, поставил?.. Так в исходном тексте; невидимому, фраза не закончена. Но при всем том, победя гордость и самоуверенность, и теперь, как и прежде, должен сказать, что многое вы приняли не в том виде, многому приписали такой грубый смысл, что поныне стонут мои нервы и сердце содрогается. В исходном тексте примечание: «Не разобрано». Когда я пробежал сам свою книгу по возвращении, я был испуган ею, не мыслями и не идеями, но той чудовищностью и тем излишеством, с которым многое было выражено и которая, точно, представила в другом виде мои мысли многим и приписала многому такие цели и такие виды, от которых должно содрогнуться сердце благородного человека. Есть какой-то дар преувеличения, есть какое-то неспокойствие в нашем времени. Головы всех не на месте. Может быть, от этого самого истина ищется более, чем прежде. Это переходное состояние, в котором находится настоящая эпоха, совершается и в каждом, человеке, особенно в том, который идет вперед. Со мною было то же от переходного моего состояния. Бог знает, может быть, оно продолжается, и его памятником моя книга. В продолжение многих лет, отделивши от моих собственных..... Так в исходном тексте я стал следовать за душою человеческою

и отдал себя всего этому исследованию с тех пор, как сам заболел душою. И вообразил я себе, что я достигнул высших степеней и открыл вещь неизвестную ?, как святую обязанность, не могу снести до сих пор..... Так в исходном тексте Возле меня не было в это время такого друга, который бы мог остановить меня; но я думаю, если бы даже в то время был около меня наиближайший друг, я бы не послушался. Я так был уверен, что я стал на верхушке своего развития и вижу здраво вещи. Я не показал даже некоторых писем Жуковскому, который мог мне сделать возражение. далее зачеркнуто: так я торопился с этой опрометчивой книгой, точно как бы какая-то сила меня толкала. Я был так уверен

Не знаю я, винить ли меня, если это состояние невольное, если оно объемлет всех.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Взгляните пристально, и вы заметите это состояние у всех, которые стоят впереди,
и между тем всякий уверен, что он уже выбрался из этого состояния, и дух
самоослепления является ... гордая

уверенность. Удастся ли ему одну сторону истины открыть, он уже горд своим
открытием...

П. А. ПЛЕТНЕВУ

1 сентября 1848. Черниговская губерния, с. Сварково

деньги, 150 р. серебром, получил исправно. Здоровье мое, слава богу, немного
лучше; выезжаю на днях, затем, чтобы пораньше приехать в Москву и оттуда иметь
возможность заглянуть в Петербург. Поздо осенью и во время холодов ехать мне
невозможно. Не согреваюсь в дороге вовсе, несмотря ни на какие шубы. После 15
сентября или около того, может быть, обниму тебя. Поговорить нам придется о
многом. Прощай! Твой весь

Н. Гоголь.

А. В. ГОГОЛЬ

Начало сентября 1848. Село Сварково.

Пишу к тебе слова два из Сваркова, куда прибыл благополучно. Завтра отсюда
выезжаю весьма покойно в Орел, в экипаже А. М. Марковича, а оттуда в Москву, с
дилижансом, о чем ты можешь известить матушку. Когда приедет кочубейский
лесовод, не позабудь спросить у него, когда именно он будет садить желуди у
Кочубея, и об этом меня уведоми, равно как и о том, как ты расправляешься с
работами в саду, о чем, как ты сама знаешь, мне беседовать всегда приятно...

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

Орел. Воскресенье 5 сентября 1848

добрался я до Орла благополучно. Но здесь, к величайшему моему изумлению,
дилижанса не нашел. Они уничтожены так же, как и в Харькове. Далее начато: Если
бы я это мог предвидеть Как жалею теперь, что не взял из дома человека! Уже
хотел отправляться один Отправляюсь один на перекладных на так называемых
вольных и на перекладных, но раздумал, вспомня хвостость свою и недостаточную
храбрость, и решился нахальным образом взять у тебя человека, а у добрейшего
Александра Михайловича бричку до Москвы. В Москве же нанимаю надежного
извозчика, который отвезет к вам и Прокофия и бричку в исправности. Разница
будет в лишней неделе. Прощай! Обними за меня Ульяну Григорьевну и передай
душевный мой поклон ее милым сестрицам. Александру Михайловичу засвидетельствуй
мою и признательность и любовь. Не забывай и пиши. Еще раз выставляю тебе адрес:
его высокородию Степану Петровичу Шевыреву, далее начато: для передачи близ
Тверской, в Дегтярном переулке, в собственном доме.

Твой Н. Гоголь.

Это письмо тебе вручит извозчик мой Захар Москаренко, которому ты вручи за меня
1 целковый, за который я тебе пришлю из Москвы фунт конфект.

дай извозчику еще один целковый.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
На обороте: Его высокоблагородию Александру Семеновичу Данилевскому. В Сварков,
близ Глухова. В Глухове, оттуда в Сварков.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

Сентября 12 1848. Воскресенье Москва

Посылаю тебе булавку, 4 куска казанского мыла и конфект с желаньем, чтобы всё
пришлось по вкусу. В Москве, кроме немногих знакомых, нет почти никого. Всё еще
сидит по дачам и деревням. Россета также нет; он, как сказывают, находится
где-то в путешествиях в Харьковской губернии. Теперь я еду в Петербург. Первых
чисел Около первых чисел октября полагаю возвратиться в Москву. Адрес остается
попрежнему.

Твой Н. Гоголь.

Уведоми, в исправности ли всё пришло вместе с Прокофием, равно как и то,
доставлена ли извозчиком (прежним) бричка.

Ульяне Григорьевне душевный и братский поклон. Александру Михайловичу также.

Извозчику, который везет Прокофия, всё заплачено и ничего ему не следует, даже
на водку.

М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ

Москва. Сентября 12 1848. Воскресенье

Пишу к вам несколько слов из Москвы, многоуважаемый мною брат и богомолец! я,
слава богу, приехал сюда цел и невредим. Может быть, через месяц приведет меня
бог поблагодарить вас лично за всё. Покуда я читаю и перечитываю ваши письма;
это чтение мне нужно, оно заставляет меня внимательно осматриваться на себя. В
нынешнее опасное время это еще необходимо, чем когда-либо прежде. Не оставляйте
меня попрежнему. Одна мысль о том, что вы обо мне возносите моленья, уже
освежает меня и бодрит. Искренне признательный и благодарный вам

Н. Гоголь.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

16 сентября 1848. Петербург.

Был у тебя уже два раза. На дачу не мог попасть и не попаду, может быть, ни
сегодня, ни завтра. Тем не менее обнимаю тебя крепко в ожиданье обнять лично. Я
еду сейчас с Михаилом Юрьевичем Виельгорским в Павлино, а оттуда в Павловск. По
случаю торжественного фамильного их дня, отказаться мне было невозможно.

Весь твой Н. Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

Сентября 20 1848. Петербург

В Петербург я приехал благополучно. Благодаря молитвам, может быть, вашим,

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
почтенная и добрая моя матушка, я чувствую себя хорошо. Несмотря на многие
грустные явления, которых свидетелями приходится нам быть ныне чаще, нежели в
прежние времена, милость божия еще держит дух мой и доставляет мне случаи видеть
многое утешительное. Будем же крепки, будем тверды нашей верой в того, кто один
только может помочь всему. Обнимаю мысленно как вас, так и сестер.

Ваш признательный сын Н. Г.

Адресуйте письма в Москву, на имя Степана Петровича Шевырева, близ Тверской, в
Дегтярном переулке, в собственном доме.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

Петербург. Сентября 24 1848

Письмо твое я получил уже в Петербурге. Оно меня встревожило, во-первых, тем,
что бричка не привезена, как видно, извозчиком, привезшим меня в Орел.
Во-вторых, что я точно позабыл второпях дать от себя какой-нибудь
удовлетворительный вид Прокофию. Теперь я в страхе и смущении. Извозчик,
повезший Прокофия, кажется, честный человек, с пашпортом и за поручительством
дворника двора, в котором стоял он в Москве. Он Орловской губернии, Мценского
уезда, крестьянин сельца Бибкова, помещицы Ольги Николаевны Руценовой. Имя ему
Федор Ильин. Вавилов Всё это написано в его пашпорте. С ним послана также тебе
золотая булавка, казанское мыло и конфекты, что всё должен тебе доставить
Прокофий. Я не понимаю сам, как я одурел и распорядился так плохо. Из Орла тоже
я не успел написать второго письма о перемене намерения брать бричку, но на
словах рассказал всё извозчику, чтобы он донес тебе, как это случилось. На него
я понадеялся, как на человека из Глухова, известного в Сваркове всем людям. Ради
бога, успокой меня скорейшим уведомлением. В Петербурге я успел видеть
Прокоповича, вокруг которого роща своей семьи, и Анненкова, приехавшего на днях
из-за границы. Всё, что рассказывает он, как очевидец, о парижских
происшествиях, – просто страх: совершенное разложение общества. Тем более это
бездотрадно, что никто не видит никакого исхода и выхода и отчаянно рвется в
драку, затем, чтобы быть только убиту. Никто не в силах вынести страшной тоски
этого рокового переходного времени. состояния И почти у всякой ночь и тьма
вокруг. А между тем слово молитва до сих пор еще не раздалось ни на чьих устах.
Ульяну Григорьевну благодарю очень за письмо. Обнимаю вас обоих, а Олинке
поцелуй.

Весь твой Н. Г.

Адрес мой попрежнему: на имя Шевырева, в Дегтярном переулке, в собственном доме,
близ Тверской. Я здесь еще пробуду неделю с небольшим.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

25 сентября 1848. Петербург.

Письмо ваше, добрый друг мой Надежда Николаевна, я получил уже в Петербурге. В
Москве я ожидал вашего приезда или ответа от вас, потому что Шевырев посыпал вам
посыпал вам в Рузу дать знать о моем приезде. Мне было жалко выехать из Москвы,
вас не видавши, но так как я надеялся через три недели возвратиться назад, то и
не предпринимал поездки в Рузу для свиданья с вами. Душевно благодарю вас за
строки письма вашего, исполненные попрежнему любви и участия. Скоро надеюсь
поблагодарить вас лично за всё.

Весь ваш Н. Гоголь.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
На конверте: Его высокородию Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве.

Близ Тверской, в Дегтярном переулке,

в собственном доме.

Для передачи Надежде Николаевне Шереметьевой.

Ф. Л. ХАЛЧИНСКОМУ

Вторая половина сентября – начало октября 1848. Петербург

Гоголь весьма сожалеет, что не имел удовольствия застать дома Федора Лаврентьевича и передать лично поклон от Ивана Дмитриевича из Константинополя.

М. П. ПОГОДИНУ

Начало октября 1848. Петербург.

Вот тебе несколько строчек, мой добрый и милый! Едва удосужился. Петербург берет столько времени. Езжу и отыскиваю людей, от которых можно сколько-нибудь узнать, что такое делается на нашем грешном свете. Всё так странно, так дико. Какая-то нечистая сила ослепила глаза людям, и бог попустил это ослепление. Я нахожусь точно в положении иностранца, приехавшего осматривать новую, никогда дотоле невиданную землю: его всё дивит, всё изумляет и на всяком шагу попадается какая-нибудь неожиданность. Но рассказов об этом не вместишь в письме. Через неделю, если надеюсь бог даст, увидимся лично и потолкуем обо всем. Я заеду прямо к тебе, и мы с месяцем поживем вместе. Обнимаю и целую тебя крепко. Передай поцелуй всем домашним. Весь твой

Н. Гоголь.

Не позабудь далее начато: передать также обнять Шевырева, С. Т. Аксакова и всех, кто любит меня и помнит. Зеньков у меня был. Из него выйдет славный человек. В живописи успевает и уже почувствовал сам инстинктом почти всё то, что приготовлялся я ему посоветовать.

А. О. СМИРНОВОЙ

Москва. Октября 14 1848

Я вас ожидал, добрая моя Александра Осиповна, у Веневитиновых. Я думал потом, авось-либо вы заедете в контору дилижансов. Но вас не было, и мне сгрустнулось. Мы с вами так немного виделись! Едва только что успели разговориться. Не оставляйте меня в подлиннике: мне хотя письмами и дайте надежду увидеть вас скоро в Москве. Здесь привольнее. Тут найдется более свободного, удобного времени для бесед наших, чем в беспутном Петербурге. Еще одна просьба: не оставляйте Вельгорских, особенно тех из них, которым вы можете быть нужнее. Ничего больше, как старайтесь только почаще видеться с графиней Луизой Карловной и Анной Михайловной, хотя бы вам показалось, что они с своей стороны и не очень хотят этого. Мне, признаюсь вам, очень жалко было очень жалко за Анну Михайловну. У ней было так много прекрасных материалов. Ее нынешнее состояние душевное, мне кажется, должно более преклонить к участию в ней, чем к порицанию. От долговременной борьбы с собой или, лучше сказать, с хандрай своей, она

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru утомилась и устала. Чувствуя это временное бессилие свое, она не борется, не действует и покорилась, далее было: может быть, также этому дала увлечать себя этому минутному развлечению света, как покорились вы невинным временным развлеченьям, вроде игры в карты и тому подобное. Тем не менее ее положенье опасно: она – девица, наделена большим избытком воображенья. Ее слова меня испугали, когда она сказала мне: «я хотела бы, чтобы меня что-нибудь схватило и увлекло; я не имею собственных сил». Страйтесь быть с ней как можно чаще. Не придумывайте ничего, чем помочь ей или развлечь. Все наши средства смешны и ничтожны. От нас требуется только одной любовной, исполненной участья беседы, а всё прочее обделывает и устрояет бог. Говорите с ней больше всего о том, о чем мы с вами говорили, то есть о том, что ближе всего должно быть сердцу русского человека. Всё, что клонится к тому, чтобы узнать, в чем именно состоит есть наше истинно русское добро, есть уже неистощимый предмет разговоров. Тут воспитывается твердыня нашего характера, и разум озаряется светом. Но боюсь много заговориться. Времени нет теперь писать больше. Обнимаю вас, моя добрая, и жду от вас с нетерпением ваших попрежнему близких душе моей строк. Прощайте. Адресуйте на имя его высокородия Степана Петровича Шевырева, близ Тверской, в дегтярном переулке. Добрейшего Аркадия Осиповича обнимите. Весь ваш

Н. Г.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

26 октября 1848. Москва.

Я получил письмо ваше, добрый друг Надежда Николаевна. Благодарю вас. Голос ваш всегда мне отраден. Что же касается до молитв ваших, то за них, верно, будет благодарить душа моя вечно. Не надивлюсь милости провидения, которое, видя бессилие моих собственных молений, устроило так, чтобы обо мне молились другие.

Не позабудьте известить меня, когда вы будете в Москву. Мне бы очень хотелось променять нашу переписку на изустную беседу. Сделайте одолжение, передайте поклон мой вашему достойному сыну, с которым мне очень желательно познакомиться. Бог да хранит вас!

Весь ваш Н. Г.

На конверте: Милостивой государыне Надежде Николаевне Шереметьевой. В Рузу Московской губернии.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

Москва. Октября 29 1848

Как вы? как здоровье ваше, добрейшая моя Анна Михайловна? Что до меня, я только что оправляюсь от бессонниц своих, которые продолжались даже и здесь, в Москве, и теперь только начинают прекращаться. Москва уединенна, покойна и благоприятна занятиям. Я еще не тружусь так, как бы хотел, чувствуется некоторая слабость, еще нет этого благодатного расположения духа, какое нужно для того, чтобы творить. Но душа кое-что чует, и сердце исполнено трепетного ожидания этого желанного времени. Напишите мне несколько строчек о ваших занятиях и состоянья духа вашего. Я любопытен знать, как начались у вас ваши русские лекции. Покуда я еще не присыпаю вам списка книг, долженствующих составить русское чтение в историческом отношении. Нужно много обнять и рассмотреть предварительно, чтобы уметь подать вам одно за другим в порядке, чтобы не очутился суп после прежде соуса и пирожное прежде жаркого. Напишите, как распоряжается мой адъюнкт-профессор и в каком порядке подает вам блюда. Я очень уверен, что он вам скажет очень много хорошего и нужного, и в то же самое время уверен, что и мне останется что и я найду себе место вставить свою речь и прибавить что-нибудь такого, чего он позабудет сказать. Это зависит не от того, не от большей

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
нечитанности чтобы я больше его был начитан и учен, но от того, что всякий сколько-нибудь талантливый даровитый человек имеет свое оригинальное, собственно ему принадлежащее, чутье, вследствие которого он видит целую сторону, другим не примеченную. Вот почему мне хотелось так хотелось бы сильно, чтобы наши лекции с вами начались 2-м томом «Мертвых душ». После них легче и свободнее было бы душе моей говорить о многом. Много сторон русской жизни русского быта еще доселе не обнаружено ни одним писателем. Хотел бы я, чтобы по прочтении моей книги люди всех партий и мнений сказали: «Он знает, точно, русского человека. Не скрывши ни одного нашего недостатка, он глубже всех почувствовал наше достоинство».
Хотелось бы также заговорить о том, о чем еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чем неясные звуки и намеки были уже рассеяны в самых первоначальных моих сочинениях. Их не всякий заметил... Но в сторону это. Не позабудьте рядом с русскою историей читать историю русской церкви; без этого многое в нашей истории темно. Сочинение филарета Рижского теперь вышло целиком: пять книжек. Их можно переплести в один том. Книга эта есть, кажется, у Матвея Юрьевича, которого при этом случае обнимите за меня крепко. О здоровье вновь вам инструкция: ради бога, не сидите на месте более полутора часа, не наклоняйтесь на стол: ваша грудь слаба, вы это должны знать. Страйтесь всеми мерами ложиться спать не позже 11 часов. Не танцуйте вовсе, в особенности бешеных танцев: они приводят кровь в волнение, но правильного движенья, нужного телу, не дают. Да и вам же совсем не к лицу танцы: ваша фигура не так стройна и легка. Ведь вы нехороши собой. Знаете ли вы это достоверно? Вы бываете хороши только тогда, когда в лице вашем появляется благородное движенье; видно, черты лица вашего затем уже устроены, точно как будто черты лица вашего устроены чтобы выражать благородство душевное; как скоро же как только нет у вас этого выражения, вы становитесь дурны.

Бросьте всякие, даже и малые, выезды в свет. Вы видите, что свет вам ничего не доставил: вы искали в нем душу, способную отвечать вашей, думали найти человека, с которым об руку в подлиннике: об руки хотели пройти жизнь, и нашли мелочь да пошлость. Бросьте же его совсем. Есть в свете гадости, которые, как репейники, пристают к нам, как бы мы ни осматривались. К вам кое-что уже пристало; что именно, я покуда не скажу. Храни вас бог также от пополнений на так называемую светскую любезность. Сохраняйте простоту дитяти – это лучше всего. «Наблюдайте святыню со всеми!» Вот что мне сказал один раз один святой отшельник. Я тогда не понял этих слов, но чем далее входу в них, тем глубже слышу их мудрость. Если бы мы подходили ко всякому человеку, как к святыне, то и собственное выраженье лица нашего становилось бы лучше, и речь наша облеклась бы в то приличие, ту любовную, родственную простоту, которая всем нравится и вызывает с их стороны тоже расположенье к нам, так что не скажет нам тогда никто неприличного или дурного слова. Не пропускайте бесед с такими людьми, от которых вы можете многому поучиться, не смущайтесь тем, если что они имеют черствую наружность. Будьте только к ним внимательны, умейте их расспрашивать, и они с вами разговарятся. Помните, что вы должны сделаться действительно русскою, по душе, а не по имени. Кстати: не позабудьте, что вы мне обещали всякий раз, когда встретите Даля, заставлять его рассказывать о быте крестьян в разных губерниях России. Между крестьянами особенно слышится оригинальность настоящая оригинальность нашего русского ума. Когда случится вам видеть Плетнева, не забывайте его расспрашивать о всех русских литераторах, с которыми он был в сношениях. Эти люди были более русские, русские духом и мыслью нежели люди других сословий, а потому вы необходимо узнаете многое такое, что объяснит вам еще удовлетворительнее русского человека. Если будете видеться с Александрой Осиповной, говорите с ней только о России: в последнее время она много увидела и узнала из того, что делается внутри России. Она также может вам назвать многих замечательных людей, с которыми разговор не бесполезен. Поучителен Словом, имейте теперь дело с теми людьми, которые уже не имеют дела со светом и знают то, чего не знает свет. Бог да хранит вас! Прощайте. Не позабывайте меня и пишите чаще. Делайте мне такие же черственные и жесткие наставления, как и я вам, не скрывая дурного, ничего дурного которое во мне заметили. Мы ведь это обещали друг другу.

Ваш весь Н. Гоголь.

Обеих сестриц, Аполлиарию и Софью Михайловну, обнимите крепко. В письмах мне покуда надписывайте так: на Тверской, в конторе «Москвитянина». Через неделю

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
переезжаю и пришлю вам адрес новой квартиры.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

Москва. Октября 29 1848

По приезде из Петербурга нашел твое письмо. Не отвечал на него вдруг потому, что хотел собрать для тебя какие-нибудь удовлетворительные сведения насчет службы в Москве. Но до сих пор ничего утешительного не могу сказать. Из того, что перед моими глазами, вижу я только то, что что, во-первых те благодатные места членов, которые приходят на ум тебе, подхвачены подхвачены давно повсюду, притом жалованье бездельное. Даже и нет таких, чтобы доходили до трех тысяч ассигнациями. Все прочие места, какие ни поглядишь, сопряжены с ответственностями и с тревогами, способными вывести из терпения даже и постоянного человека, не только тебя. Жизнь в Москве стала теперь гораздо дороже. С какими-нибудь тремя тысячами едва холостой человек теперь в силах прожить, в силах пробиться женатому обыкновенно женатому же без 8 тысяч трудно обйтись, — я разумею— такому женатому, который бы вел самую умеренную жизнь и наблюдал бы во всем строжайшую экономию. Почти все мои приятели сидят на безденежье, в расстроенных обстоятельствах, и не придумают, как их поправить. При деньгах одни только кулаки, пройдохи и всякого рода халуги. От этого и общество и жизнь в Москве стали как-то заметно скучнее. Я теперь сурьезно задумался о том, служить ли тебе, добиваться ли места в нынешнее время, когда всё так неверно, когда завтра же не знаешь, что будет. В деревне можно, по крайней мере, хоть не умереть с голоду. Скучно, может быть, пусто, но ведь это крест, который должно несть. А крест никогда не бывает легок. Ты очутился против желанья, может быть, против воли помещика. Что ж делать? Нужно принять это, как данную провиденьем обязанность, должность и обязанность глядеть на нее, как на должность, размерить день свой, отдать час или два всякое утро на хозяйство. Покуда не примиримся мы с мыслью, что жизнь — горечь, а не наслажденье, что все мы здесь поденщики и плату получаем только там за ревностное исполнение своего дела, — до тех пор не обратится нам жизнь в наслажденье, и не почувствуем значенья слов: «Иго мое благо и бремя мое легко есть». Скука будет тебя преследовать теперь преследовать в городах еще более, чем в деревне, потому что многое так стало теперь грустно, как никогда доселе не бывало. Подумай обо всем этом хорошенько, не позабывши принять в соображенье свои наклонности, свой характер и т. д. А я покуда буду забирать еще сведения, хотя и не предвижу ничего утешительного. Ты же сделал дурно, очень дурно что не заставил Алексея Васильевича Капниста написать о тебе подробно Ивану Васильевичу. Он все-таки более других может быть тебе полезен. Прощай. Обнимаю тебя крепко. Передай душевный дружеский поклон Ульяне Григорьевне. Поцелуй крошку-дочь и кланяйся от меня всем. Адрес остается попрежнему.

Твой Н. Г.

М. И. ГОГОЛЬ

Москва. Ноябрь 1 1848

Возвратившись из Петербурга, застал ваши письма. Рад, что у вас покуда всё всё еще благополучно. Отправьте добром Андрею Андреевичу это письмечко. Я собственно для себя не имею надобности в деньгах. Лишних денег желал бы разве только затем, чтобы уделить вам. Впрочем, вы можете обратиться к нему сами в случае, если бы пришла вам последняя крайность, от которой да бережет вас бог. Прощайте, покуда не имею досуга писать больше. Напишу, Напишу после когда буду посыпать сестрам шнуровки, о которых за множеством дел позабыл было вовсе.

Ваш всегда признатательный сын Н. Г.

М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ

Москва. Ноября 9-го 1848

Я к вам долго не писал, почтеннейший и близкий душе моей Матвей Александрович. Сначала я думал было скоро увидеться с вами лично. Потом, когда случилось так, что намерение мое ехать к вам отложилось до весны, я долго не мог взяться за перо, — может, по причине большого неудовольствия на самого себя. Я был недоволен состоянием души своей и теперь также. В ней бывает так черство! То, о чем бы следовало мне думать всякий час и всякую минуту, так редко бывает у меня в мыслях, и это самое редкое помышленье о нем так бывает холодно, так без любви и одушевленья, что в иное время становится даже страшно. Иногда кажется, как бы от всей души молюсь, то есть хочу молиться, но этой молитвы бывает одна, две минуты. Далее мысли мои расхищаются, приходят в голову незванные, непрошенные гости и уносят помышленья бог весть в какие места, прежде чем успеваю очнуться. Всё как-то делается не во-время: когда хочу думать об одном, думается о другом; когда думаю о другом, думается о прежнем. А между тем в теперешнее опасное время, когда отсюду грозят беды человеку, может быть, только и нужно делать, что молиться, обратить всё существо свое в слезы и молитву, позабыть себя и собственное спасение и молиться о всех. Всё это чувствуется и ничего не делается, и оттого еще страшнее всё вокруг, и слышишь одну необходимость повторять: «Господи, не введи меня во искушение и избави от лукавого!» Друг мой и богомолец, скажите мне какое-нибудь слово; может быть, оно мне придется.

Весь ваш Н. Гоголь.

Адресуйте мне так: его высокородию Степану Петровичу Шевыреву, в Москве, на Тверской, в Дегтярном переулке. Для передачи Николаю Васильевичу Гоголю.

А. О. СМИРНОВОЙ

Ноября 18 1848. Москва

Виноват, что отвечаю вам не вдруг на ваше письмо, добрейшая моя Александра Осиповна. Есть на то причины: опять вожусь с собой, открываю в себе столько гадостей, что отлетает всякая мысль о других. Притом принимаюсь сурьезно обдумывать тот труд, для которого дал бог средства и силы, чтобы смерть, по крайней мере, застала за делом, а не за праздным бездельем. Всё это отвлекает меня от прочих дел и даже от писем. Ехать в Калугу недостало силы воли. Мне представилось, что я ничего не могу сказать полезного и нужного Николаю Михайловичу. Если мне и удавалось на веку своем помочь кому-либо добрым советом в горе, так это тем, которые уже отыскали себе высшего советника, и мне не оставалось ничего более, как только им напомнить, напомнить о том к кому нужно обращаться за всеми надобностями. Вашим советом позаняться хандрящую девицей также не воспользовался. Я думаю, что обращаться с девушкой есть дело женщины, а не мужчины. Поверьте, девушка не способна почувствовать возвышенно-чистой дружбы к мужчине; непременно заронится инстинктивно другое сродное чувство, ей сродное, и тогда беда обрушится на несчастного доктора, который с истинно братским, а не другим каким чувством подносил ей лекарство. Женщина — другое дело: у нее уже есть обязанности. Притом она не ищет уже того, к чему девушка стремится всем существом. Всё, что я сделал, это было то, что я, вследствие письма вашего, постарался узнать, которая из дочерей Сергея Тимофеевича называется Машинькой. Надобно вам сказать, что я был в приязни только со стариками да с детьми мужеского пола; что же до женского, то я знал имена только двух старших дочерей, с остальными же только раскланивался, не говоря даже и не говоря ни слова. Не забывайте Вельгорских. Видитесь с ними как можно почаще. Говорите с ними о русском и о всем, что драгоценно русскому сердцу; теперь же кстати у них завелись русские лекции. От этого и они и вы будете в барышах. Светлая тишина воцарится в вашем духе. Нет ничего на свете лучше, как беседа с теми, у которых души прекрасны, и притом беседа о том, отчего становятся еще прекраснее прекрасные души. Прощайте.

Весь ваш Н. Г.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru

Не позабывайте и пишите.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Москва. 20 ноября 1848

Здоров ли ты, друг? От Шевырева я получил экземпляр «Одиссеи». Ее появление в нынешнее время необыкновенно значительно. Влияние ее на публику еще вдали; весьма может быть, что в пору нынешнего лихорадочного своего состояния большая часть читающей публики она не только ее не разюхает, но даже и не приметит. Но зато это сущая благодать и подарок всем тем, в душах которых не погасал священный огонь и у которых сердце приуныло от смут и тяжелых явлений современных. Ничего нельзя было придумать для них утешительнее. Как на знак божьей милости к нам, должны мы глядеть на это явление, несущее ободрение и освеженье в наши души. О себе покуда могу сказать немного: соображаю, думаю и обдумываю второй том «Мертвых душ». Читаю преимущественно в подлиннике: преимущественно; дальше не отмечается то, где слышится сильней присутствие русского духа. Прежде, чем примусь сурьезно за перо, хочу назначаться русскими звуками и речью. Боюсь нагрешить противу языка. Как ты? Дай о себе словечко. Поклонись всем, кто любит меня и помнит.

Весь твой Н. Гоголь.

Между прочим, просьба. Пошли в Академию художеств по за художника Зенькова и, призвавши его к себе, вручи ему пятьдесят рублей ассигнациями на нововыстроенную обитель, для которой они работают иконостас. Деньги запиши на мне.

П. В. НАЩОКИНУ

Середина октября – ноябрь 1848. Москва.

На ваше письмо не отвечал потому, что хотел сам у вас быть. Ваш человек вовсе не переврат моих слов. Дело действительно так: граф будет через месяц, а графиня здесь и стоит в гостинице «Дрезден». Ваше письмо мне было отдано на другой день человеком здешнего дома, который, имея много дел, оставил его у себя в передней, а не у меня на столе. До свиданья.

Весь ваш Н. Г.

Дружеский поклон всем вашим.

на обороте: Павлу Воиновичу Нащокину.

М. И. ГОГОЛЬ

декабрь 10 1848. Москва

От вас уже давно не имею писем. Получили ли вы мое письмо,пущенное в прошлом месяце с приложением письма к Андрею Андреевичу? Я покуда здоров. Посылаю сестрам, Анне и Елизавете, шнуровки и по платью, Ольге 10 руб. денег в особом письме. Кольцо что же до кольца Лизы исправлено и отправляется тоже по почте золотых дел мастером.

Затем будьте здоровы все, и бог да хранит вас! Прощайте, почтенная и добрая моя матушка!

Признательный ваш сын Н. Г.

Я к Марье Николаевне Синельниковой писал и хотел бы знать, получила ли она письмо.

Сестру Анну благодарю много за дела по садоводству.

А. М. МАРКОВИЧУ

Середина октября – середина декабря 1848. Москва.

Если вы желаете видеть редкий музей русских древностей и почти всех замечательных московских литераторов и ученых, то приезжайте сегодня ввечеру ко мне и к Погодину, который вам будет сердечно рад. Приезжайте запросто, одевшись, как одеваетесь дома. Дам и модных людей не будет.

Весь ваш Н. Гоголь.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

декабря 28 1848. Москва

Мы перекинулись по письму, и потом оба замолкли. У меня произошло это оттого, что хотелось дать вам утешительный ответ на ваши добрые, милые обо мне запросы. Но до сих пор всё как-то не устроивалось в порядок, ни здоровье, ни жизнь, ни труды и занятия. Впрочем, говорить так – может быть, уже неблагодарность. Всё же я не прикован к постели, но хожу и двигаюсь; всё же хоть и с трудом, но переношу мороз и холод; всё же хотя и медленно, но движется труд и занятия. Бог в помощь вам, добрый, близкий друг! Перед наступлением нового года душа моя пожелала сказать вам: бог в помощь! Чего пожелать вам? Да вдоворится в наступающем году светлая, твердая тишина в душе вашей и вознесет вас выше всяких смущений. Да сопутствуют вам святые силы в прекрасном стремлении вашем быть русскою, в значении высшем этого слова. Лучше этого я не знаю, чего вам пожелать. Прощайте, обнимите крепко всех ваших, передайте им поздравление поздравьте мое с новым годом и желанье, да будет он им всем им – высокое ликование духа! Откликнитесь!

Весь ваш Н. Гоголь.

Адресуйте: в дом Талызина, на Никитском булеваре.

М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ

28 декабря 1848. Москва

Не знаю, как благодарить вас, добрейший Матвей Александрович, за ваш поклон мне в письме к графу Александру Петровичу. Известие, что вы будете сюда, меня много обрадовало. Вы напрасно думали, что приезд ваш на праздник Рождества может быть не в пору. Александр Петрович живет так уединенно и таким монастырем, что и я, любящий тоже тишину, переехал к нему на время пребывания моего в Москве. Он просит вас прямо взъехать на двор к нему, не останавливаясь в трактире. Комната для вас готова. В надежде скорого свидания

весь ваш

Н. Г.

Квартира графа Александра Петровича в доме Талызина, на Никитском бульваре.

А. М. МАРКОВИЧУ

Конец декабря 1848 или начало января 1849. Москва.

Очень вас благодарю и очень жалею, что не могу воспользоваться вашим приглашением и билетом. Я не владелец завтрашнего дня и утром и вечером. Поздравляю вас от всей души с новым годом.

Ваш Н. Г.

на обороте: Александру Михайловичу Маркевичу.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

Начало января 1849. Москва.

Приветствую вас, бесценный друг! Два письма уже я послал вам в Рузу. Получили вы их? Благодарю вас за поздравление с новым годом. От души молю бога, да пронесется он для вас прекрасно, в святых мыслях и светлых молитвах, как начался он для меня, за что возношу ему милосердому благодарения сердечные. Прощайте, да пребудет он с вами вечно, и не забывайте меня попрежнему.

Ваш Г.

на обороте: Надежде Николаевне Шереметьевой.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

1849. Генваря 20. Москва

Письмо твое получил. От всей души и от всего сердца желаю тебе возможного счастья вместе с тою, которую избирает твое сердце в подруги; хотя, признаюсь в то же время, что я мало верю какому-нибудь счастью на земли. Тревоги начинаются именно в то время, когда мы думаем, что причалили к берегу и желанному спокойствию. Блажен тот, кто живет в здешней жизни счастием нездешней жизни. Ты называешь избранную свою существом нездешнего мира. Идите же оба к тому, кто един путь и дорога к нездешнему миру, без которого в мире идей еще больше можно запутаться, чем в прозаическом мире повседневных дел. Чем далее, тем яснее вижу, что в нынешнее время шатаний ни на час, ни на минуту не должно отлучаться от того, кто один ясен, как свет. Далее начато: и без которого Время опасно. Все шаги наши опасны. Бог да спасет тебя и вразумит во всем. Поздравляю тебя с новым годом от всей души и сердца. Передай это поздравление от меня и той, которая полюбила твою душу.

Весь твой Н. Г.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

Январь 1849. Москва.

Письмо твое получил. Хотел было писать, не дожидаясь ответа, и известить, что Россет предлагает тебе при себе место в 1000 р. серебром. Место, впрочем, не казенное. Но Россет внезапно уехал в Калугу и когда будет назад, не знаю. Если решишься ехать в Москву, не позабудь повидаться с Алексеем Васильевичем Капнистом и взять от него письма к брату и еще к кому-нибудь из служащих в деловых людях. Мои приятели, как нарочно, единого прекрасного жреца и больших сношений с деловыми людьми не имеют. Впрочем, будем работать по силам. За глаза действовать нельзя, и потому тебе заглянуть сюда действительно не мешает. Писал я к тебе о занятии деревней не потому, чтобы переменил точку воззренья на твое положенье. Но потому, что был разочарован безотрадностью всяких служебных поприщ. Если бы у тебя было хотя честолюбие и стремление выйти в люди, тебе бы легче было на службе, ты бы имел сколько-нибудь духу перенести многое, что способно оскорбить благородное чувство. Но этой силы, стремляющей вперед, у тебя нет, поэтому положенье твое будет в несколько раз труднее положенья другого человека. Всё пошло как-то вкривь, для взяточников есть поприще, для честных почти нет. Недавно имел случай узнать, как даже и те, которые занимают завидные места членов, подвергаются сильным взысканиям, если только плут-секретарь захочет упечь их. Осмотрительность и внимание к читаемым делам нужно иметь необыкновенные. Если хочешь как-нибудь ужиться на службе и получить терпение не бросить ее, то, пожалуйста, не обольщай себя вперед легкостью ее; напротив, рисуй лучше вперед себе всякие ожидающие неприятности. Мне сказывал один, что он потому только ужился на службе, что ему при самом вступлении некто опытный человек дал следующий совет: не позабывайте ни на минуту, что все ваши начальники мерзавцы, а потому не удивляйтесь никакому поступку с их стороны, принимайте его, как должное. Это одно только правило, которое я с тех пор держал неотлучно в голове своей, спасло меня, говорил он. Еще одно: напрасно ты имеешь уверенность, что тебе 6 тысяч достаточно на содержанье в Москве. Это можешь только сказать тогда, когда проживешь здесь и узнаешь на месте цену всякой вещи. Я нашел, что всё стало почти вдвое дороже противу того, как было назад тому еще 7 лет. Не позабывай также и того, что ты не экономен и еще ни разу не сводил концы с концами. Жизнь небогатого семейного человека, я думаю, еще трудней в Москве, чем в Петербурге. Я это вижу по семействам, которые вижу. Но да вразумит тебя бог во всем и даст мудрость, как управить трудную ладью жизни. О себе покуда могу сказать не много. Начинаю кое-как смыкаться с климатом, хотя не без простуд и насморков. Занятия мои еще как следует не установились, отчасти, может быть, и оттого, что всё, что ни вижу и что ни слышу вокруг себя, неутешительно. Стараюсь казаться сколько возможно веселым и развлекаться, но в душе грусть: будущее страшно; всё неверно. Вполне спокойным может быть теперь только тот, кто стал выше тревог и волнений и уже ничего не ищет в мире, или же тот, кто просто бесчувствен сердцем и позабываетяя плотски. Прощай. Не огорчайся тем, что в письмах моих попадутся иной раз советы и тексты, даю их только потому, что сам их ищу. До сих пор все советы, от кого бы они ни были, даже от не весьма умных людей, были мне полезны. Если я и не следовал многим из них, то все-таки вследствие их оглядывался пристальнее на самого себя и вооружался большею осторожностью в поступках.

Твой весь Н. Г.

Ульяне Григорьевне душевный поклон и всем, кто меня помнит. Я подписался за тебя на «Москвитянин», который в этом году обещает быть хорошим журналом. Я прибавил безделицу к тем деньгам, которые тебе Погодин оставил должен.

На обороте: Александру Семеновичу Данилевскому.

С. Т. АКСАКОВУ

Начало 1849. Москва.

Статья мне нужная напечатана в С.-Петербургских сенатских ведомостях 1848 № 66.
– Попросите у Константина Сергеевича на несколько дней «Достопамятности Москвы» Снегирева и препроводите с подателем записи, чем много обяжете.

Весь ваш Н. Гоголь.

О. В. ГОГОЛЬ

Начало 1849. Москва.

Любезная сестра Ольга, благодарю тебя за письмо и поздравленья. Книжки, какой ты просишь, не отыскал нигде. Она, верно, давно уже издана и вся выпродалась. в лавках вся выпродалась Посылаю тебе вместо того «Воскресные евангелия» с толкованьями и небольшими беседами в конце. Ты можешь прочесть всякий раз перед тем, как идти в церковь. Можешь даже и выписать на небольшую бумажку, это не трудно. Из Евангелия читается не больше, как полстранички.

Распоряжения твои относительно лечения скота хороши. Продолжай тоже также попрежнему помогать страждущим, навещать их и особенно не пренебрегай разговором с ними. Посылаю тебе на лекарства и на вспоможение бедным пятнадцать рублей серебром. двадцать пять рублей серебром Затем бог да хранит тебя и да поможет во всем.

Твой брат Н. Г.

Не позабывай уведомлять меня о лечении как успешных, так и неуспешных, а также равно и о том, что услышишь для тебя необыкновенного, о нуждающихся также.

На обороте: Ольге Васильевне Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

Москва. Середина февраля 1849.

Давно не писал, желая дать вам какие-нибудь сведения насчет герольдии, о которой вы мне уже два раза писали. Сколько я помню, то дело по этой части было окончено совершенно и окончательно еще при покойном отце. Он говорил один раз при мне, что происхождение дворянства нашего записано в 6-ю книгу. Теперь нужно узнать, после ли записи оказалось сомнение. Отец мой доставил также грамоты и документы. Это я тоже помню. Теперь нужно узнать, не пропали ли эти грамоты или не затащили ли их куда-нибудь в суде, что теперь и не вспомнят. Обо всем этом Иван Васильевич Капнист советует вам переговорить или с Любомирским, который служил еще при нем и знает все, или с кем-нибудь другим в Полтаве, долго служившим при дворянском собрании. Впрочем, насчет всего этого не советую вам особенно тревожиться. Всё это суший вздор. Был бы кусок хлеба, а что в том, столбовой ли дворянин или просто дворянин, в шестую ли книгу или восьмую записан. (Если не докажется происхождение от полковника Яна Гоголя, то род будет записан в 8 книгу). Шестая книга, конечно, почетнее, но права почти те же. Итак, вы узнайте: было ли записано в 6-й или еще нет? О себе могу сказать только то, что здоровье мое пока покуда порядочно, хотя и нет еще такого расположения к трудам и занятиям, какого бы желал. Сестер моих Анну, Елисавету и Ольгу обнимаю от всей души. На письмо Елисаветы об Эмилии скажу то, что ей следует поступить как лучше, как удобнее и возможнее. Если можно как-нибудь поместить в полтавский институт, то, конечно, это хорошо. Если же нельзя, то нужно будет ее прислать сюда в институт гувернанток, но для этого следует прислать вперед все нужные бумаги, по которым она может быть принята. То есть, во 1-х, метрическое свидетельство, потом, во 2-х, свидетельство от предводителя или губернатора о том, что она, точно, не имеет ничего и что у нее нет ни отца, ни матери. А если можно, то и копии с послужного списка отца; впрочем, последнее не к спеху. Для определения в принятии достаточно и двух первых. Прощайте, будьте здоровы. Прошу молитв ваших. Остаюсь всегда любящий сын

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Николай Гоголь.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

февраля 25 1849. Москва

Прости меня, я, кажется, огорчил тебя моим прежним письмом. Сам не знаю, как это случилось. Знаю только то, что я и в мыслях не имел говорить проповеди. Что чувствовалось на ту пору в душе, то и написалось. Может быть, состояние хандры и некоторого уныния от всего того, что делается на свете, и даже от неудачи по твоему делу, может быть, болезнь, в которой я находился тогда (от которой еще не вполне освободился и теперь), ожесточила мои строки, – во всяком случае, прости! Радуюсь от всей души твоей радости и желаю, чтобы новорожденный был в большое утешение вам обоим. Насчет II тома «Мертвых душ» могу сказать только то, что еще не скоро ему до печати. Кроме того, что сам автор не приготовил его к печати, не такое время, чтобы печатать что-либо, да я думаю, что и самые головы не в таком состоянии, чтобы уметь читать спокойное художественное творенье. Вижу по «Одиссею». Если Гомера встретили равнодушно, то чего же ожидать мне? Притом недуги мало дают мне возможности заниматься. В эту зиму я как-то разболелся. Суровый северный климат начинает допекать. Ничего не могу тебе сказать еще насчет того, где буду летом, а тем менее – буду ли в Малороссии, хоть бы и желалось поглядеть на тебя и на других близких. Адрес мой: в доме Талызина на Никитском булеваре. Впрочем, всячески адресованное письмо до меня в Москве доберется. Обними за меня Ульяну Григорьевну, перецеловавши деток, и передай поклон ее сестрицам.

Твой весь Н. Гоголь.

Пиши ко мне и не забывай. Ты говоришь, что у вас много слухов на мой счет. Уведоми, какого рода, не скрывай, особенно дурных. Последние они тем хороши, что заставляют лишний раз оглянуться на себя самого. А это мне особенно необходимо. Когда буду чувствовать себя лучше, распишусь, может быть, побольше.

С. Т. АКСАКОВУ

19 марта 1849. Москва.

Любезный друг Сергей Тимофеевич,

Имеют сегодня подвернуться вам к обеду два приятеля: Петр Михайлович Языков и я, оба греховодники и скоромники. Упоминаю об этом обстоятельстве по той причине, чтобы вы могли приказать прибавить кусок бычачины на одно лишнее рыло.

Весь ваш Н. Гоголь.

Суббота.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

Москва. Марта 30 1849

Я получил милое письмечко ваше, добрейшая Анна Михайловна. Оно меня порадовало тем, что вы не оставляете желанья вашего сделаться русскою. Бог в помощь! Нигде так не нужна его помощь, как в этом деле. Вы говорите, что и мое и ваше желанье исполнится, что вы сделаетесь русской не только душой, но и языком и познанием России. Я подчеркнул эти строки, потому что это ваши собственные слова. Знаете ли, однако же, что первое труднее последнего. Легче сделаться русскою языком и

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru познаньем России, чем русскою душой. Теперь в моде слова: народность и национальность, но это покуда еще одни крики, одни пустые крики которые кружат головы и ослепляют глаза. Что такое значит сделаться русским на самом деле? В чем состоит привлекательность нашей русской породы, которую мы теперь стремимся начинаем теперь стремиться развивать напереврыв, сбрасывая всё ей чуждо, неприличное и несвойственное? В чем она эта привлекательность, всех нас теперь зовущая состоит? Это нужно рассмотреть внимательно. Высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово евангельское, возводящее к совершенству человека. Семена небесного сеятеля с равной щедростью были разбросаны повсюду. Но одни попали на проезжую дорогу при пути и были расхищены налетавшими птицами; другие попали на камень, взошли, но усохли; трети – в терние, взошли, но скоро были заглушены дурными травами; четвертые только, попавшие на добрую почву, принесли плод. Эта добрая почва – русская восприимчивая природа. Хорошо возлеянные в сердце семена Христовы дали всё лучшее, что ни есть в русском характере. Далее начато: Доказательство тому то, что Итак, далее начато: как вы видите, что для того, дабы сделаться русским, далее начато: вам нужно обратиться к источнику, прибегнуть к средству, без которого русский не станет русским в значени высшем этого слова. Может быть, одному русскому суждено почувствовать ближе значение жизни. Правду слов этих может засвидетельствовать только тот, кто проникнет глубоко в нашу историю и ее уразумеет вполне, отбросивши наперед всякие мудрования, предположенья, идеи, самоуверенность, далее начато: и гордость и убежденье, уверенность будто бы уже постигнул, в чем дело, тогда как едва только приступил к нему. Да. В истории нашего народа примечается совершается чудное явление. Разврат, беспорядки, смуты, темные порожденья невежества, равно как раздоры и всякие несогласия были у нас еще, быть может, в большем размере, чем где-либо. Они ярко выказываются на всех страницах наших летописей. Но зато в то же самое время светится свет в избранных сильней, чем где-либо. Слышатся также повсюду в летописях следы сокровенной внутренней жизни, о которой подробной повести они нам не передали. Слышна возможность основанья гражданского на чистейших законах христианских. В последнее время стали отыскиваться открываютя беспрестанно из пыли и хлама старины документы и рукописи вроде Сильвестрова Домостроя, где, как по развалинам Помпеи древний мир, обнаруживается с подробнейшей подробностью вся древняя жизнь России. Является уже не политическое устройство России, но частный семейный быт и в нем жизнь, освещенная тем светом, которым она должна освещаться. В наставлениях этих наставлениях и начертаньях, как вести дом свой, как быть с людьми, как соблюсти хозяйство земное и небесное, кроме живости подобных обычаяв старины, поражают глубокая опытность жизни и полнота обнимания объятия всех обязанностей, как сохранить домоправителю образ благости божией в обращении со всеми. Как быть его жене и хозяйке дома с мужем, с детьми, с слугами и с хозяйством, как воспитать детей, как воспитать слуг, как устроить всё в доме, обшить, одеть, убрать, наполнить запасами кладовые, уметь смотреть за всем, и всё с подробностью с такою подробностью необыкновенной, с называнием вещей, которые тогда были в употреблении, с именами блюд, которые тогда готовились и елись. далее начато: Всё Так и видишь перед глазами радушную старину, ее довольство, гостепримство, радостное, умное обращенье с гостями с изумительным отсутствием скучного этикета, признанного необходимым нынешним веком. Словом, видим видим в этом быте соединенье Марфы и Марии вместе или, лучше, видим Марфу, не ропщущую на Марию, но согласившуюся в том, что она избрала благую часть, и ничего не придумавшую лучше, как остаться в повеленьях Марии, то есть заботиться только о самом немногом из хозяйства земного, чтобы чрез это придти? в возможность вместе с Марией заниматься хозяйством небесным.

В последнее время стали беспрестанно открываться рукописи в этом роде. Эти книги больше всего знакомят с тем, что есть лучшего в русском человеке. Они гораздо полезнее всех тех, которые пишутся теперь о славянах и славянстве людьми, находящимися в броженьях, в переходных состояниях духа, возрастах, подвластных воображению, обольщеньям самолюбивого ума ума и гордых страстей и всяким пристрастиям. Но для вас эти книги покуда недоступны: во-первых, из них напечатана немногое; во-вторых, оно не переведено на нынешний русский язык. Вы древнего языка нашего не знаете. далее начато: а всё, что есть лучшего Вот почему я медлил вам советовать, какие книги прежде читать. Всё, что больше всего может вас познакомить с Россией, остается на древнем языке. Остается одно средство: вам нужно непременно выучиться по-славянски. далее начато: Употребляйте Легчайший путь к этому следующий: читайте Евангелие не на французском и не на русском языке, но на славянском. К французскому прибегайте только тогда, когда не поймете. Слова, которые позагадочнее, выпишите выпишите

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
потом на на особую бумажку и покажите священнику. Он вам их объяснит. Если вы прочтете Евангелие, послание и прибавите к этому пять книг Моисеевых, вы будете знать по-славянски, при этом деле и душа выиграет немало. Когда же увидимся, мы с вами увидимся тогда я вам объясню в двух-трех лекциях все отмены, какие есть в нашем древнем языке от славянского. Вы его полюбите. Этот язык прост, выразителен и прекрасен. Но я, кажется, много заговорился, пора и перестать. Итак, бог в помощь! Будьте русской; вам следует быть ею. Но помните, что если богу не будет угодно, вы никогда не сделаетесь русскою. Далее начато: Итак, нужно обратиться К источнику всего русского, к нему самому, следует за этим обратиться. далее зачеркнуто: Еще слово: какая вам книга... прочитайте... Мне всё кажется, что в ней есть полезное для вас. Я хотел по крайней мере указать вам полезное, именно вам. Обязательно молитесь и прочтите мое письмо матери ? во время поста и говеня. Бог в помощь! Теперь о себе. Донесенье Соллогуба насчет моего здоровья и прекрасного расположения духа только наполовину справедливо. Он меня видел в гостях. Нельзя же приносить в гости скучу. Волей или неволей, но должен если не быть, то по крайней мере казаться быть веселым. Сказать же правду, я был почти всё время недоволен собой. Работа моя шла как-то вяло, туга и мало оживлялась благодатным огнем вдохновенья. Наконец, я испытал в это время, как не проходит нам никогда безнаказанно, если мы хотя на миг отводим только отклоняя глаза свои от того, к которому ежеминутно должны быть приподняты наши взоры, и увлечемся хотя на миг какими-нибудь желаниями земными, наместо небесных. Но бог был милостив и спас меня, как спасал уже не один раз. Что касается до поездки моей в Петербург, то, несмотря на всё желанье желанье мое видеть людей, близких моему сердцу, далее начато: я до она должна до времени быть отложена отодвинуться по причине не так устроившихся моих обстоятельств. А не так устроились обстоятельства по причине предыдущей, то есть от не так удовлетворительного расположения духа. Но бог лучше нашего знает, чему лучше быть. Тем более вы меня порадовали вестью, что, может быть, нынешним летом заглянете в Москву. От всей души желаю, чтобы Москва оставила в душе вашей навсегда самое благодатное впечатление. Прощайте, добрейшая моя Анна Михайловна. Передайте мой душевный поклон графине, расцеловавши ее ручки.

Весь ваш Н. Г.

Так как радостный праздник уже готовится наступить и далее начато: может письмо придет к вам в светлый день, то посыпаю вам заочно братское лобызанье со словами: Христос воскресе!

Софье Михайловне я пишу в одно время с вами. Аполлине Михайловне передайте поклон самый душевный.

С. М. СОЛЛОГУБ

Москва. 30 марта 1849

От вас ни словечка, добрейшая, милая Софья Михайловна. Несмотря на то, в одно время с письмом к Анне Михайловне (которая благодаря доброте ее не забывает меня) пишу и к вам. Сделайте милость, уведомите меня, что вы делаете и как проводите ваше время. Что делает графиня Луиза Карловна и в каком расположении духа бывает чаще? Что делает Аполлина Михайловна и Анна Михайловна? С Анной Михайловной вы бываете, вероятно, чаще и потому о ней больше можете рассказать мне. Что вы нарисовали, что начитали и что наделали хорошего вообще за всю зиму? Вы сделаете мне этим подарок большой подарок на светлое воскресенье, с наступлением которого вас от всей души поздравляю. Дай бог, чтоб и в душе вашей пребывал неотлучно сам воскреснувший, радостно сияя и освещая собою еще более вашу душу.

Весь ваш Н. Г.

Переворотите на следующую страницу.

Попеняйте Александру Осиповну за то, что она ко мне никогда ни пол слова, ни четверть словечка. Сделайте ей сильно выговор, а потом поцелуйте и скажите ей от меня: Христос воскрес! С ней, как с близкой сестрой, христосуюсь я в этот день и, к сожалению, так же, как с вами, всегда почти заочно.

Всех ваших малюток, булочек и хлебцев, обнимаю и целую.

М. И., А. В., Е. В. и О. В. ГОГОЛЬ

Конец марта 1849. Москва.

Христос воскресе!

Наконец получил от вас письма. Вы, слава богу, здоровы, но всё вокруг вас нездоро во. Обстоятельства тяжелы. Нужно много молиться. Мы сами виноваты и по грехам терпим наказанье божье. Своей неразумной, неосмотрительной жизнью мы навлекаем печальные следствия. Как ни рассмотрю и себя самого и других, вижу, что все, а в том числе и я сам, живем далеко не так, как следует. Все мы живем, надеясь на благополучие в следующем году, всякий гонит от себя и мысль о том, что его может посетить злополучие еще тягчайшее, нежели в прошедшем году. От этого никто не думает о запасах. Ни в ком нет благоразумия Иосифова, все заботятся только о том, как бы получше провести сегодняшний день, подальше от работ тяжких, но полезных и дающих нам пропитание, поближе к работам легким, бесплодным, развлекающим дающим забвение всего нас окружающего. И так проходит вся жизнь наша. Счастливы мы еще тем, что бог поражает нас бичами несчастий и заставляет нас хотя по временам опомниться и оглянуться на себя. Без того мы бы не опомнились до последних дней Страшного суда. Всего ужаснее, когда из-за нас и виною нашу страждут невинные и от грехов и заблуждений наших терпят праведные. О, нужно нам теперь крепко молиться! Молиться о том, чтобы вразумил нас бог, как нужно вести жизнь, чтоб от неустройства и небреженья нашего не терпели другие. Прежде всего я прошу вас помолиться обо мне ото всех сил, сколько станет общего, соединенного усердия вашего и любви ко мне, чтобы не отступался от меня бог и дал бы мне ум и силы исполнять свои обязанности, которые я позабываю ежеминутно. Посылаю пятьдесят рублей серебром в пользу страждущих. 25 рублей серебром поступают сестре Ольге на известное употребление, другие же двадцать пять сестре Анне на раздачу необходимого хлеба голодным. тем Всего лучше, если бы эта раздача производилась в виде платы за работу в саду. Даром не должен человек получать, разве тогда уже, когда не станет сил работать. Благодарю от души сестру Анну за то, что она старается доказать на деле ко мне любовь исполнением просьб насчет работ в саду. Я уверен, что эти занятия доставят потом усаду и ей самой; благодарю также и племянника Колю за то, что помогает ей. В самих же работах нужно руководствоваться возможностями и никак не отрывать для саду от других, важнейших работ. Особенно не занимать подвод, которые, по слуху скотского падежа, стали теперь дороги и редки. Нужно помнить, что есть занятия, еще важнейшие в хозяйстве, которые (увы!) мы бросили, как скучные и ничего не говорящие душе. Много, много мы бросили душеспасительных трудов и, заботясь только о себе, о развлеченье в то время, когда вся жизнь наша должна быть забота о других, потеряли свое. Оттого и труднее нам в нынешнее время спасти душу свою, чем когда-либо прежде. Помолитесь, добрейшая моя матушка, о бедной душе моей. обо мне и вы также, милые сестры. Никогда еще не были мне так нужны молитвы.

Весь ваш Н. Гоголь.

На обороте: Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь, Анне, Елисавете и Ольге Васильевнам.

М. И., А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ

3 апреля 1849. Москва

Христос воскрес! От всей души поздравляю вас всех с радостнейшим праздником. Я провел его, слава богу, не без душевного весения. Вероятно, и вы также были счастливы в этот день по мере того, как умела душа возрадоваться воскресенью того, кто воскрешает всех, в него верующих. Письмо ваше (от 19 марта) с поздравлением пришло ко мне в тот день, когда я удостоился приобщиться св. тайнам. За поздравление благодарю вас – и вас, почтеннейшая матушка, и вас, милые сестры, хотя и удивило меня то, что от одной сестры Ольги не было приписано ни строчки. Удивляюсь я также тому, отчего не получили вы письма моего, писанного месяца полтора тому назад, в котором есть кое-что по поводу запросов о герольдии, документов дворянства и проч. и пр. Ваши беспокойства и мысли о том, что я могу в чем-либо нуждаться, напрасны. Вы их гоните от себя подальше. Всё зависит от экономии. Я, далее начато: по просто, далее начато: не думаю стараюсь не заводить у себя ненужных вещей и сколько можно менее связываться какими-нибудь узами на земле. От этого будет легче и разлука с землей. Довольство во всем нам вредит. Мы сейчас станем думать о всяких удовольствиях и веселостях, задремлем, или же просто задремлем забудем, что есть на земле страданья, несчастья. Заплынет телом душа – и бог будет позабыт. Человек так способен оскотиниться, что даже страшно желать ему быть в безнуждии и довольствии. Лучше желать ему спасти свою душу. Это всего главней. Вы мне ничего не пишете о хозяйстве и о том, какие начались работы. Прошу вас почаще выезжать смотреть самим на посев и все полевые работы. Вас наиболее об этом прошу, милые сестры. Если не любите хозяйствовать, по крайней мере взгляните. Как бы то ни было, бедные крестьяне в поте лица работают на нас. А мы, едя едим их хлеб, не и не хотим даже взглянуть на труды рук их. Это безбожно. Оттого и наказывает нас бог, насылая на нас голод, невзгоды и всякие болезни, лишая нас даже и скучных доходов. Жестоко наказываются целые поколения, когда, позабыв о том, что что они здесь живут они в мире затем, чтобы трудами снискивать хлеб и в поте лица возделывать землю, приведут себя в состояние белоручек. Всё тогда, весь мир идет навыворот – и начинаются казни, хлещет бич гнева небесного. Передайте мой душевный поклон Андрею Андреевичу, а вместе с ним с тем и поздравление с праздником, с моим искренним желанием ему так же, как и вам, наслаждаться отныне более, нежели когда-либо, высоким внутренним веселием душевным. Всех вас обнимаю.

Н. Г.

О. В. ГОГОЛЬ

3 апреля 1849. Москва.

Христос воскресе!

Ты одна не написала ни строчки. Что с тобой? Здорова ли ты? Напиши, как идут дни твои: что делаешь, с кем видаешься, с кем и о чем говоришь. Ты меня не уведомила также о получении денег 15 руб. серебром, посланных в одно время с толкованием воскресных евангелий. Еще к тебе имею одну просьбу. Наблюдай иногда над Эмилией и в свободное время, когда у ней нет урока, занимай ее беседами душеспасительными. далее начато: о боже ? и исполнении обязанностей, увещевай. Проси также и сестру ее Сашиньку, если она с тобой, наставлять и увещевать сестру свою, к ней привились кое-какие пороки. Придумай, нельзя ли ей дать какое-нибудь такое дело и занятие, которое бы для дитя не было скучно, а между тем действовало бы нечувствительно на душу и на нравственность. Бог тебя вразумит, если ему помолишься. А ей это очень нужно. В ожиданье от тебя вести остаюсь

твой брат Н. Г.

На обороте: Ольге Васильевне.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
В. А. ЖУКОВСКОМУ

3 апреля 1849. Москва

Христос воскрес! Больше ничего не знаю сказать тебе. Не могу понять, отчего не пишется и отчего не хочется говорить ни о чем. Может быть, оттого, что не стало наконец ничего любопытного на свете. Нет известий. Только и есть одно известие, которое ежеминутно мы должны сообщать друг другу: это, что Христос воскрес. Та же недвижность и в моих литературных занятиях. Я ничего не издал в свет и ничего не готовлю; что и приуготовляю, то идет медленно то не для текущего времени и не может никак выйти скоро, и бог один знает, когда выйдет. Отчего, зачем нашло на меня такое оцепенение, этого не могу понять. Чувствуется только, что не без смысла. Время настало сумасшедшее. Умнейшие люди завираются и набалтывают кучи глупостей, говорят кучи глупостей и завираются так что едва ли не должен теперь в нынешнее время всякий истинный поэт и мыслитель думать прежде всего о воздержании, произнося: «Господи, положи хранение устом моим». Ты счастлив, подчинивши себя слепцу Гомеру. Он не увлечет тебя с дороги в омут, хоть и слепец. Свой же собственный ум, того и гляди, занесет куды-нибудь в овраг. Кстати об «Одиссее». Я уже было написал к тебе письмо собственно о ней, но письмо это осталось неконченным. Оказалось, что по поводу этого предмета так много нужно говорить, что я испугался.

Наговоримся об этом наговоримся при свиданье. Покуда передаю тебе всеобщее неудовольствие на печать, которое разделяю и я. Шрифт в подлиннике: штифт так неудобен для чтения, что я, у которого глаза, слава богу, хороши, заикался и поперхивался в подлиннике: попырхивался едва ли не на всякой строчке. По моему мнению, «Одиссею» следовало бы издать особо: разгонисто, буквами крупными, формат книге дать большой. Словом, прилично важности труда. Но слава богу, что, во всяком случае, она «Одиссея» издана и ее читают. Чтение это вносит особенное спокойствие в душу, беспрестанно возмущаемую мятежным временем. Я всю зиму прожил в Москве. Лето полагаю провести также если не в самой Москве, то, по крайней мере, в окружности ее. Мне все кажется, что хорошо бы тебе завести подмосковную. В деревне подле Москвы можно жить еще лучше, нежели в Москве, и еще уединеннее, чем где-либо. В деревню никто не заглянет, и чем она ближе к Москве, тем меньше в нее наведываются, это уже такой обычай. Так что представляются представляются отсюда две выгоды: от людей не убежал и в то же время не торчишь у них на глазах. Если, Если ты в ответ на это мое письмо (которое, как ни коротко, но есть уже подвиг, принимая в соображение непостижимую лень и бездействие сил моих), наградишь меня, с обычной твоей благостью и кротостью снисхожденья, весточкой о себе, об «Одиссее», о милом твоем доме и о том, когда ждать тебя и в какой уголок русского царства, то и сим, может быть, освежишь и дремлющую мою деятельность и силы. силы, обессиленные леностью Бог да хранит тебя и все, что близко твоему сердцу. да спасет от всего нечистого добрую душу твою. Передай мое поздравление с праздником и братское заочное лобзанье супруге, деткам, всем Рейтернам.

Христос воскрес!

Твой Н. Гоголь.

Мой адрес: Москва. На Никитском булеваре в доме Талызина.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

3 апреля 1849. Москва

Христос воскрес!

От всей души поздравляю с светлым праздником и тебя и твою милую супругу, с которой желал бы душевно познакомиться. Напиши мне хоть что-нибудь из новой жизни своей. Что до меня, хоть и не так живу, как бы хотел, хоть и не так

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
тружусь, как бы следовало, но спасибо богу и за то. Могло бы быть еще хуже. Бог
да хранит вас. Будь здоров и телом и духом.

Весь твой Н. Г.

Ольге Александровне передай мое поздравление, Александре Осиповне тоже.

А. А. ИВАНОВУ

7 апреля 1849. Москва.

Христос воскрес!

Что с вами, милый и добрый Александр Андреевич? Я ничего о вас не знаю. Спрашивал у Чижова, он мне сказал о вас очень мало, почти ничего. Только и узнал, что вы, слава богу, еще живете, но как живете, как идут дела и работа – этого не знаю. Ради бога, уведомьте сколько-нибудь обстоятельнее обо всем. Здоровье мое кое-как живет. Дух хоть и не всегда бодр, но не спит – держусь и креплюсь. Больше не пишу ни о чем, потому что отсылаю письмо по старому адресу и не уверен, дойдет ли оно. Пора вам в Москву. Здесь так много открывается древностей и преимущественно по вашей части, что вы не обсмотрите и в целые годы.

Бог да хранит вас. Не медлите извещением. Весь ваш

Н. Гоголь

Москва. Святая неделя. Апреля 7.

На обороте: В Рим. В Италии.

Al signore

signore Alessandro Iwanoff. (Pittore russo).

Roma, nell'antico Caffe Greco nella via Condotti,

vicino alla piazza di Spagna.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

16 апреля 1849. Москва.

Христос воскрес!

На мое длинное письмо вы ни словечка, Софья Михайловна тоже. А я писал и к вам и к ней за три дни до светлого воскресенья. Если вы на меня за что-нибудь рассердились... Но нет, вы на меня не можете рассердиться, не рассердитесь добрейшая Анна Михайловна. За что вам на меня сердиться? Верно, это случилось так, само собою. Вам просто пришла лень, неохота писать, оттого и не написалось. Тем не менее и в этом письме, так же, как и в прежнем, повторю повторю вам то же: не оставляйте вашего доброго желания быть русскою в значении высшем этого

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
слова. Только одним этим путем можно достигнуть к выполнению долга своего на земле. Когда вы будете в Москве и взглянете на все ее святыни и увидите в старинных церквях ее останки древнерусской жизни, – вы тогда поймете это. О многом придется поговорить тогда; теперь же боюсь вам наскучить и сказать что-нибудь непонятное. Далее начато: Одно только и то весьма старую новость Скажу вам покуда только то, что я убеждаюсь ежедневным опытом всякого часа и всякой минуты, что здесь, в этой жизни, должны мы работать не для себя, но для бога. Опасно и на миг упустить это из виду. Человечество нынешнего века свихнуло с пути только оттого, что вообразило, будто нужно работать для себя, а не для бога. даже и в минуты увеселений наших не должны мы отлучаться мыслью от того, который глядит на нас и в минуты увеселений наших. Не упускайте и вы этого из виду. Будем стараться, Старайтесь чтобы все наши ваши занятия были устремлены на прославление имени его и вся жизнь наша была неумолкаемым ему гимном. Вы любите рисовать – рисуйте же всё то, что служит к украшению храма божья, а не наших комнат; изображайте светлые лики людей, ему угодивших. От этого и кисть ваша и мысли станут выше. Вы получите несравненно больше услажденья, вам не нужен будет и учитель. Собственное чувство, возвысившись внутри вас, станет вашим учителем и поведет вас к совершенству в искусстве. В Москве будет вам много пищи. В древней В древней нашей иконописи, украшающей старинные наши церкви, есть удивительные лики и на лицах удивительные выражения. В прежнем письме я просил вас особенно позаботиться о славянском языке. Он будет вам очень нужен. Чтение евангелия и посланий апостольских на славянском языке – лучший к тому путь. Посылаю вам покамест книгу, которую вы, может быть, не читали. Если ж и читали, то все-таки прочтите, потому что в ней много есть такого, что с первого разу не дается. Это книга Шевырева о древней русской словесности. Она послужит вам прологом к чтению тех книг, в которых раскроется вам вполне русская жизнь. Еще к вам усердная просьба. Посылаю вам деньги, на которые прошу вас приказать взять для меня в синодальной лавке «Христианское чтение» за прошлый 1848 год. Там помещена целиком, начиная с 1-го номера, церковная история Евсевия Кесарийского первых веков. Эту историю прочтайте, она не только не скучна, но занимательна необыкновенно. Евсевий Кесарийский был сам почти современник описываемых происшествий, застал еще учеников апостолов. Прочитавши эту историю, вы узнаете в самом деле, что такое была жизнь древних христиан. Это вам также поможет много к узнанию, что такая истинно русская жизнь. Книгу эту далее начато: привезете мне сами в можете удержать у себя сколько хотите, а в Москву привезите с собою. Но довольно. Бог в помощь, добрейшая Анна Михайловна! Расцелуйте и обнимите всех ваших, милых и близких моему сердцу.

Весь ваш Н. Гоголь.

Апреля 16. 1849.

На обороте: Ее сиятельству графине Анне Михайловне Вульгорской. В С.-Петербурге. На Михайловской площади. В доме графа Вульгорского.

С. М. СОЛЛОГУБ

16 апреля 1849. Москва.

Христос воскрес!

Все-таки пишу к вам, добрейшая Софья Михайловна, хоть вы не хотели отвечать ни одной строчкой на письмо мое, писанное за три дня до светлого праздника; и на приветствие мое «Христос воскрес» не хотели отвечать: «Воистину воскрес». Анна Михайловна тоже не отвечала. О графине вашей маминьке ничего не говорю, она решилась меня навсегда выбросить из памяти. Авось это письмо будет счастливее предыдущего, и вы меня уведомите о себе самой и обо всем том, о чем я задавал вам запрос, равно как и о том, где будете проводить лето. Утруждая вас при сем случае маленькою просьбою. Вероятно, вы видите Чернышевых-Кругликовых. Передайте им следуемое при сем письмо Моллеру. Затем обнимаю вас мысленно.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Весь ваш Н. Г.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

Вторая половина апреля 1849. Москва.

В письме моем к вам (от 16-го апреля) я позабыл самое главное – попросить вас уведомить меня, когда именно вы будете в Москве; означьте если не самый день и число, то, по крайней мере, около какого времени ждать вас. Спросите также у Смирновой, когда она выезжает. Мне бы хотелось никого из вас не пропустить, но всех увидеть.

Весь ваш Н. Г.

А. О. СМИРНОВОЙ

Начало мая 1849. Москва.

Какие странные мне привез от вас Аксаков слова: вы потому ко мне не пишете, что не в силах принять от меня советов. Друг мой Александра Осиповна, если, бы вы знали, как я далек от того, чтобы суметь кому-либо дать умный совет! Я весь исстрадался. Я так болен и душой и телом, так расколебался весь, что одна сострадающая в подлиннике: сострадающего строчка вашего доброго участья могла бы быть мне освежающей каплей. А вы вместо того приказали передать мне такие слова, точно как бы в насмешку надо мной. Добрый друг мой, я болен. Бог да хранит вас!

Ваш весь Н. Г.

С. Т. АКСАКОВУ

7 мая 1849. Москва.

Мне хотелось бы, держась старины, послезавтре отобедать в кругу коротких приятелей в погодинском саду. Звать на именины самому неловко. Не можете ли вы дать знать или сами или через Константина Сергеевича Армфельду, Загоскину, Самарину и Павлову совокупно с Мельгуновым? Придумайте, как это сделать ловче, и дайте мне потом ответ. Если можно, заблаговременно.

Весь ваш Н. Гоголь.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову. В Сивцов Вражек. Дом Пушкина.

М. И. ГОГОЛЬ

12 мая 1849. Москва

Посылаю, Посылаю вам добрая матушка, полтораста рублей серебром не для вас собственно, но для раздачи тем бедным мужичкам нашим, которые больше всех других нуждаются, на обзаведение и возможность производить работу в текущем году, и особенно тем, у которых передох весь скот. Авось они помолятся обо мне. Молитвы теперь очень нужны. Я скорблю и болею не только телом, но и душою. Много нанес я оскорблений. Ради бога, помолитесь обо мне. О, помолитесь также о примирении со мною тех, которых наиболее любит душа моя! На следующей неделе буду писать к вам.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Обнимаю всех вас мысленно, весь ваш.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Мая 14 1849. Москва

Мне был передан упрек твой. Виноват, но не совсем. Я писал к тебе немного дней спустя после того, как получил «Одиссею». Письмо адресовал в Баден; видно, не дошло. Я многое исстрадался в это время. Много было слез. Бесплодную землю сердца моего нужно было много оросить, чтобы она в силах была произвести что-либо. Жду нетерпеливо прочесть тебе всё, что среди колебаний и тревог удалось создать. Тревоги и колебания не прошли и доныне, и сердце мое сильно болит. Но как отрадно мне было услышать, что «Одиссея» приближается к концу! О, это божья благодать и божье чудо: если среди возмущений, объемлющих всех и всех волнующих, посыпает он кому-нибудь из нас силы исполнять на земле долг свой, то это верный знак его небесной милости. Лучшего счастья нельзя иметь на земле. О, помоги же он тебе, как верному рабу своему, всё сполна принести ему, ничего не зарывши в землю! А я буду ждать тебя в Москве или там, где захочешь. Только уведоми об этом заранее хотя двумя словами. Бог да сохранит тебя со всеми милыми твоему сердцу всего здравым, спокойным и невредимым.

Весь твой Н. Гоголь.

На обороте: Son excellenсe monsieur Basile de Joukovsky.

Baden-Baden.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

Мая 20 1849. Москва

Благодарю вас, добрейшая Надежда Николаевна, за ваше доброе письмо. Здоровье мое, кажется, несколько лучше, временами я бываю спокоен, но зато находят опять такие волнения... Со страхом вижу, как далек я от покорности и от преданья всего себя воле божией. Попрежнему прошу вас не оставлять меня вашими молитвами.

Весь ваш признательный вам Н. Гоголь.

На конверте: Ее превосходительству милостивой государыне Надежде Николаевне Шереметьевой.

В Рузу Московской губернии.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Мая 24 1849. Москва

Ты позабыл меня, мой добрый друг. Обвинять тебя не могу. У тебя было много забот и вместе с ними много, без сомнения, таких счастливых минут, в которые позабывается всё. Дай бог, чтобы они длились до конца дней твоих и чтобы без устали благословилось в устах твоих святое имя виновника всего. А я всё это время был не в таком состоянии, в каком желал быть. Может быть, неблагодарность моя была виновницей всего. Я не снес покорно и безропотно бесплодного, черствого состояния, последовавшего скоро за минутами некоторой свежести, пророчившими вдохновенную работу, и сам произвел в себе опять тяжелое расстройство нервическое, которое еще более увеличилось от некоторых душевных огорчений. Я до

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
того расколебался, и дух мой пришел в такое волнение, что никакие медицинские
средства и утешения не могли действовать. Уныние и хандра мною одолели снова. Но
бог милостив. Мне кажется, как будто теперь легче. Чувствую слабость и
расстройство физическое. Но дух как будто лучше. О, если бы всё это обратилось
мне в пользу и вслед за этим недугом наступило то благодатное расположение духа,
которое мне потребно! Прошу тебя взять из банка деньги по второму билету, то
есть тому, который содержит в себе 650 р. серебром, со всякими процентами, какие
наросли, далее начато: и подержав которые ты имеешь выслать мне на имя Шевырева,
если в продолжение недели с половиною не получишь от меня письма, потому что я
еще не знаю, может быть, мне придется ехать самому в Петербург, если только
сколько-нибудь здоровье станет лучше. Хотелось бы хоть раз взглянуть на всех,
близких моей душе. Здесь пронесся слух, что Жуковский возвращается на Петербург.
Пожалуста, дай ответ на это хоть в двух строчках.

Будь добр и не поленись. Поцелуй за меня ручки у твоей, без сомнения, доброй и
милой душою супруги. Замолвь ей обо мне доброе слово. А мне объяви ее имя и
отчество, которых по твоей милости я до сих пор не знаю.

Твой весь Н. Г.

Адресуй ответ на имя Шевырева.

С. М. СОЛЛОГУБ

Мая 24 1849. Москва

Как вы меня обрадовали вашими строчками! да наградит вас за них бог. День 22
мая, в который я получил ваше письмо, был один из радостнейших дней, каких я
мог только ожидать в нынешнее скорбное мое время. Если бы вы видели, в каком
страшном положении была до полученья его душа моя, вы бы это поняли. Приехал я в
Москву с тем, чтобы засесть за «Мертвые души», с окончаньем которых у меня
соединено было всё и даже средства моего существованья. Сначала работа шла
хорошо, часть зимы провелась отлично, потом опять отупела голова; не стало
благодатного настроения и высокого размягчения душевного, во время которого
вдохновенно совершается работа. И всё во мне вдруг ожесточилось, сердце
очерствело. Я впал в досаду, в хандру, чуть не в злость. Не было близких моему
сердцу людей, которых бы в это время я не обидел и не оскорбил в припадке
какой-то холодной бесчувственности сердца. Я действовал таким образом, как может
только действовать в состояньяи в припадке безумия человек, и воображая в то же
время, что действую умно. Но бог милосерд. Он меня наказал нервическим сильным
расстройством, начавшимся с приходом весны, болезнью, которая для меня страшнее
всех болезней, после которой, однако же, если я выносила ее покорно и смирялся,
наступало почти всегда благодатное расположение. Внезапно растопившаяся моя душа
заныла от страшной жестокости моего сердца. С ужасом вижу увидел я, что в нем
лежит один эгоизм, что, несмотря на уменье ценить высокие чувства, я их не
вмещаю в себе вовсе, становлюсь хуже, характер мой портится, и всякий мой
поступок уже есть кому-нибудь оскорблению. Мне страшно теперь за себя так, как
никогда доселе. Скажу вам, что не один раз в это время я молил заочно и мысленно
Анну Михайловну и вас молиться за меня крепко и крепко. Не знаю, слышали ли это
ваши сердца. Но всякий раз, когда я представлял себе мысленно вас обоих,
молящихся обо мне, мне становилось легче, и надежда на милосердье божье во мне
пробуждалась. Вы спрашиваете меня, что буду делать с собою и куда двинусь. Сам
не знаю. Передо мною одно только одно безбрежное море. Чувствую только, что мне
нужно куда-нибудь ехать, потому что дорога была бы полезна для нерв моих, куда –
не знаю. Не оставляйте меня, добрая моя Софья Михайловна. Одна небольшая
весточка о том, что вы делаете теперь все в Павлине, одно описание дня вашего
принесет мне много, много утешенья. Если бы вы знали, как вы все до единого
стали теперь ближе моему сердцу, чем когда-либо прежде, и когда я воображу себе
только, как мы снова увидимся все вместе и я прочту вам, мои «Мертвые души», дух
захватывает у меня в груди от радости. Нервическое ли это расположение или
истинное чувство, я сам не могу решить.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Расцелуйте бесценные, добрые, милостивые ручки у графини и у Анны Михайловны.

Бог да сохранит невредимыми всех вас.

Ваш весь Н. Г.

Владимира Александровича я видел. Как только узнал что он в Москве, тот же час, несмотря на хворость свою поспешил к нему. Кроме того, что мне приятно было собственно его видеть, я бы обрадовался всякому человеку, от которого мог что-нибудь о вас узнать. Ради Христа, не позабывайте меня! Как я бессилен, как слаб и как мне нужна теперь помощь!

Обнимите Веневитиновых. Я их смутил неуместным письмом. Что ж делать, утопающий хватается за всё.

А. О. СМИРНОВОЙ

Мая 27 1849. Москва

Благодарю вас за доброе и милое ваше письмецо. Много бы я заплатил за то, чтобы успокоились ваши нервы и вы бы отдохнули хотя на время. Мое здоровье лучше. Зиму я провел хорошо. В конце ее только пришла хандря, которую я старался всячески побеждать. Но с приближением весны не устоял. Нервы расшатали меня всего, ввергнули в такое уныние, в такую нерешимость, в такую тоску от собственной нерешимости, что я весь истомился. Скажите Софье Михайловне, что письмецо ее произвело надо мной чудо. С того же самого дни или, лучше, с той минуты, как получил его, я стал себя чувствовать лучше. Теперь с каждым днем укрепляюсь заметно. Во время болезни моей сильно молились обо мне некоторые добрые души. Бог внял их молитвам. Куды ехать, не решился. не знаю Предполагал уже было снова в Иерусалим. Если бы вы ехали теперь же, я бы с удовольствием поехал с вами в Калугу. Может быть, мы бы снова прожили вместе с обоюдною душевною пользой. дайте об этом мне весточку. Бог да хранит вас. Прощайте!

Весь ваш Н. Гоголь.

Адрес мой: на Никитском булеваре, в доме Талызина.

Мне сказывал Муханов, что у вас есть подмосковная весьма удобная для жительства, и что он на вашем месте предпочел бы ее обитанию в Калуге. Не зная ни подмосковной, ни Калуги, не могу судить, прав ли он или нет.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

Май 1849. Москва

Благодарю вас за письмецо и в нем особенно за желание, чтоб бог благословил труд мой на пользу ближнего. Ничего бы так не хотелось, как этого. О, если бы бог, не глядя на мерзость и недостоинство мое, но вняв единственно молитвам добрых душ, обо мне молящихся, удостоил бы меня счаствия этого и не отлучался бы от меня во всё время моей жизни, несмотря на всю мою низость и неблагодарность! Вероятно, вы уже удостоились приобщиться святых тайн. От всей души вас поздравляю.

доброго Ивана Александровича фон-Визина я имел удовольствие видеть два раза и вам благодарен от души за это знакомство.

М. И. ГОГОЛЬ

Весна 1849. Москва.

Я получил ваше большое и весьма обстоятельное письмо, почтеннейшая и добрейшая матушка. Весьма за него благодарю, еще больше за ваши молитвы. Здоровье мое, слава богу, лучше, но климат, может быть, придется переменить. Впрочем, ничего еще на этот счет верного не могу сказать. Положение бедного Андрея Андреевича меня искренно трогает. Пошли ему бог дни утешений в остальное время его жизни! Передайте от меня поклон добрейшей Софье Васильевне Скалон. Любите всех вас любящих, и храни вас бог подозревать кого-либо в нелюбви к себе, это же и не в вашем характере. Вы способны любить даже и нелюбящих, не стоящих любви даже далее начато: тех и недобрых. Как же можно подозревать в чем-либо добрых? С этим можно впасть в большие недоразумения. Отчего вам кажется, будто Андрей Андреевич должен мне помочь? Во-первых, я не нуждаюсь; во-вторых, у него родственники есть ближе меня; в-третьих, он сам в таком положении, что ему нужна помощь; в-четвертых, наконец, далее начато: мне бы скажу вам откровенно, мне бы было очень тяжело что-нибудь от него получить. Слава богу, что он так благоразумен и это понимает сам. Еще я не понимаю, отчего вы так заботитесь о приобретениях для детей ваших в нынешнее время, когда всё так шатко и неверно и когда имеющий имущество в несколько раз больше неспокоен бедняка. Слава богу! Бог сам пристраивает детей ваших: ни я не женился, ни сестры мои не вступили в брак, стало быть, меньше забот и хлопот. И в этом великая милость божия. Как посмотришь вокруг, сколько несчастных родителей, не знающих, куда деть своих детей! Сердце дрожит, дрожит невольно когда помыслишь, какая страшная участь грозит им посреди их ожидающего разрыва. А непристроенные семейства умножаются с каждым годом всё больше и больше, а приходит всё растут, и каждому хочется жить так же, как живет его сосед. Жить попросту, как должен жить человек, никто не хочет. Удерживать, умерять себя никто не умеет, потому что никто не занят истинным делом, делом, которым должен заниматься а в праздности много приходит человеку тех прихотей, о которых бы он и не подумал, если бы был, точно, занят. Сестру Анну благодарю за приписку и прошу ее позаботиться о насаждении свежих тех свежих дерев на место усохнувших и не принявшихся вместе с племянником. Может быть, пришло ей семян огородных овощей. А на приглашение приехать самому скажу, что от моего приезда немного было бы толку, если бы и можно было приехать. Всё делается не без воли божией. Может, притом надобно сказать и то, что издали как-то любится лучше, а вблизи, как увидишь то да другое, то и это не так, – еще и поссоришься. Издали, например, сестры мне кажутся кажутся все умными, занятыми, трудящимися, полезными и в собственном домоводстве и в отношениях и относительно к другим, а вблизи кажутся проводящими время в праздности, ездищими по гостям, читающими пустые книжки или занятыми рукодельями для пустых украшений. Очень может быть, что я не прав, но тем не менее какая-то грусть проникает мне душу, и мне становится тяжело. Вдали же я совершенно мирюсь со всеми и вижу, что я меньше всех исполняю долг свой, далее начато: правдность принимая в соображенье то, что мне больше других всех других бог дал способностей и сил к произведению дел полезных. Сестра Елизавета ничего мне не написала – доказательство, что она меня мало любит, а я хоть с ней и ссорюсь, но люблю ее много. Обнимая мысленно вас всех и желая вам от души всего, что нужно для души, остаюсь

всегда признательный сын Н. Г.

М. И. ГОГОЛЬ

Весна 1849. Москва.

Посылаю вам, маминька, банку горчицы, что же касается до семян, то Иван Осипович Петрашевский их обещался доставить вам. Теперь не случилось.

Прощайте и будьте здоровы.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
О. В. ГОГОЛЬ

Весна 1849. Москва.

Благодарю тебя за письмечко, милая сестра Ольга! Я уже думал, давно не получая от тебя известия, не больна ли ты, но слава богу, ты, кажется, здорова, во всяком случае, верно, чувствуешь себя теперь лучше, нежели зимою. С деньгами, которые теперь у тебя в руках, пожалуйста, распорядись по своему усмотрению – что найдешь нужным, то и покупай, это тебе лучше знать, чем мне, живущему далеко, поэтому купи и аптекарские вески, но только или в аптеке, или через аптекаря, чтобы они были верны и чтобы тебе изъяснил название всякой вещи. Я посыпаю с полдесятка книг, в числе их для тебя беседы об отношении церкви, которую по прочтении дай прочитать и сестрам. Книга эта очень хорошо написана и верно понравится не только тебе, но и другим. Пожалуйста, не позабывай меня и пиши, не дожидаясь почты, всякий раз, когда улучишь свободное время: с кем виделась, что читала, что понравилось, когда было весело и когда скучно, – всем этим меня обяжешь.

Твой брат Н. Г.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

Июня 3 1849. Москва

Наконец, письмечко и от вас! От всей души благодарю вас за него, добрейшая Анна Михайловна. Очень обрадовался, что глазам вашим лучше. Ради бога, берегите их. Как ни любите вы рисовать, но благоразумие требует от вас меньше заниматься рисованьем, а больше двигаться на воздухе. Понимаю, что прогулки без цели скучны. Вот отчего мне казалось, что жизнь в деревне могла бы больше доставить пищи душе вашей, нежели на даче. Сделать четыре, пять несколько верст в день затем, чтобы взглянуть на труд и работы поселян, какие производятся в разных местах имения, совсем не то, что наша обыкновенная прогулка. Там невольно можно ознакомиться с бытом тех людей, с которыми так тесно связано наше собственное существование, и чрез то прийти в возможность помогать им.

Но тот, кто устрояет всё, знает лучше, что нам полезней и лучше. Нужно покориться. Не удалось намерение быть в том месте – нужно осмотреться, как нам быть на этом. Обязанности человека везде. Они могут быть также и в Павлине. Около вас теперь куча племянников и племянниц. Сколько прекрасного можно передать в молодые души путем любви! Можно сызмала навеять на восприимчивое детское любопытство далее начато: и познанье своей родины и ее разнообразную ее историю, и разнообразье ее местностей, и образ жизни ее обитателей во всех углах ее, и даже пламенное желание быть ей полезным. Можно и в отроческое время дать человеку идею о том, как должны быть святы отношения между людьми. И тогда он счастлив на всю жизнь, потому что в остальное время жизни будет уже сам заботиться о дальнейшем своем течении по указанному пути, о приведении себя в большую и большую возможность приносить пользу и благодетельствовать. О! как бы мы теперь все были подвижны, во сколько меньше было бы у нас лени, бездействия и спячки, если бы приобрели то в юности, что принуждены приобретать теперь! Как на беду, первое наше воспитание отдаляет нас вдруг от того, что вокруг нас. С первых же дней набивают нас предметами, переносящими нас в другие земли, а не в свою. Оттого мы и не годимся для земли своей. О себе ничего не могу вам сказать положительного. Я только что оправился от сильной болезни нервической, которая с приходом весны вдруг было меня потрясла и расколебала всего. Я имел, точно, намерение проездиться по северо-восточным губерниям России, мало мне знакомым, но как и когда приведу это в исполнение – не знаю. Собой я был крайне недоволен во всё это время. И только дивлюсь божьей милости, не наказавшей меня столько, сколько я того стоил. Не оставляйте меня, добрейшая Анна Михайловна, вашими строчками. Описание вашего дня и препровожденья времени в Павлине будет для меня подарком. Бог да хранит вас!

Перецелуйте бесценные ручки вашей маминьки.

Весь ваш Н. Гоголь.

К. М. БАЗИЛИ

5 июня 1849 г. Москва

Милый друг Константин Михайлович!

Всё собирался писать к тебе, как вдруг поразила меня весть о горе, тебя поразившем. Мысль писать в бессилии остановилась. Я измерял пред собою величества твоей утраты и видел, что никакое всякое слово мое, никакое участие кого бы то ни было, кроме разве того, кто посетил тебя, не в силах было принести утешения. Близость твоя от святых мест меня успокаивала много. Теперь, как только представился случай к отправлению письма в Константинополь, пишу к тебе. Теперь горе твое немного утихло. Теперь ты больше расположен внимать словам участия, но и теперь ничего не умею сказать, кроме того, что утрата твоя велика и что по этой самой причине вечно следует благодарить бога за мгновенное владение утраченным даянием. благом? Воспоминанье о нем остается нам в украшение всей последующей жизни. В немногие дни нашего пребыванья в Байруте я искренно полюбил покойницу. И мне казалось, что лучшей подруги тебе нельзя было избрать в мире. Никто, кроме ее, не мог быть тебе так нужен и необходим в этом kraе, где не всякой европейской обитательнице захотелось бы жить. Милый друг! Вся жизнь наша должна быть благодарность. Благодарность, а не другое что. Тогда вся жизнь наша будет прекрасна. Ты меня много, много обяжешь, если напишешь о себе, о состоянья души своей. Хотел бы я еще просить тебя, просить описать написать мне последние минуты ее. Но не знаю, будет ли это возможно, удобно не наполнит расположит? ли это тебя грустью, не опечалит ли сердца! О себе особенно замечательного много не могу покуда ничего сказать, кроме того, что зиму провел довольно хорошо. Весной заболел, но теперь опять поправляюсь. Голова еще не в таком состоянии, чтоб светло заняться делом, но времени не пропускаю, от дела не бегаю и запасаюсь материалами для будущей работы. Теперь нужно быть очень умным и осмотрительным, чтобы быть в состоянья сказать даже и не весьма умное слово. Время беспутное и сумасшедшее. То и дело, что щупаешь собственную голову, не рехнулся ли сам. Делаются такие вещи, что кружится голова, особенно когда видишь, как законные власти сами стараются себя подорвать и подкапываются под собственный свой фундамент. Разномыслие и несогласие во всей силе. Соединяются только проповедники ревнитель разрушения. Где только дело касается созданья и устройства, там раздор, нерешительность, опрометчивость. И до сих пор еще не догадались, что следует призвать того, кто один строитель порядка! Прощай! Обнимаю тебя крепко!

Твой весь Н. Гоголь.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

6 июня 1849. Москва

Благодарю тебя за письмо и за вести о своем житье-бытье, близком сердцу моему. Очень благодарен также за то, что познакомил меня заочно с Александрой Васильевной. да не находит на тебя грусть оттого, что ты не всегда с нею. В нынешнее время быть у одра страждущего есть лучшее положение, какое может быть для человека. Тут не приходит в мысли то, что теперь крутит и обольщает головы. Тут молитва, смижение и покорность. Стало быть, всё то, что воспитывает душу, блюдет и хранит ее. Начать таким образом жизнь свою надежнее и лучше, нежели днями первых упоений и так называемыми медовыми месяцами, после которых, как после похмелья, смутно просыпается человек, чувствуя, что он спал, а не жил. Я думал было наведаться в Петербург, но приходится отложить эту поездку, по крайней мере, до осени. деньги вышли по второму билету, то есть тому, который заключает в себе сумму 650 р. серебром с процентами, какие накопились. Пришли на имя Шевырева.

Твой весь Н. Г.

Передай мой душевный поклон Александре Васильевне и Ольге Петровне и не забывай меня хоть изредка письмами. Обнимаю тебя крепко.

А. О. СМИРНОВОЙ

Июня 15 1849. Москва

да, я точно в Москве, добрейший друг Александра Осиповна, и очень желаю вас видеть и замедлил к вам приездом только потому, чтоб не разминуться с Аркадием Осиповичем, а он, сказывают, будет на днях. От него надеюсь узнать, между прочим, и о том, каким путем к вам добраться, далее начато: потому что доселе же сведения, на этот счет собираемые, крайне темны. Прискорбно мне узнать из вашего письма, что вы недомогаете, но бог милостив: всё строит и обращает нам в пользу. Граф и графиня Толстые очень вас благодарят и кланяются.

До свиданья!

Ваш весь Н. Г.

Передайте душевный мой поклон Аркадию Осиповичу.

А. М. МАРКОВИЧУ

1 июля 1849. Москва.

Благодарю вас много, почтеннейший Александр Михайлович, за известие о себе. Ваши строчки тем более меня порадовали, что я начинал уже было думать, что вы, занявшись делами хозяйства, забудете обо мне вовсе. Но так как этого не случилось, то (подстрекаемый добротой вашей и расположением делать приятное друзьям) беспокою вас следующею убедительной просьбою: составьте для меня маленький сельский календарь годовых работ, как они производятся у вас в Черниговской губернии. По дням, т. е. с какого святого какая начинается работа, как она и с какими обрядами производится и какие существуют по этому поводу народные поговорки и замечания, обратившиеся в правила и руководства. В образец прилагаю вам отрывок из календаря одной из северных губерний: Месяц май. (Травень).

1) Еремия-запрягальник. Посев. Поговорка: «Сей неделю до Иеремии и неделю после».

3) Тимофея и Мавры – зеленые щи.

4) Ирины-рассадницы. Сеянье капусты.

6) Иова-Горошника. Сеянье гороха.

8) Зажиточные поселяне пекут пироги. Старик выходит с пирогом на дорогу угождать первого встречного.

9) Установленье дорог. Георгий с полувозом, Никола с возом. Поспеванье корма. «Не хвались на Юрьев день посевом, а хвались на Николин травой».

Выгон лошадей на ночину с празднованьем холостых ребят всего села; всю ночь игра. Пекутся для этого пироги с гречневой кашей.

Приметы: с Николы еще 12 морозов остается; если не случатся все весной, то остальные исполнять до Симеона Столпника, т. е. до 1 сентября.

10) Начало сеянья пшеницы. Сей пшеницу, когда зацветет черемуха. Поговорка: «Сей рожь в золу, а пшеницу в грязь».

11) Мокия Мокрого. Если в этот день идет дождь, то все лето будет мокре.

13) Глике́рии-комарницы. Появле́нье комаров.

14) Сидора-Сиверка. Холодная погода в этот день означает холодное лето.

15) Пахомия Теплого. Теплая погода предвещает теплое лето.

21) Сеять лен и садить огурцы.

25) Сеется пшеница, если погода помешала прежде. Поговорка: «Если лист на дереве полон, то и сеять полно».

29) Феодосии-колосяницы. Рожь начинает колоситься. Старики говорят: «Рожь две недели зеленится, две недели колосится, две недели от цветет, две недели наливает, две недели подсыхает».

30) Змеи делаются злы. По словам поселян, они в этот день идут поездом на свою свадьбу.

Примечания общие. В этом месяце почти все весенние хороводы – троицкие, семицкие. В хороводах воспевается сеянье проса, овса, ячменя, гороха и маку. Следует поименованье песней, какие поются, и описание обрядов.

В таком виде и все прочие месяцы. Если вы пожертвуете несколькими часами в неделю на составление таким образом черниговского календаря, то сим меня много, много обяжете. Не оставьте меня извещеньем о том, что делаете сами и как проводите ваше время. Я располагаю поездить по губерниям в окрестностях Москвы, посетить кое-кого из знакомых и поглядеть на Русь в тех местах, где ее не знаю. Сначала хотел было сделать это в большом размере, но, увидя, что чем дальше в лес, тем больше дров, ограничиваюся малым. Месяца через два полагаю возвратиться снова в Москву. Письма же адресуйте по-прежнему. В одно время с письмом к вам пишу и к Александру. Желая от всей души всех возможных вам благ, остаюсь

весь ваш Н. Г.

На конверте: Его высокородию милостивому Государю

Александру Михайловичу Маркевичу.

В Глухов Черниговской губернии, а оттуда в с. Сварков.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

Июля 1 1849. Москва

Извини меня, мой добрый Александр, перед собой и перед Ульяной Григорьевной, что не пишу. Думается о вас часто. А писать не пишется. Лень ли это или сознанье ничтожности писанья или что другое – право, не знаю. Может быть, это просто притупление способностей и сил. Но от этого да избавит нас бог – и тебя, и меня, и всех добрых людей. Странное дело: я теперь меньше тружусь, чем когда-либо прежде, меньше занимаюсь, а между тем всё мне мешает. Время летит так, что не успеваешь оглянуться, и всё еще почти ничего не сделано. Меньше, чем когда-либо прежде, я развлечён; более, чем когда-либо, веду жизнь уединенную, и при всем том никогда еще так мало не делал, как теперь. И от этого находят досадные расположения духа. Я не в силах бываю писать, отвечать на письма. Не в силах исполнять всех тех обязанностей, которых исполнение приносило прежде удовольствие душе моей. Вот тебе в коротких словах вся моя душевная история. По твоему делу до сих пор не сделал ровно ничего, хотя, признаюсь тебе искренно, мне часто желалось перетащить вас обоих в Москву и даже устроить вместе хождество и жительство. Клементия Россетти до сих пор здесь не было. Он всё еще в Петербурге. Я сам собираюсь в дорогу. Располагаю посетить губернии в окружности Москвы, повидаться с некоторыми знакомыми и поглядеть на Русь, сколько ее можно увидеть на большой дороге. Где проведу зиму, не знаю. А ты не оставляй меня извещением о себе. Я очень желаю знать, как у тебя идет проводится лето. Прошу убедительно Ульяну Григорьевну написать об этом также. Как здоровье обоих вас и как ведет себя единородная дщерь, которую мысленно, совокупно с вами, целую и обнимаю.

Твой весь Н. Г.

Так как из Москвы всё уже уехало, то письма адресуй мне на имя одного знакомого, проживающего в Калуге, таким образом: его превосходительству Николаю Михайловичу Смирнову для передачи Николаю Васильевичу Гоголю. А он перешлет ко мне туды, где буду находиться.

М. И. ГОГОЛЬ

Москва. Июль 4 1849

Письмо ваше от 5 июня получил, так же как и другое, писанное перед тем в мае. Обо мне напрасно вы беспокоитесь, так же как и о том, что меня не так ценят, как следует. Это участь всех людей. Никого не ценят так, как следует. Для того, чтобы ценить человека, нужно видеть его со всех сторон, а видеть со всех сторон человека может один только бог.

Отложите также всякие мысли о воздаяниях в этой жизни. В нынешнее время особенно, когда редко кого ожидает веселая будущность, дай бог не лишиться только того, что уже имеем. На потребу дня немного нужно. Вы давно уже не уведомляли меня об Андрее Андреевиче. Получаете ли от него письма и здоров ли он? Передайте при сем следуемое ему письмечко. Далее начато: так как я намерен сделать маленькую поездку по некоторым губерниям вокруг Москвы, а и так как все мои знакомые разъехались тоже по деревням, то письма адресуйте в Калугу ко мне в Калугу на имя Смирнова. Он мне перешлет их туда, где буду находиться. Адрес выставляйте так: его превосходительству Николаю Михайловичу Смирнову в Калугу для передачи Н. В. Гоголю. А с сентября месяца вновь по-старому, на имя Шевырева. Посылаю вам несколько книг, какие накопились. Из них для вас особенно: «О скорбях и белезнях». «Поученья к прихожанам» Путяты пригодятся и для ваших крестьян. Вы дайте их прочесть священникам. нашим священникам Вероятно, они из них выберут кое-что для прочтенья в праздничные дни. Во многих церквях и по городам читают из этой книги. Прощайте. Сестер обнимаю. Племянника Колю также. Скажите ему, чтобы он пересчитал, сколько деревьев числом принялось из тех, которые

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
насадила тетушка его Анна Васильевна, а сколько нет, и об этом мне бы написал,
также равно как и о занятиях своих. А к ней самой надеюсь скоро писать, писать
особенно Лизе также. Прощайте.

Ваш сын Н. Г.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

Начало июля 1849. Москва.

Узнавши, что вы занимаетесь ботаникою, посылаю вам изображение растений русской земли, лучшее, какое у нас есть. В нем собраны все общеупотребительнейшие виды нашей флоры, с отчетливым весьма отчетливым изображением признаков.

Весь ваш Н. Г.

Бог да хранит вас всех, милых и близких моему сердцу.

На обороте: Ее сиятельству графине Анне Михайловне Въельгорской.

В С. П. бург. На Михайловской площади, в доме графа Въельгорского.

А. О. СМИРНОВОЙ

Москва. Июля 29 1849

Так как Лев Иваныч не отыскал для вас «Домостроя», то посылаю вам свой экземпляр. Книга называется «Временник», а «Домострой» помещен в ней посередине. Можете его, вырвавши, переплести особо. Мне очень грустно было отъезжать от вас. Я жалею, что приехал к вам рано. Нужно было мне приехать месяц спустя, спустя после того чтобы вы в Калуге хорошенько обжились. Я бы тогда далее начато: приехавши в другой раз прожил дольше, может быть. Напишите строчки три. Я всё еще просыпаюсь с мыслью, что я в Калуге, и всё мне кажется, что обедать буду с вами, но вместо Кристофора является с приглашением к обеду Иван и тем напоминает мне, что я в Москве. Адресуйте письма по-старому в дом Талызина на Никитском булеваре. Хотя я и поеду через недели полторы колесить снова, но письмо найдет меня. Прощайте, старый, закадычный друг Александра Осиповна.

Ваш весь Н. Г.

Кланяется вам Тентетников. Обнимите всех домочадцев.

На обороте: Александре Осиповне Смирновой.

М. И. ГОГОЛЬ

Москва. Июль 30 1849

По возвращении в Москву получил ваши письма от 12 июля. Очень жалел, что дожди у вас так сильны и мешали до сих пор хлебной уборке. Уведомьте, как теперь: удалось ли собрать и спасти хотя половину? Адресуйте письма по-старому в Москву. Я хоть и поеду еще кое-куды в окрестности, но не надолго. Здоровье покуда порядочно. Прощайте!

Н. Г.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

Москва. Июля 30 1849

Я ездил взглянуть на некоторые губернии поблизости Москвы, был в Калуге, где прогостили несколько дней у Александры Осиповны; возвратился снова на короткое время в свою уединенную комнатку в Москве и увидел на столе письмо. С радостью узнал, что оно было от вас, а еще с большею, что подарок мой пришелся кстати. Не удивляйтесь тому, что вам никто не мог указать на сочинение, которое я вам послал. Русские никогда не знают, что существует на русском языке. Обращайтесь с расспросами по этой части ко мне, а не к кому другому. Нынешняя книга оказалась пришлась более нужной сестрицам вашим. Но, может быть, прочие будут нужны для вас. Так как Софья Михайловна и Аполлина Михайловна занимаются собиранием произведений? петербургской почвы, то им, сверх полученных вами тетрадей, нужно будет еще одно сочинение, которое при сем получит Софью Михайловну. Передайте ей письмецо. Далее начато: Послана Книга послана особо на ее имя. Не думайте, что я разоряюсь на книги. Я дарю вам дарю из своей собственной библиотеки, которая составилась у меня давно. Я люблю из нее дарить друзьям моим. Мне тогда кажется, как будто книга книга моя совершенно пристроена и поступила в достойное ее книгохранилище. Мне можно так поступать. Я вас богаче и имею больше вашего возможности заводиться книгами потому именно, что на другое ничто не издерживаюсь. За содержание свое и житие не плачу никому. Живу сегодня у одного, завтра у другого. Приеду и к вам тоже и проживу у вас, не заплатя вам за это ни копейки. Прощайте, добрый друг Анна Михайловна. Целую мысленно добрые ручки ваши. А вы перецелуйте за меня покрепче ручки графини.

Ваш весь.

Адрес мой остается по-прежнему.

С. М. СОЛЛОГУБ

Москва. Июля 30 1849

Я очень был рад, узнавши, что книга, посланная Анне Михайловне, оказалась полезною и для вас. Так как вы уже собираете травник, то вам нужно иметь сверх того еще подробное поименование всех растений, растущих около Петербурга. Посылаю вам Петербургскую флору, которая будет вам полезна уже потому, что, кроме названия всякого растения, вмещает обстоятельное подробное описание, применение на пользу и указание, в каких именно местах около Петербурга растет. Если же вы захотите потом когда-нибудь узнать вполне применение растений на пользу человека, то рекомендую вам сочинение, которое вас вполне удовлетворит. Это «Хозяйственная ботаника» проф. Щеглова. По моему мнению, сочинение это разве одними рисунками уступит иностранным, но текстом и полнотою содержания их далеко превосходит. Оно состоит из пяти больших отделений. В первом отделении рассмотрены все растения, употребляемые в пищу: все роды хлебов, овощей, корней и огородных злаков. Во втором отделении все роды кормовых трав для скота с показанием, какие для них вредны и почему. Третье отделение рассматривает растения, употребляемые на краски и на всякие технологические производства на фабриках и заводах. Четвертое вмещает все лекарственные растения. Было начато: произведения пятые – все ядовитые. Сочинение в большую четвертку с раскрашенными изображениями, 5 томов. Растения рассмотрены только растущие в России или такие, которые могут расти в России. Если вам захочется иметь это сочинение, то напишите, и я вам его вышлю. У меня оно есть. Если вы не захотите его у себя вовсе оставить, то можете держать все-таки у себя, как принадлежащее мне. Уведомите меня, сколько вы уже доселе собрали в свой травник произведений петербургской почвы. Где именно и в каких местах посчастливилось вам их больше найти и хорошо ли они у вас высушены. Затем обнимаю вас вместе с вашими булочками и хлебцами.

Ваш весь Н. Г.

Передайте душевный поклон Аполлине Михайловне и расцелуйте ручки графини.

На обороте: Софье Михайловне.

А. П. ТОЛСТОМУ

Конец июля 1849. Москва.

Мне было очень приятно узнать от графини, что вы обо мне воспоминаете. Я вспоминаю о вас часто. Хотелось бы сильно провести спасов пост с вами. Есть в душе желанье исполнить лучше то, что доселе исполнялось небрежно или, лучше, не исполнялось вовсе, но есть также и уверенность, что без братской помощи сам не в силах. Вы меня подвижней, воздержней, терпеливей. Вы теперь, кажется, больше можете подействовать на мою леность. Передайте душевный мой поклон Софье Петровне и Наталии Владимировне. Скажите, что много ценю благосклонное, дружеское их расположение ко мне. Я уверен, что кто к кому расположен, тот о том и помолится. А что может быть выше молитвы? Если я держусь на свете, если я еще не до конца погряз в беззакониях, если я еще не весь с ног до головы гниющий труп, то это благодаря молитвам молившихся обо мне. Если вы кого-нибудь встретите неленошного в молитвах, попросите его, как брат просит брата, обо мне молиться, чтобы дал бог мне силы, немощному, бессильному, повести лучшую жизнь. Помолитесь также вы обо мне, бесценный друг. Бог да хранит вас!

Ваш весь Н. Г.

О себе в прочих отношениях ничего не умею сказать, кроме того, что скучны все житейские заботы. Аще не господь созиждет дом, всуе все попеченья. Пробыл две недели у Смирновой, которая была очень больна. Приехал сюда, чтобы забрать известия о вас, но, видя, что вы раньше двух недель, вероятно, не выедете, поеду загляну еще на недельку в окрестности Москвы. Обнимите от всей души Скурыдина, Бурачка и всех, кто только помнит меня.

на обороте: Графу Александру Петровичу.

М. И. ГОГОЛЬ

Москва. Сентября 4 1849

Письмо от августа 1-го получил. Рад, что у вас хлеба гораздо лучше прошлого, и удивляюсь только тому, что такая засуха. у вас такая засуха. Здесь здесь же повсюду дожди; продолжались они до 1 сентября и не давали убирать до сих пор хлеба. С сентябрем началась только ясная погода. Советую вам держать хлеб и не продавать его. Цены становятся очень низки. Продадите за бесценок, а потом сами будете покупать. душевно меня огорчает разрушающееся здоровье Андрея Андреевича. Любезной сестре моей Елизавете Васильевне замечу здесь, что она крайне неаккуратна. Эмилия уже давно бы, может быть, была помещена, если бы она потрудилась выслать все те бумаги, о которых я писал, а именно: 1-е, свидетельство о том, что она сирота, именно сирота не имеет ни отца, ни матери и никакого имущества; 2-е, послужной список ее отца и, наконец, 3-е, метрическое свидетельство. Вместо всего этого я получил одно только метрическое свидетельство и ничего больше, даже изъяснения, почему нельзя было выслать прочего. Этак нельзя делать. Здоровье мое покамест не в дурном состоянии, хотя и нет свежести крепких юношеских лет. Передайте поклон всем тем, которые прислали мне его от себя в ваших письмах. Бог да сохранит вас всех здоровыми и невредимыми от всех зол. Прощайте.

Ваш Н. Г.

А. О. СМИРНОВОЙ

Москва. Сентября 15 1849

Что с вами, бесценный друг Александра Осиповна? Зачем вы ни строчкой не отвечали на письмо мое? Я слышал, что вам много хлопот и даже неприятностей, но все-таки хоть два слова. Хоть одно слово. С меня довольно и коротенького здравствуй.

Бог да хранит вас. Весь ваш

Н. Г.

Н. В. ПУТЯТЕ

14–18 августа или 21–27 сентября 1849. Абрамцево.

Сделайте милость, уведомьте, Николай Васильевич, у вас или не у вас Клементий Осипович. Я был в Троице и, к изумлению, его там не увидел. Княжна Цицианова сказывала, что и она не видела его и что он оттоле куда-то уехал вдруг. Из сего я вижу, что человек, которому поручен был ответ, изустно донес его не в том виде. Встретивши его в поле, подъезжавши к деревне и поленившись возвратиться с ним для написанья записки (а карандаша в кармане тоже не было), я ему объяснил, что мы, дескать, с стариком Аксаковым собирались всё утро к Николаю Васильевичу, но мешал дождь. Теперь же, видя, что Клементий Осипович переменил намерение желание ехать и хочет ехать с вами (или идти пешком к Троице, как сказано в записке), то в таком случае будь по его. Мы все поедем тоже в Троицу. Там встретимся и устроим насчет возврата в город. Но всё, как видно, спуталось и перепуталось. Известите меня как о Клементине Осиповиче, как о себе, так так равно и о себе, будете ли вы дома сегодня и завтра. Потому что если не сегодня, то завтра я и старик Аксаков, сгорающий нетерпением с вами познакомиться, едем к вам. Поехали бы и сию минуту, но ждем еще известья из Троицы, где у меня есть небольшое дело.

Ваш весь Н. Гоголь.

Передайте душевный поклон супруге и сестрице.

На обороте: Николаю Васильевичу Путяте от Гоголя.

А. О. СМИРНОВОЙ

Октября 20 1849. Москва

Я о вас часто думаю, Александра Осиповна. Вероятно, и вы тоже иногда обо мне вспоминаете, но всё же этого мало. Нужно иногда перекинуться письмечком. Я, слава богу, не чувствую, что я хвор, время летит в занятиях, так что некогда подумать о болезни. Больше читаю, чем пишу. Вижу, что многое нужно еще приготовиться, нужно что нужно о внимательно, и даже очень внимательно, прочесть всё то, что знакомит нас с краем нашим, нами позабытым. Вижу мало кого, потому что просто не имею времени видеть. Графиню Соллогуб, которая здесь, еще не видал ни разу. Здоровье ее, говорят, хорошо. Видел вскользь Андрея Карамзина с супругою, возвратившегося из путешествия по заводам и обширным демидовским землям, вскользь видел Соллогуба, неизменного и того же. Александр Петрович Толстой

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru возвратился из Петербурга здоров и вам кланяется. Напишите же, что делаете вы и как живется. Ведь описывать немного: верно, строк пять–шесть всего. Поклонитесь тем, кто помнит меня в Калуге, и пришлите мне пакет, посланный на ваше имя мне в Калугу на мое имя в Калугу графиней Толстой. Он он мне заключает в себе два письма, два письма мне одно из которых мне очень нужно. Да и все-таки, мне кажется, этому пакету приличнее быть у меня, чем оставаться где-нибудь в конторе Жуleva. В ожидании ваших добрых дружеских строк (всегда отрадных моей душе), остаюсь ваш весь

Н. Гоголь.

С. М. СОЛЛОГУБ И А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

Москва. Октябрь 20 1849

Милые и добрые друзья, Софья Михайловна и Анна Михайловна! От всей души поздравляю вас с принятием в семейный круг ваш нового гостя. Разумею новорожденное существо, которое досталось одной из вас в дочери, а другой в племянницы. Возвратившись в Москву, я застал здесь Владимира Александровича и от него узнал о вашей семейной радости. Дай бог, чтобы радость ваша сделалась еще большей, большей радостью когда дитя достигнет возраста, поймет и оценит жизнь лучше нашего нынешнего поколения, бессмысленно ее растратившего в подлиннике: растратившую на пустые развлеченья. Нынешняя поездка моя не была велика: все почти в окрестностях Москвы и в сопредельных с нею губерниях. Дальнейшее путешествие отложил до другого года, потому что на всяком шагу останавливаем собственным невежеством. Нужно сильно запастись предуготовительными сведениями затем, чтобы узнать, на какие предметы преимущественно следует обратить внимание. Иначе, подобно посылаемым чиновникам и ревизорам, проедешь всю Россию и ничего не узнаешь. Перечитываю теперь все книги, сколько-нибудь знакомящие с нашей землей, большую частью такие, которых теперь никто не читает. Далее начато: При С грустью удостоверяюсь, что прежде, во времена Екатерины, больше было дельных сочинений о России. Путешествия были предпринимаемы учеными смиренно, с целью узнать точно Россию. Теперь все щелкоперно. Нынешние путешественники, охотники до комфорта и трактиров, с больших дорог не сворачивают и стараются пролететь как можно скорее. При полном незнанье земли своей утвердились у всех гордая уверенность, будто знают ее. А между тем какую бездну нужно прочесть даже для того только, чтобы узнать, как мало знаешь, и чтобы быть в состоянии путешествовать по России, как следует, смиренно, с желанием знать ее. Всё время мое отдано работе, часу и часу нет свободного. Время летит быстро, неприметно. О, как спасительна работа и как глубока первая заповедь, данная человеку по изгнанию его из рая: в поте и труде снискивать хлеб свой! Стоит только на миг оторваться от работы, как уже невольно очутишься во власти всяких искушений. А у меня было их так много в нынешний мой приезд в Россию! Избегаю встреч даже с знакомыми людьми от страха, чтобы как-нибудь не оторваться от работы своей. Выхожу из дома только для прогулки и возвращаюсь съезжава работать. Бог да хранит вас, добрые, близкие моей душе! Не оставляйте меня уведомлять о себе. С удовольствием помышляю, как весело увижу с вами, когда кончу свою работу. Перецелуйте ручки у графини вашей маминьки. Обнимите Михаила и Матвея Юрьевича, Веневитиновых и всю вашу вечно близкую моему сердцу семью.

Ваш весь Н. Г.

Адрес мой по-старому.

М. И. ГОГОЛЬ

1849. Москва. Ноябрь до 28-го

Не писал к вам долго потому, что всё ожидал ваших писем, которые, по случаю отлучки моей из Москвы, гонялись за мною повсюду и до сих пор еще не пришли сюда. Я ожидал их всякий день и прождал целый месяц. Опасаюсь, чтобы они вовсе

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru не пропали. Здоровье мое, слава богу, кое-как идет. Понемногу занимаюсь, понемногу прогуливаюсь, пользуясь урывками хорошей погоды, которая, однако же, начала портиться, а зимы всё нет. Напишите мне, сделаны ли были какие посадки дерев в саду; я полагаю, что все те деревья, которые пропали в прошлом году, замещены теперь новыми. За этим дела немного, и потому не думаю, чтобы сестры поленились. Сейчас получил ваши письма. Из одного из них вижу, что его должен был доставить Аполлон Ильич Ознобинин весьма, и весьма сожалею, что не удалось видеть его. Рад, если вы поедете в Кагорлык к Андрею Андреевичу, но нахожу неблагоразумным, если никого совершенно не останется дома. На приказчика, ни на кого ни на какого нельзя положиться. Вы уже сколько раз испытали, что приказчик сначала хорош, а потом портится. Портится же он всего пуще тогда, когда господа в отлучке. Если останется, по крайней мере, сестра Ольга (которой, в самом деле, нечего делать в Кагорлыке), всё то всё будет лучше, нежели никого. Передайте Софье Васильевне и супругу ее благодарность за воспоминанье и поклон. А почтенному Андрею Андреевичу засвидетельствуйте мою искреннюю признательность, если его увидите. Не позабудьте также передать дружеский братский поклон Дмитрию Андреевичу. Затем да хранит вас бог всех здраво и невредимо!

Ваш Н. Г.

М. И. ГОГОЛЬ

28 ноября 1849 Москва

Я получил ваши письма из Полтавы и из Кагорлыка. Душевно пожалел о том, что наш достойнейший и добрейший Андрей Андреевич на старости лет своих должен испытывать столько неприятностей, но при всем том не потерял и не теряю надежды, что бог вознаградит за всё. Не могу думать, чтобы сын его был в такой степени безнадежен. Мне, напротив, в нем показалось что-то доброе. Он несчастлив только тем, что попал в это жалкое время, когда воспитанье всей молодежи производилось особенно дурно. Он не один, много, много других так воспиталось. Но это мгновенное общее опьянение века, которое долго не может продолжаться. Многие из молодых людей видят теперь и сами, на каком шатком очутились пути, и начинают искать дороги, с которой сбились. Это время должно непременно наступить и для него, тем более, что он, как мне сказывал в Одессе сам духовник, вовсе не так дурен в душе своей, как о нем говорят. Я сам начинаю думать, не старается ли кто-нибудь нарочно очернить сына пред отцом, от чего да сохранит бог. Тут всего лучше терпенье, надежда на милосердье бога и молитва. Передайте Андрею Андреевичу мой душевный поклон и чувство, исполненное самой признательной любви к нему, в чем, я уверен, он не сомневается. Бумаги об Эмилии я получил и буду стараться. Только не знаю, как вы ее доставите в случае принятия ее. Что же касается насчет ваших ожиданий моего приезда, то я вам опять повторю то, что всегда говорю. Слова я не даю никогда. Далее начато было: но в Обещать – не обещаю тоже. далее начато: Но Говорю: может быть, приеду, а может быть, и не приеду, разумея всегда возможность и устроение обстоятельств. Я не так богат, чтобы для одного удовольствия свидания бросать по 1000 рублей на переезд, и не так досужен, чтобы жертвовать временем, которое у меня дорого. Мне так нужно много видеть мест, еще не виданных мною, что не знаю, успею ли и их осмотреть. Приехать к вам я имел намерение только тогда, если б когда мне удалось к этому времени окончить мой труд и напечатать его и управиться совершенно со всеми хлопотами. далее начато: Что же У меня, напротив, вот какой обычай обещать: я к вам приеду, может быть, через год, а может быть, через пятнадцать лет. Так я говорю всем, зная, что всё зависит не от моей воли, а от устроения обстоятельств. А обстоятельства устроает бог. далее начато: Что же делать мы все на земле поденщики и работники. Прежде всего должны думать о работе своей, а потом уже об удовольствии свидания. О просьбе вашей насчет Олимпиады Федоровны никак не умею приложить ума и никак тем более что не знаю, чем я могу помочь. Вы даже не объяснили мне, к кому должно обратиться, чтобы отыскать ее сына. Мир велик. Губернатора нашего я не видел. Он был в Москве тогда, как меня еще здесь не было. Душевно желаю, чтобы пребыванье ваше в Кагорлыке было приятно и для вас и для Андрея Андреевича.

Ваш любящий сын Н. Г.

А. О. СМИРНОВОЙ

Ноября 28 1849. Москва

Иногда так хочется вас видеть, что много бы дал за то, чтобы один час побывать с вами вас видеть и поболтать, а примусь за письмо – не пишется, и не знаю, что сказать вам. Лень ли это, или, в самом деле, все предметы стали не стоящими письма? Решите сами. Всё, однако же, я думаю, у вас есть больше о чем сказать мне, чем мне вам. У вас есть хоть, по крайней мере, сенатор Давыдов и всякие ревизионные гадости. А у меня всё лениво и сонно. Работа движется медленно, а неумолимое, невозвратное время летит и летит так быстро, что иногда страх врывается в сонную душу.

Ваш весь Н. Г.

Обнимите ваших малюток и передайте поклон Николаю Михайловичу. Мисс Овербек не позабудьте также. Граф Толстой благодарит вас много за память, супруга его также.

С. Т. АКСАКОВУ

Ноябрь 1849. Москва.

Посылаю вам 1-й том и желаю, чтобы доставил вам развлечение. Ради бога, берегите здоровье и делайте всё с умеренностью. Это большая добродетель. Жалко, если до весны не увидимся. Известие о кончине Панова меня опечалило. Всё позабывается, что чем далее, тем более с каждым годом должны убывать и отходить все близкие сердцу, а не прибывать. Бог да хранит вас и да поможет благодарить его благодарно в благодарность за всё.

Весь ваш Н. Г.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Осень 1849. Москва.

От всей души благодарю вас за сообщенье письма от Жуковского. Оно меня больше чем успокоило на его счет. Среди всех этих бурь бог помог ему не только избежать их, но даже произвести такое дело, которое и во время тишины невозможно произвести с такой быстротой, – это знак милости небесной! С благодарностью возвращаю вам обрадовавшее меня письмо и постараюсь поблагодарить лично.

Весь ваш Н. Гоголь.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Осень 1849. Москва.

Миллион поцелуев и ничего больше! Известие об оконченной и напечатанной «Одиссеей» отняло язык. Скотина Чичиков едва добрался до половины своего странствования. Может быть, оттого, что русскому герою с русским народом нужно быть несравненно увертливей, нежели греческому с греками. Может быть, и оттого, что автору самому автору «Мертвых душ» нужно быть гораздо лучше душой, нежели скотина Чичиков. Письмо напишу – и будет длинное.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
твой Н. Гоголь.

на обороте: Василию Андреевичу Жуковскому.

К. И. МАРКОВУ

Четверг 3 декабря 1849. Москва

Очень вам благодарен за ваше письмо. На прежнее не отвечал по незнанию вашего адреса. Что же касается до II тома «Мертвых душ», то я не имел в виду собственно героя добродетелей. Напротив, почти все действующие лица могут называться героями недостатков. Дело только в том, что характеры значительнее прежних и что намеренье мысль автора было войти здесь глубже в высшее значение жизни, нами опошленной, обнаружив видней русского человека не с одной какой-либо стороны. О прочих пунктах письма вашего переговорим когда-нибудь лично; мы же, кажется, соседи.

Искренне благодарный за ваши заметки

Н. Гоголь.

на обороте: Константину Ивановичу Маркову.

У Арбатских ворот. В доме Загряжской.

А. М. МАРКОВИЧУ

6 декабря 1849. Москва

Очень благодарю и за известия об вас и за календарь. Рад, что у вас обстоит всё благополучно: в нынешние времена это не совсем обыкновенная вещь. Я кое-как перебиваюсь. Здоровье, слава богу, еще держится. По-прежнему сижу за делом, а делается мало. Время летит так быстро, что нападает страх. Поездки мои были маловажны. Но всё же они оживили начинаящую тупеть память. Многое современное заставило вспомнить с грустью о прежнем, невозвратно минувшем. Много завелось повсюду бесхарактерности, бессилия, смущения в головах и пустоты в сердцах. Об утонченностях разврата уже и не говорю. Покуда я еще ничего не готовлю к печати, во-первых, потому, что сам не готов, а, во-вторых, потому, что и время не такое: авось отрезвятся сколько-нибудь опьяневшие головы. Не позабывайте писать хотя изредка. Известия о вас и о всем, что вас окружает, мне всегда приятны. Передайте при сем письмечко Александру Семеновичу. Я не знаю, где он на нынешнюю пору находится. Может быть, с вами. Передайте поклон мой почтенной вашей сестрице и всем милым вашим племянницам.

Ваш весь Н. Г.

на обороте: Его высокородию Александру Михайловичу Марковичу.

В Глухов Черниговской губернии, оттуда в село Сварков.

А. О. СМИРНОВОЙ

декабря 6 1849. Москва

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Только что отправил к вам письмо, как, два часа спустя, пришло ваше. Гадостей, как видно, около вас немало. Но как же быть? Не будь их, не достигнуть нам и царствия небесного. Как раз забудет человек, что он здесь затем, чтобы нести крест. Что же касается до сплетней, то не позабывайте, что их распускает чорт, а не люди, затем, чтобы смутить и низвести с того высокого спокойствия, которое нам необходимо далее начато: затем, чтобы для жития жизнью высшей, стало быть, той, какой следует жить человеку. Эта длиннохвостая бестия как только приметит, что человек стал осторожен и неподатлив на большие соблазны, тотчас спрячет свое рыло и начинает заезжать с мелочей, очень хорошо зная, что и бесстрашный лев наконец должен взреветь, когда нападут на него бессильные комары со всех сторон и кучею. Лев ревет оттого, что он животное, а если бы он мог соображать, как человек, что от комаров, блох и прочего не умирают, что с наступлением холода всё это сгинет, что кусанья эти, может быть, и нужны, как отнимающие лишнюю кровь, то, может, и у него достало бы великодушия всё это перенесть терпеливо. Я совершенно убедился в том, что сплетня плется чортом, а не человеком. Человек от праздности и часто сглупа брякнет слово без смысла, которого бы и не хотел сказать. Это слово пойдет гулять; по поводу его другой отпустит в праздности другое, и мало-помалу сплется сама собою история без ведома всех. Настоящего автора ее безумно и отыскивать, потому что его не отыщешь. Не обвиняйте также и домашних никого; вы будете несправедливы. Помните, что всё на свете обман, всё кажется нам не тем, чем оно есть на самом деле. Чтобы не обмануться в людях, нужно видеть их так, как велит нам видеть их Христос. В чем да поможет вам бог! Трудно, трудно жить нам, забывающим всякую минуту, что будет наши действия ревизовать не сенатор, а тот, кого ничем не подкупишь и у которого совершенно другой взгляд на всё.

Граф Толстой очень благодарит вас за память. С Назимовым я мало знаком: виделся с ним раза два, отзываются же о нем другие хорошо. Если вам имеется в нем надобность, может быть, насчет Билевича, то посоветуйте ему обратиться к Гинтовту, который с ним еще недавно служил вместе. Здоровье мое кое-как плется, хотя и не совсем так, как нужно для произведенья моей поденной работы. Бог да хранит вас! Прощайте.

Весь ваш Н. Г.

Если Николай Михайлович сегодня именинник, то передайте ему мое поздравление. Детушек перецелуйте.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Москва. 1849, декабря 14

Прежде всего благодарность за милые строки, хоть в них и упрек. Сам я не знаю, виноват ли я или не виноват. Все на меня жалуются, что мои письма стали неудовлетворительны и что в них видно одно: нехотение нежелание писать. Это правда. Мне нужно большое усилие, чтобы написать не только письмо, но даже короткую записку. Что это? старость старость ли или временное оцепенение сил? Сплю ли я или так сонно бодрствуя, что бодрствованье хуже сна? Полтора года моего пребыванья в России пронеслось, как быстрый миг, быстро и ни одного такого события, которое бы освежило меня, после которого, как бы после ушата холодной воды, почувствовал бодрость бы, что действую трезво и точно действую. Только и кажется мне трезвым действием поездка в Иерусалим. Творчество мое лениво. Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу от стола, не отдвигаю бумаги, не выпускаю пера – но строки лепятся вяло, лениво а время летит невозвратно. Или, в самом деле, 42 года есть для меня старость, или так следует, чтобы мои «Мертвые души» не выходили в это мутное строгое время, когда, не успевши отрезвиться, общество еще находится в чаду и люди еще не пришли в состояние читать книгу как следует, то есть прилично, не держа ее вверх ногами? Здесь всё, и молодежь и старость, до того запуталось в понятиях, что не может само себе дать отчета. Одни в полном невежестве дожевывают европейские уже выплюнутые жеваки. Другие изблевывают свое собственное несваренье. Редкие, очень, очень редкие слышат и ценят то, что в самом деле составляет нашу силу. Можно сказать, что только одна церковь и есть среди нас еще здоровое тело.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Появление «Одиссеи» было не для настоящего времени. Ее приветствовали уже
отходящие люди, радуясь и за себя самих, что еще могут чувствовать вечные
красоты Гомера, и за внуkov своих, что им есть чтение светлое, не отемняющее
головы. Я знаю людей, которые несколько раз сряду прочли «Одиссею» с полной
признательностью и глубокой благодарностью к переводчику. Но таких (увы!)
немного. Никакое время не было еще так бедно читателями хороших книг, как
наступившее. Шевырев пишет рецензию; вероятно, он скажет в ней много хорошего,
но никакие рецензии не в силах не в силах будут засадить нынешнее поколение,
обмороченное политическими броженьями, за чтение светлое и успокаивающее душу.
Временами мне кажется, что II-й том «Мертвых душ» мог бы послужить для русских
читателей некоторою ступенью к чтению Гомера. Временами приходит такое желанье
прочесть из них что-нибудь тебе, и кажется, что это прочтенье чтенье освежило бы
и подтолкнуло меня – но... Когда это будет? когда мы увидимся? Вот тебе все, что в
силах сказать. Прости великодушно, если и это письмо неудовлетворительно. По
крайней мере, я хотел, чтобы оно было удовлетворительно. Обнимаю от всей души и
тебя и все, что к тебе близко.

Твой весь Н. Гоголь.

на обороте: Василию Андреевичу Жуковскому.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

декабрь 15 1849. Москва

Мы давно уже не переписывались. И ты замолчал, и я замолчал. Я не писал к тебе
отчасти потому, и потому что сам хотел быть в Петербург, а отчасти, и потому,
что нашло на меня неписательное расположение. Все кругом на меня жалуются, что
не пишу. При всем том, мне кажется, виноват не я, но умственная спячка, меня
одолевшая. «Мертвые души» даже и «Мертвые души» тоже тянутся лениво. Может быть,
так оно и следует, чтобы им не выходить теперь. Дело в том, что время еще
содомное. Люди, доселе не отрезвившиеся от угара, далеко не отрезвились и еще в
чаду от угара не годятся в читатели, не способны и не способны ни к чему
художественному высокому и спокойному. Сужу об этом по приему «Одиссеи». Два-три
человека обрадовались ей, и то люди уже отходящего прежнего века. Никогда не
было еще заметно такого умственного бессилия в обществе. Чувство художественное
почти умерло. Но ты и сам, без сомнения, свидетель многоного. свидетель многому
такому, что заставляет человека Пожалуста, отправь это письмо к Гrotu и сообщи
мне его точный адрес. Передай также мой душевный поклон Балабинам и скажи им,
что я всегда о них помню. Затем, обнимая мысленно с тобой вместе всех близких
твоему сердцу, остаюсь

твой весь Н. Г.

Адрес мой: в доме Талызина на Никитском бульваре.

Об «Одиссее» не говорю. Что сказать о ней? Ты, верно, наслаждаешься каждым
словом и каждой строчкой. Благословен бог, посылающий нам так много добра
посреди зол!

Я. К. ГРОТУ

Середина декабря 1849. Москва.

Очень благодарю вас за ваше добре письмо, которое нашел по приезде в Москву.
Мне самому очень жалко, что не удалось с вами еще повидаться. Благодарю вперед
за предстоящее знакомство с Протопоповым, которого я непременно отыщу. Его
замечания о русском народе, приложенные в вашем письме, совершенно верны,
отзываются большой опытностью, а с тем вместе и ясностью головы. Прощайте и не

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
забывайте меня.

Ваш весь Гоголь.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

декабря 26 1849. Москва

Здоровы ли вы, добрейшая Анна Михайловна? Я уже давно не имею от вас известия. Как вам живется, как веселится, как скучается? – уведомьте меня хоть строчкой. Что же касается до меня, еще живу, еще мыслю, еще двигаюсь, хоть и говорят, будто бы значительно худею. Труда своего никак не оставляю, и хоть не всегда бывают свежие минуты, но не унываю. Благодарить нужно бога за всё – и за дождливый и за солнечный день. Поздравляю вас с наступающим годом и от всей души желаю, чтобы пожилось вам как в нем и так и в следующих годах прекрасной, светлой жизнью, какой способны жить одни только прекрасные души.

Ваш весь Н. Гоголь.

Передайте поздравление мое Софье Михайловне и всем вашим, близким, близким моему сердцу.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

Конец декабря 1849. Москва.

Благодарю вас много, добрый друг Надежда Николаевна, за вашу записочку. Поздравляю вас также с наступающим годом. дай бог, чтобы он был глубоко благоприятен нам обоим в высоком внутреннем отношении.

Весь ваш Н. Гоголь.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметевой.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

1849. Москва.

Очень вас благодарю. Да поможет бог и вам и мне без него не обходиться ни на минуту.

Ваш Н. Г.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметевой.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

1849. Москва.

Когда вам угодно. Мне всегда приятно на вас взглянуть. Берегите только свое здоровье и не выезжайте, когда погода дурна.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Весь ваш Н. Г.

на обороте. Надежде Николаевне Шереметевой.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

1849. Москва.

Очень сожалею, что не видал вас. Когда вы были у меня, тогда я был у обедни, не думая, что вы приедете в такое время. Во всяком случае, позвольте от всего сердца поблагодарить вас за то, что не оставляете меня. Бог да воздаст вам за ваши молитвы обо мне и о том, что близко душе моей. Прощайте. Не забывайте меня по-прежнему ни дружескими письмами, ни молитвами.

Ваш весь.

на обороте: Надежде Николаевне Шереметевой.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Москва. Генваря 21. 1850

Не могу понять, что со мною делается. От преклонного ли возраста, действующего в нас вяло и лениво, от изнурительного ли болезненного болезненного моего состояния, от климата ли, производящего его, но я просто не успеваю ничего делать. Время летит так, как еще никогда не помню. Встаю рано, с утра принимаюсь за перо, никого к себе не впускаю, откладывая на сторону все прочие дела, даже письма к людям близким, – и при всем том так немного из меня выходит строк! Кажется, просидел за работой не больше, как час, смотрю на часы – уже время обедать. Некогда даже пройтись и прогуляться. Вот тебе вся моя история. Конец делу еще не скоро, т. е. разумею конец «Мертвых душ». Все почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, как набросаны; собственно написанных две-три и только. Я не знаю даже, можно ли творить быстро собственно художническое произведение. Это разве может только один бог, у которого всё под рукой: и разум и слово с ним. А человеку нужно за словом ходить в карман, а разума доискиваться. – У Смирновой я, точно, прогостили осенью. Не писал о ней потому, что полагал тебя знающим насчет ее через Аркадия Осиповича Россета, которому при сей верной оказии передай мой душевный поклон. Она вначале более тосковала и больше хворала. В последнее же время, как мне показалось, она чувствовала себя лучше. Всего больше меня порадовало то, что она принялась именно за то дело, за которое всякая женщина, по-моему, должна бы приняться с самого начала, то есть за хозяйство и всякие экономические заботы по имению. Теперь я слышу, что она их продолжает и за ними не скучает. От этого и самое здоровье ее, говорят, лучше. Так мне о ней рассказывали видевшие ее еще недавно в Калуге. Дочери у ней вышли очень миленькие, обе почти невесты, вторая меньшая даже красавица. Воспитываются хорошо благодаря гувернантке, мисс Овербек, уединеню и близости от жизни деревенской. Как живешь ты? с кем видаешься и о чем разговариваешь чаще? Передай поклон милой супруге своей и милой дочери. На меня не сердись и люби, потому что я также тебя люблю, а письмо – дрянь. Оно никогда не может выразить и десятой доли человека. Поэтому-то я никогда не сержусь на друга, если он напишет письмо коротенькое и не так обстоятельно, как бы хотелось. У меня правило всякое письмо считать подарком, а дареному коню в зубы не смотрят. Прощай. Хотел было просить тебя взять о вынутыи из ломбарда последний куш денег. Но раздумал. Пусть их лежат, авось как-нибудь изворочусь. Впрочем, уведоми, можно ли брать по частям или нет.

Твой весь Н. Г.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
М. А. МАКСИМОВИЧУ

Январь–февраль 1850. Москва.

Жаль. Тем более, что мороз сегодня не велик. Письма не оказалось у меня никакого. Вероятно, ты позабыл его где-нибудь в другом месте. Будь здоров.

Твой весь Н. Г.

На обороте: Михаилу Александровичу Максимовичу.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

Перед 11 февраля 1850. Москва.

Немножко прихворнул, но, кажется, болезнь незначительная, и теперь чувствую себя, слава богу, несколько лучше. Ваш весь

Н. Г.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметьевой.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

Москва. 11 февраля 1850 года

За что же мне бранить вас, добрейшая Анна Михайловна? За ваше доброе, милое письмо? За то, что вы не забываете меня? Поспорю только с вами насчет того, что вам кажется прекрасною участь писателя, будто бы владеющего сердцами и умами и чрез то могущего иметь обширное влияние. Я думаю, что мы все в этом мире не что другое, как поденщики. Мы должны честно, прилежно трудиться, работать теми способностями, которые нам дал бог, работать ему, ожидая платы не здесь, а там. А какое именно влияние произведет наш труд на людей, как велико или обширно это влияние – это совершенно во власти того, кто располагает делами мира. Далее начато: Этого никак мы этого часто тот, кто задумает произвести добро, производит зло; мы сеем и сами не знаем, что именно сеем. Один бог возвращает плод, дает ему вид и форму. Как нам знать, кто больший из нас, кто лучший, когда первые будут последними, а последние первыми? Иногда бывает и то, что не блестящий труд труженика, никем не оцененного, всеми позабытого, вдруг чрез несколько веков, попавшись в руки какому-нибудь не совсем обыкновенному человеку, наводит его на гениальную мысль, на великое и благодетельное дело. Дело изумляет мир, а первоначальный творец его не изумил им даже и небольшой круг людей, его знавших. Не грустите же о том, что вам нет поприща или что поприще ваше тесно. Только молитесь постоянно богу, далее начато: о том чтобы он удостоил вас послужить ему честно, добросовестно, прилежно, далее начато: а поприще вам откроется всеми своими способностями, не зарывая в землю ни одного своего таланта. Нельзя, чтобы постоянная усердная молитва, сопровождаемая слезами, не ударила наконец в двери небесные и ум наш не озарился бы вразумлением свыше, как нам быть и что делать. Что сказать вам о себе? Временами бываю свеж мыслями, временами хвораю и тогда бываю малодушен, хандрю и грущу. Работа прекращается, как и теперь. Сижу больной, нервы страждут, и всё во мне страждет. И так бывает тяжело, что не знаешь, куда деться, как позабыть себя. Праздно вращается на устах бескрылая молитва... Но храни вас бог и да соделает вам легким то, что для других трудно, сподобивши вас быть во всем ему угодной. А меня не забывайте в молитвах.

Ваш весь Н. Г.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Перецелуйте всех ваших.

М. И. ГОГОЛЬ

Москва. 11 февраля. 1850

давно не получал от вас писем, почтеннейшая матушка. Здоровы ли вы и как у вас? Я не знаю до сих пор, благополучно ли вы возвратились из Кагорлыка в Васильевку. Я кое-как живу, но прихварываю больше эту зиму, чем прежнюю. Как видно, холодный климат меня прижимает. А может быть, и оттого, что сам не живешь и не молишься, как следует. Я получил много от бога и должен бы быть лучше вас всех, но ежеминутно убеждаюсь, что я хуже вас всех. А потому нужно терпеливо нести болезни, как должное и праведное наказанье. Молитесь обо мне все вместе и будьте здоровы.

Ваш весь Н. Г.

Ничего еще не могу сказать верного насчет помещенья Эмилии. Любезному племяннику хотел было писать, но отлагаю до следующего раза. Покуда обнимаю заочно всех вас.

А. О. СМИРНОВОЙ

Москва. 11 февраля 1850 года

В какое время пришло ко мне милое письмо ваше! Сам болен, изнемогаю духом, сам требую молитв и утешения и не нахожу нигде. О, как трудно быть тому, кто не умеет быть в боге! в боге, подобно мне чувствую это во всей силе на себе. С болезнью моей соединилось такое нервическое волнение, что ни минуту не посидит мысль моя на одном месте и мечется, бедная, беспокойней самого больного. Верю только тому, что бог милосерд и что строит всегда лучше того, как замышляем мы. далее начато: Пробовал О, не смущайтесь, что могут нанести вам всякие неприятности жизни! Путь наш должен быть пред богом, а не пред людьми. Если мы чисты, если правы пред богом, кто может из людей опорочить нас, заклеймить пятном наше имя? А скорби? Но если уже сам спаситель сказал, что только ими очищается душа, как же быть без них? Где же человеку показать величие души, как не в минуты невзгоды? Всюду скорби; на кого ни погляжу, всякий скорбит; я сам так скорблю, что не в силах и молиться. Твержу ваше имя всякий день, но что это за молитва бескрылая! О, спаси вас бог, спаси, покрый, осени проведи святым щитом своим, проведи сквозь эту ничтожную, пугающую тревогу здраво, цело, со внесеньем богатых сокровищ в вашу испытанную бедами душу! Прощайте! Да не смущается сердце ваше!

Ваш весь Н. Г.

Болезнь отнимает силы думать теперь о приезде; но если станет лучше и доктор позволит... Впрочем, говоря откровенно, не знаю, чем могу быть вам нужен теперь. Думаю даже, не повредил бы чем-нибудь мой приезд; пойдут еще новые какие-нибудь нелепые слухи. Верьте, однако ж, тому, что сердцу было бы очень сладко, если бы бог сподобил меня быть каким-нибудь орудием к вашему утешению. Зачем же не обратиться нам прямо к тому, кто сам просит нас и увершевает к нему обращаться? с богом же снова в путь ваш! Глядите твердо кверху и да не смущается ваше сердце! Всё нечистое пронесется мимо!

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

11 февраля 1850 Москва

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Мне сегодня опять как-то не весьма хорошо, прошу вас покрепче обо мне
помолиться.

Весь ваш Н. Г.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметьевой.

К. С. АКСАКОВУ

Первая половина февраля 1850. Москва.

Зайдите ко мне, любезнейший Константин Сергеевич, я прихворнул и не выхожу.
Навестить больного все-таки доброе дело.

Ваш весь Н. Г.

На обороте: Константину Сергеевичу Аксакову.

Филипповский переулок, в доме Высоцкого.

С. Т. АКСАКОВУ

Середина февраля 1850. Москва.

Чувствую лучше. Простуда и жар в голове уменьшается. Овер одобрил всё, сделанное
моим доктором. Надеюсь если не сегодня, то завтра выйти на воздух. Рад, что вы
также чувствуете лучше. За всё слава богу.

Ваш весь Н. Г.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

А. М. МАРКОВИЧУ

Середина февраля 1850. Москва.

Вашу фамилию мне переврали. Я сижу больной и не могу видеть многих, но вас бы
принял и с удовольствием побеседовал бы. Итак, не будете ли так добры, чтобы
навестить больного, вам искренно преданного и вас искренно любящего.

Н. Гоголь.

На обороте: Александру Михайловичу Маркевичу.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

28 февраля 1850. Москва

Почувствовав облегченье от болезни, в которой пробыл недели полторы, принимаюсь
отвечать. В черновой редакции. Сейчас получил твое доброе письмо и, несмотря на
то, что еще не совсем оправился, почувствовав облегченье от болезни, берусь, как

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
видишь, за перо друг, ты требуешь от меня изображений Палестины со всеми ее
местными красками в таком виде, чтобы они могли послужить в пользу твоему
«Вечному Жиду». Знаешь ли, какую тяжелую ты мне задал задачу? Что в черновой
редакции: Но что могу сказать я, чего бы не сказали уже другие? Какие краски,
какие черты представлю, в черновой редакции: какие новые черты представил бы
когда всё уже пересказано, перерисовано со всеми малейшими подробностями? да и к
чему эти бедные черты, когда всякое событие евангельское и без того уже
обстанавливается в уме христианина в черновой редакции: в уме нашем такими
окрестностями, которые гораздо больше которые гораздо ближе дают чувствовать
минувшее время, чем все ныне в черновой редакции: все ныне сохранившие видимые
местности, обнаженные, мертвые? Что могут сказать, например, ныне места, в
черновой редакции: те места по которым прошел скорбный путь спасителя ко кресту,
которые все теперь собраны под одну крышу храма, так что и св. гроб, и Голгофа,
и место, где спаситель показан был Пилатом народу, и жилище архиерея, к которому
он был проводим, и место нахождения животворного креста – всё очутилось вместе?
Что могут все эти места, которые привыкли мы мерять расстояниями, произвести
другого, как разве только сбить с толку любопытного в черновой редакции: всякого
того наблюдателя, если только они уже не врезались злаговоременно и прежде в
его сердце и в свете пламенеющей веры не предстоят ежеминутно перед мысленными
его очами? Что может сказать поэту-живописцу нынешний вид всей Иудеи с ее
однообразными горами, похожими на бесконечные серые волны взбугрившегося моря?
Всё это, верно, в черновой редакции: может быть было живописно во времена
спасителя, когда вся Иудея была садом и каждый еврей сидел под тенью им
насажденного дерева, но теперь, когда редко-редко где встретишь пять-шесть олив
на всей покатости горы, цветом зелени своей так же сероватых и пыльных, как и
самые камни гор, когда одна только тонкая плева моха да урывками клочки травы
зеленеют посреди этого обнаженного, неровного поля каменьев в черновой редакции:
посреди серины, да через каких-нибудь пять-шесть часов пути попадется
где-нибудь приклеившаяся к горе хижина араба, больше похожая на глиняный горшок,
печурку, звериную нору, чем на жилище человека, как узнать в таком виде землю
млека и меда? В черновой редакции начато: Какую картину доставит твоей поэме
Представь же себе посреди такого опустения Иерусалим, Вифлеем и все восточные
города, похожие на беспорядочно сложенные груды камней и кирпичей; представь
себе Иордан, тощий посреди обнаженных гористых окрестностей, кое-где осененный
небольшими кустиками ив; представь себе посреди такого же опустения у ног
Иерусалима долину Иосафатову с несколькими камнями и гротами, будто бы
гробницами иудейских царей. Что могут проговорить тебе эти места, если не
увидишь мысленными глазами над Вифлеемом звезды, над струями Иордана голубя,
сходящего из разверстых небес, в стенах иерусалимских в черновой редакции: в
Иерусалиме страшный день крестной смерти при помрачении всего вокруг и
землетрясены или светлый день воскресенья, от блеска которого помрачится всё
окружающее, и нынешнее и минувшее? Право, не знаю, я не знаю что могу сообщить
тебе такого о Палестине, что бы навело тебя на благодатные мысли и побудило бы
тебя вдохновенно приняться за перо и свою поэму. Я думаю, что вместо меня всякий
простой человек, даже русский мужичок, если только он в черновой редакции: он,
верующий с трепетом верующего сердца поклонился, обливаясь слезами, всякому
уголку святой земли, может рассказать тебе более всего того, что тебе нужно. Мое
путешествие в Палестину точно было совершено мною затем, чтобы узнать лично и
как бы узреть собственными глазами, как велика черствость моего сердца. Друг,
велика эта черствость! Я удостоился провести ночь у гроба спасителя, я
удостоился приобщиться от святых тайн, стоявших на самом гробе вместо алтаря, –
и при всем том я не стал лучшим, тогда как всё земное должно бы во мне сгореть и
остаться одно небесное. Что могут доставить тебе мои сонные впечатления? Видел я
как во сне эту землю. Подымаясь с ночлега до восхождения солнца, садились мы на
мулов и лошадей в сопровождении и пеших и конных провожатых; гусем шел длинный
поезд через малую пустыню по мокрому берегу по самому берегу или дну моря, так
что далее начато: плоско с одной стороны море обмывало плоскими волнами
лошадиные его лошадиные копыта, в подлиннике: копыта а с другой стороны тянулись
пески или беловатые плиты начинавшихся возвышений, изредка поросшие приземистым
кустарником; в полдень колодец, выложенное плитами водохранилище, далее начато:
под осененное двумя-тремя оливами или сикоморами. Здесь привал на полчаса и
снова в путь, пока не покажется на вечернем горизонте, уже не синем, но медном
от заходящего солнца, пять-шесть пальм и вместе с ними прорезающийся сквозь
радужную мглу городок, картины издали и бедный вблизи, какой-нибудь Сидон или
Тир. И этакий путь до самого Иерусалима. Как сквозь сон, видится мне самый
Иерусалим с Элеонской горы, – одно место, где он кажется далее начато: прост
обширным и великолепным: поднимаясь вместе с горою, как бы на приподнятой доске,
он выказываетесь весь, малые дома кажутся большими, небольшие выбеленные

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru выпуклости на их плоских крышах кажутся бесчисленными куполами, которые, отделяясь резко своей близиной от необыкновенно синего неба, представляют вместе с остриями минаретов какой-то играющий вид. Помню, что на этой Элеонской горе видел я след ноги вознесшегося, чудесно вдавленный в твердом камне, как бы в мягким воске, так что видна малейшая выпуклость и впадина необыкновенно правильной пяты. В черновой редакции: его пяту чудес Еще помню вид, открывшийся мне вдруг посреди однообразных серых возвышений, далее начато: похо когда, выехав из Иерусалима и видя перед собою все холмы да холмы, я и я уже не ждал ничего В черновой редакции: я уже начал скучать – вдруг с одного холма, вдали, в голубом свете, огромным полукружьем предстали горы. Странные горы: они были похожи на бока или карнизы огромного, высунувшегося углом блюда. дно этого блюда было Мертвое море. Бока его были голубовато-красноватого цвета, дно голубовато-зеленоватого. Никогда не видал я таких странных гор. Без пик и остроконечий, они сливались верхами в одну ровную линию, составляя повсюду ровной высоты исполнинский берег В черновой редакции: как берег одинаково неизмеримо высокий над морем. По нем не было приметно В черновой редакции: нельзя было видеть сквозь ни отлогостей, ни горных склонов; все они как бы состояли из бесчисленного числа граней, отливавших разными оттенками сквозь общий мглистый голубовато-красноватый цвет. Это вулканическое произведение – нагроможденный вал бесплодных каменьев В черновой редакции: множество камней каких-нибудь мелких каменьев – сияло издали красотой несказанной. Никаких других видов, особенно поразивших, не вынесла солнечная душа. Где-то в Самарии сорвал полевой цветок, где-то в Галилее другой; в Назарете, застигнутый дождем, просидел два дни, позабыв, что сижу в Назарете, точно как бы это случилось в России, на станции. Повсюду и на всем видел я только признаки явные того, что все эти ныне обнаженные страны, и преимущественно Иудея (ныне всех бесплоднейшая), были действительно землей молока и меда. По всем горам высечены уступы – следы В черновой редакции: следы уступов некогда бывших виноградников, В черновой редакции: и это знаменует, что все 1 нрзб. виноградом и теперь даже стоит только бросить одну горсть земли на эти обнаженные каменья, чтобы показались на ней вдруг сотни растений и цветов: столько влажности, необходимой для прозябенья, заключено в этих бесплодных каменьях! Но никто из нынешних жителей ничего не заводит, считая себя кочевыми, преходящими, только на время скитающимися в сей пораженной богом стране. Только в Яффе небольшое количество дерев В черновой редакции: и малое количество дерев красуется шумит в красоте необыкновенного роста, незнакомые европейцу ломится от тягости тягости необыкновенной плодов, поражая красотой своего роста. Друг, сообразил ли ты, чего просишь, прося от меня картин и впечатлений для той повести, которая должна быть вместе В черновой редакции: в это время и внутренней В черновой редакции: истинной историей твоей собственной души? Нет, все эти святые места уже должны быть в твоей душе. Соверши же, помолясь жаркой молитвой, это внутреннее путешествие – и все святые окрестности восстанут пред тобою в том свете и колорите, в каком они должны восстать. Какую великолепную окрестность поднимает вокруг себя всякое слово в евангелии! Как беден перед этим неизмеримым кругозором, В черновой редакции: горизонтом открывающимся живой душе, тот узкий кругозор, который озирается В черновой редакции: видится мертвыми очами ученого исследователя! Не вознегодуй же на меня, если ничего больше не сумел тебе сказать, кроме этой малой толики. В черновой редакции далее начато: точно как с умыслом рука божья обрекла пустыню запустению все эти места, чтобы 1 нрзб. искать в сердце своем не земного, а небесного. Дальше текст черновой редакции значительно расходится с окончательным и потому дается отдельно, после основного текста. Мне кажется, если бы ты сделал то же с библией, что с евангелием, то есть всякий день переводил бы из нее по главе, то святая земля неминуемо бы предстала бы тебе благословенной богом и украшенной именно так, как была древле.

Шевыреву я передал и твой поклон и твою просьбу. Теперь он загроможден делами по университету, которых навалили на него кучу. Но «Одиссеей» он займется непременно, как только сколько-нибудь удосужится. Тем более, что это занятие его много занимает. Что же мне написать тебе об «Одиссее»? Сказавши в первом письме, что много есть в России людей, тебе особенно за нее благодарных, и что она совершенство, я сказал всё. Да и что сказать о труде, в котором все части приведены в такую стройность и согласие? Если бы что-нибудь выступало сильней другого или было обработано лучше или же отстало, тогда бы нашлись речи. А теперь вся оценка вся оценка и все сливаются в одно слово: прекрасно! Притом, если даже и хвалить далее начато: по картины, то похвалы все достанутся Гомеру, а не тебе. Переводчик поступил так, что его не видишь: он превратился в такое прозрачное стекло, что кажется, как бы нет стекла. Во II томе далее начато: еще

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
«Одиссеи» это еще более поразительно, чем в первом. Но прощай. Да поможет тебе
тот, кто один только может быть вдохновителем в труде твоем! Обнимаю тебя всею
мыслью, крепко. Бог в помошь!

Твой весь Н. Гоголь.

Обними за меня всё близкое твоему сердцу. Мой адрес: на Никитском бульваре в
доме Талызина.

Максимович просит убедительно стихов для альманаха «Киевлянин». Хоть двух
строчек.

ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ ОКОНЧАНИЯ ПИСЬМА К В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Сделай с библией то же, что с евангелием: всякое утро переводи по главе, и
древняя Палестина, верно, предстанет тебе, как живая, еще прежде, чем доберешься
до половины библии.

Друг, не гневайся, если После этого зачеркнуты начатые фразы: «не в силах тебе»,
«не сказал больше», «я не доставил» сказанного мною для тебя мало. В подлиннике:
много я хотел сказать много – видит бог! Я хотел бы далее начато: как неясен
бессильный подать тебе братски руку и быть тебе хоть на полпути вожатым. быть
твоим вожатым Но вижу, что вожатый один и что к нему прямо нужно обратиться. Он
же и приведет.

Обнимаю тебя всею душою и всех милых твоему сердцу обнимаю также. Не забывай
меня. И...

Ничего Ничего не скажу тебе о II части «Одиссеи», далее начато: скажу, трудно
сказать что-нибудь против того право, не знаю, что сказать тебе, что сказать
тебе о том, что совершенно. Я уже всё сказал сказавши в первом письме, что за
нее благодарят все, у кого еще бьется эстетическое чувство. Я всё сказал сказал
в нем о труде, который есть совершенство и в котором всё приведено в согласие и
стройность. далее начато: Ничего другого нам сказать, как только прекрасно,
ничего, как только? Ничего не говорят. не говорят, кроме прекрасно. Просто одно
Прекрасно, да и только! Если бы одна какая-нибудь часть выступала сильнее другой
и была обработана лучше, чем третья, далее начато: тогда бы на что-нибудь перед
другой, тогда бы еще другое дело. Но когда всё обработано с равной любовью,
далее начато: что когда и то, и другое, и третье хорошо, что тут говорить? далее
начато: к тому же Все похвалы обращаются идут к Гомеру. Переводчик поступил так,
что его не видишь. Переводчика не видишь как-то Он превратился в такое
прозрачное стекло, что кажется нет стекла. далее было: вот и всё. А потому и
нечего говорить о переводе. А что Во II томе видно это еще ощущительнее, чем
еще более, чем в первом. Это ты знаешь и сам.

Всею душой и мыслью обнимаю тебя. Да поможет тебе творец всего прекрасного в
душах наших!

Твой весь.

М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ

28 февраля 1850. Москва

Как вы доехали? Как нашли всё по приезде вашем во Ржев? О вас нет никаких
известий, и граф Александр Петрович, и я, и все ваши вам близкие о вас
беспокоятся. Дайте нам о себе одну только строчку. Я между тем, по желанию

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
вашему, обратился к Шереметьевой с просьбою о девочке вашей. Она была так добра,
что поехала тот же час хлопотать, и привезла ответ благоприятный: ее можно
поместить, привезя ее в дом Шереметьева к Варваре Сергеевне Шереметьевой.
Впрочем, вот записочка от нее самой; ее здесь же прилагаю. Уведомьте, пришлась
ли по вкусу вашему сыну «Всеобщая история» и не нужно ли вам еще каких книг?
Прощайте, добрейший, близкий сердцу моему Матвей Александрович. Не позабывайте
меня грешного в молитвах ваших.

Вам весь ваш признателный

Николай Гоголь.

В. А. СОЛЛОГУБУ

Четверг, 10 февраля 1849 или 2 марта 1850. Москва.

Завтра, т. е. в пятницу, около 5 часов, граф Толстой ждет вас к блинам. А с ним
вместе и я.

Н. Гоголь.

На обороте: Его сиятельству графу Владимиру Александровичу Соллогубу. Часть
текста с адресом повреждена.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

После 11 марта 1849 или 1850. Москва.

Поздравляю вас от всей души! Весьма рад буду видеть вас завтра, если только вам
свободно. Весь ваш

Н. Г.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметьевой.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

После 19 марта 1849 или 1850. Москва.

Благодарю вас много. Вашим советом постараюсь воспользоваться. Буду молиться,
просить высокого спокойствия душевного, сил на работу и без которого не
двигнется и самая работа, а вы молитесь, чтобы я умел как следует молиться и
жить. Прощайте. Христос с вами!

Искренно признателный вам

Н. Г.

Не оставляйте уведомлять себе.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметьевой.

А. Я. БУЛГАКОВУ

Марта 24 1850. Москва

Несказанно обязан за письмо Жуковского, которое при сем возвращаю с чувствительнейшою благодарностью. Что общий друг наш разгневался на немцев, в том нет ничего удивительного. Но я очень рад, что немецкие стенографические протоколы франкфуртских заседаний подействовали, как он выражается, благодетельно на низшие регионы его телесного состава и на п... к.... От этого у него голова становится обыкновенно светлей, и мы можем ожидать из нее выхода еще многоного добра.

Ваш весь Н. Гоголь.

М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ

1850 г. Марта 24. Москва

Медлил отсылкою к вам книг по той причине, что нигде не нашел еврейской грамматики на русском или латинском языке. Решился наконец взять на немецком, хоть, может быть, этот язык вам и не так знаком. Впрочем, мне показалось, что в лексиконе есть почти все грамматические принадлежности и объяснения. Если же нет, то вы меня уведомьте; я могу послать в Петербург, куда я уже и послал за грамматикой еврейской, некогда изданной Павским, которой здесь в Москве нигде не отыскалось. Искренно и от всей души желаю я вам успехов в священном языке, утешаю себя мыслию, что, отыскивая какое-нибудь слово в лексиконе, вы помолитесь и обо мне, грешном, чтобы бог спас мою душу, несмотря на всю мою леность в делах спасения. Несказанно благодарю вас за уведомления о себе и о домашних. Не переставайте хотя изредка давать о себе весть. Граф и графиня посылают вам поклон.

Весь ваш Н. Гоголь.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

Март 29 1850. Москва

На твое письмо не отвечал в ожиданье лучшего расположения духа. С нового года напали на меня всякого рода недуги. Всё болею и болею; климат допекает; куды убежать от него, еще не знаю; пока не решился ни на что. Рад, что ты здоров и твое семейство также. По-настоящему следует позабывать свою хандру, когда видишь, что друзья и близкие еще, слава богу, здравствуют. Впрочем, и то сказать: надобно знать честь. Мы с тобой, слава богу, перешли сорок лет и во всё это время ничего не знали, кроме хорошего, тогда как иных вся жизнь – одно страдание. Да будет же прежде всего на устах наших благодарность. Болезни приостановили мои занятия «Мертвыми душами», которые пошли было хорошо. Может быть, болезнь, а может быть, и то, что как поглядишь, какие глупые настают читатели, какие бесполковые ценители, какое отсутствие вкуса... просто не подымается руки. Странное дело, хоть и знаешь, что труд твой не для какого-нибудь переходного современной минуты, Так в подлиннике. а все-таки современное неустройство отнимает нужное для него спокойствие. Уведоми меня о себе. Всё же и в твоей жизни, как дни ее, по-видимому, ни похожи один на другой, случится что-нибудь не ежедневное: или прочтется что-нибудь, или услышится, или само собой, как подарок с неба, почувствуется такая минута, что хотел бы благодарить за нее долго и быть вечно свежим и новым в своей благодарности. Адресуй по-прежнему: в дом Талызина на Никитском бульваре. Супругу и деток обними.

Твой весь Н. Гоголь.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Март 1850. Москва.

В дополненье к письму моему о местностях Палестины, означенованных стопами спасителя, посылаю тебе при сем прилагаемую замечательную книжку: книгу «Иисус Христос на Голгофе». Автор ее скрыл свое имя, не скрывши только того, что он много перечел по этому предмету и еще более, может быть, перечувствовал. От души буду рад, если книжка придется по душе. Всё в Москве тебе кланяется.

Твой весь Н. Г.

На обороте: Василию Андреевичу Жуковскому.

Е. В. ГОГОЛЬ

Март–апрель 1850. Москва.

Хоть ты и пишешь, милая сестра Елисавета, что у тебя, куча занятий, но все-таки будет недурно, если ты сверх этой кучи возьмешь на себя хоть одну грядочку и сама своими руками разведешь для меня хоть репы на соус. Далее начато: Все-таки недурно Ты жалуешься, что тебя никто не любит, но какое нам дело, любит ли нас кто или не любит? Наше дело: любим ли мы? Умеем ли мы любить? А платит ли нам кто за любовь любовью; это не наше дело, за это взывает бог, наше дело любить. Только мне кажется, далее начато: если бы ты точно кого любовь всегда взаимна. Если только мы постараемся делать что-нибудь угодное и приятное тому, кого любим, ничего от него не требуя, ничего не прося в награду, то наконец полюбит и он нас. Стало быть, размысли об этом, моя добрая и временами весьма неглупая сестра, не в тебе ли самой причина. Над собой нужно бодрствовать ежеминутно. Надо стараться всех любить, а не то в сердце явится такая сухость, такая черствость, такое озлобление, что потом хоть бы и хотел кого полюбить, но уже не допустит к тому сухость черствая, поселившаяся в сердце и не дающая места в нем для любви. И натура наша сделается только раздражительная, но не любящая. Брату твоей доброй подруги – будущему архитектору – книгу с рисунками церквей пришлю. Я не забыл.

Твой Н. Г.

Насчет помещенья Эмилии, кажется, нет никакой надежды. На что, признаюсь, не очень горюю. Общественные женские наши женские заведенья вообще дурны, а теперь стали еще хуже. Тому, что всего нужней, везде учат плохо. Вижу и удостоверяюсь всё более, что женщина воспитывается только в семье.

На обороте: Елисавете Васильевне.

А. М. МАРКОВИЧУ

Апрель 1849 или 1850. Москва.

Христос воскрес!

Обнимаю вас крепко и поздравляю, а порученья не исполнил. Во-первых, потому, что домой возвратился поздно ввечеру и доселе не выдался ни с кем из приятелей, посредством которого можно было достать билет. Ни с кем из нынешних театральных служащих я не в сношении. Через Щепкина я мог доставать билет в его бенефис.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Очень жалко, что не могу на этот раз прислужиться. Прощайте. Впрочем, надеюсь
если не сегодня, так завтра с вами повидаться.

Весь ваш Н. Г.

На конверте: Александру Михайловичу Маркевичу.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

Апрель 1849 или 1850. Москва

Воистину воскрес!

Благодарю вас много за память обо мне, за молитвы и за поздравление.

Н. Г.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметевой.

М. И. ГОГОЛЬ

Апрель 1850. Москва.

Христос воскрес!

Поздравляю вас, почтеннейшая и многолюбимая матушка, с радостнейшим для всех нас
праздником! Письма, и ваше и сестер, получил. Посылок, пожалуста, никаких не
присылайте. Варенья и в Москве довольно. Вместо того, посылаю вам семян для
огорода и конфетков. далее начато: Анне Васильевне Тут же и книжка с полным
наставлением, как обходиться с посевом всякой зелени и кореньев. Анне Васильевне
и Николаю Павловичу поручаю особенно заняться этою частью. Бог да хранит вас!
Будьте здоровы!

Ваш сын Н. Г.

А. А. ИВАНОВУ

Москва. 1850. Апрель

Христос воскресе!

Что вы, бесценный, добрый Александр Андреевич, позабыли меня вовсе? Вот уже
скоро год, как я не имею о вас ни слуху, ни духу. На последнее мое письмо вы не
отвечали. Может быть, оно не дошло к вам. Напишите мне далее начато: что слова
два о намерениях ваших, не встретимся ли мы с вами где-нибудь хоть на Востоке,
если вы не располагаете не думаете приехать скоро в Россию. Пронеслись слухи о
вашей картине, что она будто бы совершенно окончена. В таком случае вы ее,
верно, отправите в Петербург, а, может быть, и сами лично поспешите вслед за
нею. Мне будет очень жаль, если как-нибудь с вами разъедусь. Адресуйте ко мне в
Москву или на имя Шевырева в университет, или на квартиру мою в доме Талызина на
Никитском бульваре.

Ваш весь Н. Г.

Моллерау, пожалуста, передайте мой душевный поклон и скажите ему, что я прошу и молю его написать хоть строчку. Уведомьте также о том, спокойно ли теперь в Риме и не мешают ли вам заниматься.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Вторая половина апреля 1850. Москва.

Христос воскрес!

Поздравляю тебя с наступившим радостным днем! От тебя давно нет вести. Последнее письмо было мое. Если ты опять за что-нибудь сердит на меня, то, ради Христа воскресшего, истреби в сердце своем всякое неудовольствие на человека, всё время болевшего, страдавшего много и душевно и телесно и теперь едва только кое-как поднявшегося на ноги. Обнимаю тебя от души вместе со всеми милыми твоему сердцу и еще раз говорю: Христос воскрес! Собирался было ехать к тебе в Петербург кое о чем поговорить, кое-что прочесть из того, что написалось среди болезней и всяких тревог. Но теперь не знаю, как это будет. Дела матери моей и сестер от неурожаев и голодов пришли в такое расстройство, и они сами очутились в такой крайности, что я принужден собрать все, какое у меня еще осталось имущество, и спешить сам к ним на помощь. Потрудись взять из ломбарда последний оставшийся мой билет на 1168 руб. серебром со всеми накопившимися в это время (трех, кажется, лет) процентами и перешли их к Шевыреву. Как только все сколько-нибудь устроится, увидимся, братски обнимемся. Христос посреди нас устроит души наши к радостной встрече. Бог тебя да хранит.

Твой весь Н. Гоголь.

М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ

Конец апреля 1850. Москва.

Христос воскресе!

Благодарю вас, бесценнейший, добрейший Матвей Александрович, за ваше поздравление с светлым праздником. Не сомневаюсь, что если приобрела что-нибудь доброе душа моя, то это вашими молитвами и других угождающих богу подвижников. О, если бы он не оставил меня ни на минуту и сказал бы мне путь мой! Как бы хотелось сердцу поведать славу божию! Но никогда еще не чувствовал так бессилья своего и немощи. Так много есть, о чем сказать, а примешься за перо – не подымается. Жду, как манны, орошающего орошенья свыше, все бы мои силы от него двинулись. Видит бог, ничего бы не хотелось сказать, кроме того, что служит к прославлению его святого имени. Хотелось бы живо, в живых примерах, показать темной моей братии, живущей в мире, играющей жизнью, как игрушкой, что жизнь – не игрушка. И все, кажется, обдумано и готово, но – перо не подымается. Нужной свежести для работы нет. И (не скрою перед вами) это бывает предметом тайных страданий, чем-то вроде креста. Впрочем, может быть, все это происходит от изнуренья телесного, силы физические мои ослабели. Я всю зиму был болен; не уживается с нашим холодным климатом мой холоднокровный, не согревающийся темперамент; ему нужен юг. Думаю опять с богом пуститься в дорогу, в странствие, на Восток, под благодатнейший климат, навеваемый окрестностями святых мест. Дорога всегда действовала на меня освежительно: и на тело и на дух. О, если бы и теперь всемилосердый бог явил надо мною свое безграничное милосердие, столько раз уже явленное надо мною, когда я уже думал, что не воскреснут мои силы, и не было, казалось, возможности физической им воскреснуть! Но силы воскресали, и свежесть появлялась вновь в мою душу. Помолитесь обо мне крепко, крепко, бесценнейший Матвей Александрович, и напишите два словца ваших. Ваш вечно вам признатательный

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru

Н. Гоголь.

М. А. МАКСИМОВИЧУ

Конец апреля 1850. Москва.

Христос воскрес!

Всеконечно, у Аксаковых сегодня. Завтра же мы приглашены с тобой к Погодину.

Твой весь Н. Г.

На обороте: Михаилу Александровичу Максимовичу.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

Май–июнь 1849 или начало мая 1850. Москва.

Слава богу, здоровье кое-как идет. Весьма буду рад вас увидать снова.

Ваш весь Н. Г.

Я пробуду в Москве недолго.

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

После 9 мая 1850. Москва.

Очень жалею, что опять не застал вас дома. Я думал, что вы заглянете навестить больного и по старине провесть денек вместе в погодинском саду, куды я, несмотря на хворость, потащился в надежде обнять всех, привыкших проводить вместе со мной этот день. Но вас и многих других не было. Я еще не уезжаю из Москвы и надеюсь у вас побывать на днях.

Н. Гоголь.

А. С. и У. Г. ДАНИЛЕВСКИМ

14 мая 1850. Москва

Милые друзья мои, я не писал к вам потому, что мне хотелось сказать вам что-нибудь доброе и утешительное, но покуда его не было. Я не писал к вам еще потому, что многое скорбел и страдал как душевно, так и телесно. И до сих пор не выбрался из этого состояния. И далее начато: до сих пор еще не в силах принимаюсь за перо с тем только, чтобы сказать вам, что теперь не в силах писать. Но если будет мне лучше, напишу к вам на будущей неделе.

Весь ваш Н. Гоголь.

Адрес по-прежнему: дом Талызина на Никитском булеваре.

М. И. ГОГОЛЬ

Москва. 1850. Мая 15

Спеша отправить вам посылку с семенами, которую, вероятно, вы уже получили, я позабыл сказать многое насчет вашего дома. Из писем сестер я узнал, что вы все в нем очень зябли в продолжение зимы. Этому горю следует помочь. Дом надобно весь снова запаковать, выщекотурить, а многое и вновь переделать. Разумеется, это можно сделать только при мне, иначе вновь выдет дурно, потому что ни на каких работников нельзя полагаться. Если мне случится ехать в Константинополь, тогда тогда дорогой я могу пробыть с месяц у вас и устроить так, чтобы при мне всё было кончено, а до того времени прошу вас заблаговременно приискывать плотников, щекотурщиков и хороших печников. Отчасти могут вам в этом помочь Тимченковы, которые еще недавно выстроили дом и кое-что, без сомненья, о них знают. Можете также разузнать в Полтаве от строивших дома. Понадобится также лес, сухой, давно срубленный. Как жалко, что строенье бывшей фабрики вами продано в Полтаву: теперь оно было бы весьма кстати. Узнайте, нет ли у кого из соседей готового сруба или амбара из крепких брусьев не совсем старого дерева, которые можно бы приобрести было покупкою, а также хорошего сухого дерева, годного на столярную работу, на двери и проч., потому что многое придется переменить, а другое прибавить. Всё это имейте в виду, а иное можете и купить, с рассрочкой денег до моего приезду, если недорого и случай может быть пропущен далее начато: Думаю, что от, – особенно досок. Обо всем напишите. Желаю вам душевно всякого здоровья и ожидая с нетерпением известия о том, о весне и со как какова началась у вас весна и каковы обещаются урожаи, остаюсь ваш многолюбящий сын

Н. Г.

М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ

Середина мая 1850. Москва.

К вам моя сильная просьба, бесценнейший Матвей Александрович: добрая старушка Надежда Николаевна Шереметьева, которую вы встретили у меня и которая с такой готовностью бросилась исполнить просьбу вашу о помещенье девочки в Шереметьевское заведение, после 74-х лет дней жизни, исполненной добрых дел, скончалась 11-го мая. Она меня любила, как сына, хотя я не сделал ничего, достойного любви ее, и не был к ней даже в половину так внимателен, как она ко мне. Помолитесь о ней, добрейшая душа, и за себя и за меня. Отслужите по ней панихиду и не позабывайте упомянуть ее имя в то время, когда поминаете имена усопших рабов божиих, вами чаще чаше других поминаемых.

Вечно вам признательный и всегда просящий молитв ваших

Н. Гоголь.

Граф Александр Петрович Толстой и графиня вам кланяются.

М. И. ГОГОЛЬ

Москва. 1850, мая 24

Благодарю вас, добрейшая матушка, за поздравление с протекшими именинами. Радуюсь, что вы были в это время в Диканьке, равно как и встрече вашей с добрым нашим губернатором и его племянницей. далее начато: которой передайте Опечалило меня только известие, что через нашу деревню хотят пролагать дорогу. От этого только новые повинности, новые заботы и разврат, присутствующий сопутствующий всегда в деревнях, находящихся при больших дорогах. Всякая проезжая сволочь

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
будет подушать и развращать мужиков, которые, слава богу, до сих пор всё еще
нравственней других. доселе деревенька наша, если заманивала меня, так это
только тем, что она в стороне от большой дороги. Теперь и эта прелест для меня
готовится исчезнуть. Не предавайтесь также мечтам, будто вы от этого выиграете
относительно доходов. Выиграют только торгаши да переторжники, да жиды, да
содержатели кабаков и постоянных дворов, которые настроются вокруг вас во
множестве и с которыми у вас еще заведутся дела по судам, от чего да сохранит
вас бог! Употребите лучше все меры и все силы, чтобы всё то, что вы рассказали
губернатору о пользе дороги через нашу деревню, не имело бы никакого действия и
осталось бы так только в предположении. Поверьте, что если б даже и случилось
выиграть какой-нибудь рубль лишний, то он не выкупит разврата крестьян, за
которых вы дадите ответ богу. Лучше думать о том, что есть, хранить то, что
есть, благодарить бога за то, чем пользуемся; тогда и взгляд наш будет яснее, и
душа покойнее, и хозяйство нечувствительно станет идти лучше. А все эти
предположенья в будущем только распаляют воображенье, повергают человека в
состоянье вечной тревоги и потемняют взгляд на вещи. Ради Христа, берегите себя
от этого тревожно-нервического состояния, которого начала у вас уже есть! Вот и
теперь, уже при одной вести о посылке, вам пришла мысль, что это непременно
должно быть продолжение моего сочинения, и вы уже поспешили предаться радости, и
всё позабыто, — позабыто, что я еще в прежнем письме обещал сестрам прислать
огородных семян. Лучше, лучше нам вместо всех этих обманчивых ожиданий, молиться
с тихой покорностью и полной доверенностью богу, не покидая своей обычной
поденной работы. «Довлеет дню злоба его». далее начато: а я покамест еще этого
ни вам, ни мне да и никому не позабывать.

Вы ничего мне не сказали насчет того, какова у вас стоит погода и каковы удались
посевы. Это важно тем более, что опасаются во многих местах засухи. Уведомьте
также, сколько в этом году высажено всякого хлеба и на каких местах. В прежнем
письме моем, которое, вероятно, вы уже получили, я говорил о потребности
перестроить или, лучше, перечинить и обконопатить потеплее теплее дом, чтобы вам
можно было в нем проводить сноснее зиму. Я просил для этого иметь в виду
сколько-нибудь хорошо высущенного дерева и даже приискать у кого-нибудь из
соседей готовый сруб или амбар (с сырого леса никак нельзя) и чтобы сруб состоял
из бревен крепкого и прочного леса. На заплату я кое-что сберег, и если он не
дорог, то станет денег и печникам и даже штукатурщикам, потому что некоторые
комнатки нужно будет, для большей теплоты, внутри выштукатурить. Я просил в том
же письме хлопотать о печниках заранее, забрав сведение от тех, которые недавно
строили себе дома и были своими печниками довольны, также позаботиться и об
отыскании плотников, которые, сверх уменья мостить полы, умели бы плотно делать
двери и всякую столярную работу около дома. Ожидаю обо всем этом от вас
уведомления.

Слухи насчет болезни бывшего харьковского архиерея, о которых вы пишете, ложны.
Он недавно проехал через Москву, и хотя я его не видал, но те, которые его
видели, говорят, что он здоров совершенно.

Что же до дурных слухов вообще, то они распространяются теперь обо всех в таком
изобилии, как никогда доселе. Теперь время лжей и слухов. И о себе я слышал
такие слухи, что волосы могли бы подняться на голове, если б я ими покрепче
смущался, — в чем отчасти я виноват: зачем приехал на родину! Мне больше, чем
кому-либо другому, нужно было держаться вдали.

Андрею Андреевичу, когда будете писать, передайте мой душевный, искренний поклон
и скажите ему, что нет дня, в который бы я не вспоминал о нем. дай бог, чтоб
дела его устроились хорошо. За его доброту к вам и ко мне я много ему
признателен.

Прощайте. Бог да сохранит вас.

Ваш всегда признательный сын Н. Г.

С. М. СОЛЛОГУБ

Москва. 29 мая 1850

Слышал и скорбел о посетившем вас горе, добрый друг София Михайловна! Тот же час принялся за перо, написал всё, что могла сказать на ту пору утешительного вам душа моя. Но письмо замедлило на почту. Я его распечатал, прочел и не отправил. Всё показалось мне в нем слабым и неуместным. О, как ничтожны все утешенья наши в тех сильных скорбях, где утешителем может быть только один утолитель всех скорбей Христос! О, да воздаст он стократно за вашу скорбь высокими внутренними утешениями! Я слышу, что отложили свой план ехать в Москву; как ни жалко мне не увидать вас в этот раз, но если Ревель вам лучше и полезней, пусть будет, как богу угодно. Там, по крайней мере, вы встретите Жуковского. Его присутствие, верно, вам будет теперь усаждательней, чем когда-либо прежде. Эта и прежде прекрасная душа глубоко созрела в последнее время от скорбей и тех тяжелых испытаний, которыми угодно было богу еще более просветлять ее и возносить к небу. Что касается до меня, то, прохворавши всю зиму в Москве, должен снова пуститься в отдаленное странствие, чтобы провести предстоящую зиму на каких-нибудь островах Средиземного моря, хоть еще и не знаю, какими средствами и как совершу это путешествие. Не для здоровья, но единственно для доставления себе возможности работать и кончить свою работу. Вижу только, что в России мне не следовало заживаться. Нужно было, не останавливаясь нигде долго, всю ее проехать вдоль и поперек, а зиму провести вдали ее на юге, где голова моя способнее к работе. Тогда бы и дорога мне сделала пользу и временный отдых на теплой станции. О, как опасно тому, чей удел быть на земле странником, остановиться где-нибудь далее следуемого, сколько искушений, сколько соблазнов воздвигнется вокруг него! Как вдруг готова ворваться в сердце его мерзость запустенья! Мерзость запустенья на том месте, которое должно быть свято! Друг добрый и скорбящий София Михайловна, ваше сердце сберегает сам спаситель от всего, что может опозорить его святыню, помолитесь обо мне, не забывающем никого из вас в моих грешных молитвах. Всех перецелуйте. Бог да сохранит вас. Если успеете, напишите хоть две строчки в ответ, адресуя в Москву в дом Талызина на Никитском булеваре.

Ваш весь Н. Г.

Еще раз прошу вас перецеловать ручки обеих графинь, Луизы Карловны и Анны Михайловны.

А. О. АРМФЕЛЬДУ

Май–начало июня 1850. Москва.

Многочтимый Александр Осипович.

Так как благодеяний о помещении сиротки не совершилось, то благоволите облагодетельствовать присылкой метрического о ней свидетельства. Хоть это и неважное, положим, благодеяние, но всё же без него девочка, что корнет без эполет – то есть не только без доброго имени, но даже вовсе без имени.

Ваш весь Н. Г.

К. С. АКСАКОВУ

Конец мая–начало июня 1850. Москва.

Оказывается, что вам очень недурно съездить в Киев, Константин Сергеевич: во-первых, чтобы не обидеть первопрестольной столицы, а во-вторых, чтобы,

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru задавши работу ногам, освежить голову, совершая путь пополам с подседом на телегу и с напуском с примесью пехондачка, совокупно с нами, оттопавши совершив дорогу до Глухова, откуда Киев уже под носом, и потом, по благоусмотрению, можете устроить возврат.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

Весна 1850. Москва.

Мне казалось необходимым написать вам хотя часть моей исповеди. Принимаясь писать ее, я молил бога только о том, чтобы сказать в ней одну сущую правду. Писал, поправлял, марал, вновь начинал писать и увидел, что нужно изорвать написанное. Нужна ли вам, точно, моя исповедь? Вы взглянете, может быть, холодно на то, что лежит у самого сердца моего, или же с иной точки, и тогда может всё показаться в другом виде, и что писано было затем, чтобы объяснить дело, может только потемнить его. Совершенно откровенная исповедь должна принадлежать богу. Скажу вам из этой исповеди одно только то: я много выстрадался с тех пор, как расстался с вами в Петербурге. Изныл весь душой, и состоянье мое так было тяжело, так тяжело, как я не умею вам сказать. Оно было еще тяжелее оттого, что мне некому было его объяснить, не у кого было испросить совета или участия. Ближайшему другу я не мог его поверить, потому что сюда замешались отношения к вашему семейству; всё же, что относится до вашего дома, для меня святыня. Грех вам, если вы станете продолжать сердиться на меня за то, что я окружил вас мутными облаками недоразумений. Тут было что-то чудное, и как оно случилось, я до сих пор не умею вам объяснить. Думаю, всё случилось оттого, что мы еще не довольно друг друга узнали и на многое очень важное взглянули легко, по крайней мере гораздо легче, чем следовало. Вы бы все меня лучше узнали, если бы случилось нам прожить подольше где-нибудь вместе не праздно, но за делом. Зачем, в самом деле, не поживете вы в подмосковной вашей деревне? Вы уже более двадцати лет не видали ваших крестьян. Будто это безделица: они нас кормят, называя нас же своими кормильцами, а нам некогда даже через двадцать лет взглянуть на них! Я бы к вам приехал также. Мы бы все вместе принялись дружно хозяйствовать и заботиться о них, а не о себе. Право, это было бы хорошо и для здоровья и веселей, чем обыкновенная бессмысленная жизнь на дачах. А если бы при этом каждый помолился покрепче богу о том, чтобы помог ему исполнить долг свой, — мы бы, верно, все стали через несколько времени в такие отношения друг к другу, в каких следует нам быть. Тогда бы и мне и вам оказалось видно и ясно, чем я должен быть относительно вас. Чем-нибудь да должен же я быть относительно вас: бог не даром сталкивает так чудно людей. Может быть, я должен быть не что другое в отношении вас, как верный пес, обязанный беречь в каком-нибудь углу имущество господина своего. Не сердитесь же; вы видите, что отношения наши хотя и возмутились на время каким-то налетным возмущеньем, но всё же они не таковы, чтобы глядеть на меня как на чужого человека, от которого должны вы таить даже и то, что в минуты огорченья хотело бы выговорить оскорбленное сердце. Бог да хранит вас. Прощайте. Обнимите крепко всех ваших.

Весь ваш до гроба Н. Гоголь.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

Москва. Июня 5 1850

Ты Вы ни полсловечка не отвечал отвечаю мне, милый друг, друг мой на мое письмо, ни ты, ни Ульяна Григорьевна. ни ты, Александр, ни вы, Ульяна Григорьевна что с вами, здоровы ли вы? Я всё время болел и вследствие того провел праздно всю зиму, что для меня во всех отношениях, было тяжело и действовало обратно дурно на расстройство моего здоровья. Опять перебираюсь на юг, на Средиземное море. Дорогу хочу сделать на Малороссию, чтобы еще повидаться с вами. Так как экипажем заводиться скучно, да и расходно по моим обстоятельствам, то я присоединился к Максимовичу, который едет отсюда в Глухов. Итак, если ты будешь в это время близ Глухова, то сделаешь большое одолжение, и себя показавши и меня подвезши. Если же тебя не случится, то обращусь с просьбой к Александру Михайловичу Маркевичу, авось у него случится какая-нибудь бричонка,

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
а не то пущусь и «на телеграфе», по выраженью одного станционного смотрителя, не
обращая вниманья на хворые бока. Прощай. Обнимаю тебя от всей души в ожидании
обнять лично. Около 20 июня, я полагаю, мы уже будем в Глухове.

Твой весь Н. Г.

А. С. СТУРДЗЕ

Июня 6 1850. Москва

Уже прошло два года с тех пор, как увидались мы в Одессе. Мы виделись мало: час с небольшим. Только прошлись по саду вашего приютного обиталища да едва тронулись в разговоре таких вопросов, о которых хотелось бы душе поговорить подольше. Но, несмотря на то, этот час и эта прогулка остались в памяти моей, как что-то очень отрадное. Может быть, бог приведет меня опять к вам в Одессу. Мои увеличившиеся недуги заставляют меня выехать снова куда-нибудь на юг. Не столько побуждает меня к этому самое сохранение здоровья, сколько желание найти место, где бы можно мне кончить свою работу. Голове потребно то благодатное освежение, какое бывает у меня только под небом благородственного климата. Нынешнюю зиму я провел в Москве очень дурно и ничего не мог работать. Благодаря Благодарю милосердье божье, конечно, и это дурное время было не без пользы, но как подумаю о том усыпеньи и бездействии сил, в какие повергают меня холод и стужа зимы, – заранее пробирает пробирает меня страх. Хочу провести три зимние месяца в подлиннике: месяцы где-нибудь в Греции или на островах Средиземного моря. Где именно – на счет этот решусь, может быть, только в Одессе. Очень меня обрадуете, если несколькими строчками уведомите о себе, адресуя адресуя ко мне в Полтаву, в деревню моей матери Василевку, где я пробуду, может быть, июль и весь август. Передайте душевный мой поклон Титовым. Если Репнины там, то очень меня обяжете, уведомивши словечком о них и передавши им также мой душевный поклон.

Весь ваш, искренно вас уважающий и любящий много

Н. Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

Москва. 9 июня 1850

Письмо ваше от 27 мая получил. Говоря о переделке в доме, я вовсе не разумел совершенную его перестройку, но поправку, переборку полов, перестановку некоторых печей, перемену некоторых дверей и окон, иначе устроить сени и, наконец, щекотурку внутри. Словом, устроить дом так, чтобы вы могли в нем провести эту зиму. Хочу произвести работу при себе потому, что женщины многих вещей никак не сумеют сделать и вовсе не знают, как быть с мастеровыми и чего именно от них требовать. Для этого я занял не какую-либо большую сумму, но рублей 700, не больше, ассигнациями. Можно даже употребить и до 1000. Хотелось мне именно в это лето, потому что есть у меня теперь свободное время. В будущем же году у меня будет много забот других. Если я пробуду в Малороссии, то дня три, не больше, проездом; стало быть, тогда мне не до того. Поэтому прошу похлопотать только о том, чтобы достать наемных плотников и человека два столяра, для того, чтобы в скорости произвести все те вещи внутри дома, которые я придумал для теплоты, да щекотурщиков. Расспросите только о том, как можно достать досок. Если не иначе, как из Кременчуга, то что будут стоить двухвершковые и полуторные с доставкою продающего, ибо нам высыпать своих людей нельзя. Всё нужно сделать руками наемными. Хороший печник будет также нужен, но нужно, чтобы он был испытанный и действительно хороший печник. Конечно, было бы недурно необходимо переделать хотя с одной стороны (с северной) пристройку далее начато: лишней комнаты за теплую стену, но так, чтобы вышла лишняя комната: от этой было бы потеплей всему дому. Впрочем, это еще посмотрим при свидании, которое, если бог даст, может быть в начале будущего месяца, то есть июля.

С. Т. АКСАКОВУ

13 июня 1850. Москва.

Мы с Максимовичем заедем к вам на дороге, то есть перед самым отъездом, часу во втором, стало быть, во время вашего завтрака, чтобы и самим у вас чего-нибудь перехватить: одного блюда, не больше, или котлет, или, пожалуй, вареников, и запить бульонцем.

Весь ваш Н. Г.

ИЕРОМОНАХУ ФИЛАРЕТУ

19 июня 1850. Село долбино.

Ради самого Христа, молитесь обо мне, отец филарет. Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден; дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи божией не может двинуться мое перо, и силы мои не только ничтожны, но их нет без освеженья свыше. Говорю вам об этом неложно. Ради Христа, обо мне молитесь. Покажите эту записочку мою отцу игумену и умоляйте его вознести свои мольбы обо мне грешном, чтобы удостоил бог меня недостойного поведать славу имени его, не посмотря на то, что я всех грешнейший и недостойнейший. Он силен, милосердый, сделать всё и меня, черного, как уголь, убелить и возвести до той чистоты, до которой должен достигнуть писатель, дерзающий говорить о святом и прекрасном. Ради самого Христа, молитесь. Мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейского дрязгу и |на всяком месте своего странствия быть в Оптинской пустыне. Бог да воздаст вам всем сторицею за ваше добре дело.

Ваш всею душою

Николай Гоголь.

На обороте: Отцу филарету, иеромонаху в Оптинской пустыне.

А. М. МАРКОВИЧУ

25 июня 1850. Глухов

Уведомляю вас, почтеннейший Александр Михайлович, что я прибыл в Глухов благополучно и сгораю нетерпением вас видеть, но так как товарищ мой, с которым я приехал, не имеет часу времени и торопится отправиться далее, то я вас прошу прислать за мною какой-нибудь экипаж, вроде брички для помещения меня вместе с двумя небольшими чемоданами. В ожиданье чего остаюсь ваш весь

искренно вам преданный

Н. Гоголь.

На обороте: Его высокородию Александру Михайловичу Маркевичу.

Н. Гоголь.

В Сварков.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

26–30 июня 1850. Дубровное.

Сейчас приехал в Дубровное. Сижу у окна и любуюсь видом на деревню соседа, напрасно желая хотя сим вознаградить себя за неудачный приезд в пустой дом. А подъезжая, так живо воображалась встреча, и вот наместо распахнувшихся дверей и объятий – глиняная стена и закрытые окна, запоры и затворы на всем. Пожалуста, пришли за мной экипаж и лошадей в Березовую-Луку или попроси у Трахимовского. Я совершенно на безэкипажьи. до тебя доехал, взявш бричку и лошадей у дяди твоего Александра Михайловича. Устрой так, чтобы, если можно, отправить лошадей вслед за подателем, так чтобы я мог из Березовой-Луки выехать утром же. Твой, весь сгорающий нетерпением тебя видеть

Н. Гоголь.

Передай душевный поклон поцелуй и заочный поцелуй Ульяне Григорьевне и деткам. Трахимовским также.

А. М. МАРКОВИЧУ

27–30 июня 1850. Березовая-Лука.

Очень вас благодарю за бричку, коней и доброту души. Александра Семеновича не застал в Дубровной, он с супругой в Сорочинцах, а потому, переночевавши, я решился сделать на ваших лошадях еще двадцать верст до места, откуда из Сорочинец должна прибыть подстава. Еще раз приношу благодарность. Люди, лошади и сама бричка вели себя в исправности. Душевный поклон милым и добрым вашим племянницам.

Ваш весь Н. Г.

Е. В. ГОГОЛЬ

30 июня 1850. Сорочинцы.

Я приехал в Сорочинцы благополучно, но в чужом экипаже. Пожалуста, не сказывая матушке, вели заложить коляску и завтра же, т. е. в субботу, пораньше, прежде чем станет светать, часа в 3, выехать за мною, так чтобы в часов в 7 она была здесь. Матушке можешь сказать на другой день поутру: иначе она не будет спать...

А. О. СМИРНОВОЙ

деревня Василевка. Июля 10 1850

два бесценные письмеца ваши, добрый друг Александра Осиповна, получил. Благодарю вас от всей души и от всего сердца за всё. Советами воспользуюсь. Всё приму в соображение и примусь за написанье такого письма, которое бы только прямо изобразило открыто и чистосердечно мое положенье и ничего больше. Я думаю, что если только Богу угодно, то всё обделается само собою. Вы сами помните, что я вовсе не просил о том пенсиионе, который мне был пожалован неожиданно на время пребыванья моего за границей для лечения. Я даже вам не заикался об этом. Но Богу угодно было, чтобы вам в одно время вдруг сгрустнулось о моем положении. Он дал вам на то время силу и настойчивость, государю милостивое вниманье ко мне,

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
министру просвещенья участь и желанье спешествовать – и всё обделалось.
Недели через две вы получите от меня то, что внушил мне мой рассудок и сердце. А
их да вразумит бог! О сем молитесь и вы. А насчет чортника и всяких лезущих в
голову посторонних гостей скажу вам: просто плюньте на них! Скажите: мне
некогда, у меня есть теперь много забот поважнее, в том числе, положим, и дело
Гоголя. А еще лучше скажите: у меня есть другие, высшие обязанности: мне нужно
благодарить бога за то, что сохранил меня до сих пор, что я еще живу на свете,
что жизнь моя еще нужна для добрых дел. Некогда, некогда, сатана, убрайся так в
подлиннике. себе в свою преисподнюю! Он, И он скотина, убежит, поджавши хвост.
Прощайте до первой оказии. Бог да хранит вас!

Ваш весь Н. Г.

А. П. ТОЛСТОМУ

Село Васильевка, близ Полтавы. 10 июля 1850

Спешу написать вам несколько строк. Ехал я, слава богу, благополучно. Небольшие
кое-какие неудобства не стоят того, чтобы быть замеченными посреди неисчислимого
множества благоденствий, которыми дождит на нас неустающий в даяниях бог. И,
право, мне кажется, человеку не о чем помышлять, как только о том, чтобы
превратиться в благодарственный гимн и в неумолкаемую песнь ему. Я заезжал на
дороге в Оптинскую пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой
Афонской горе не лучше. Благодать видимо там присутствует. Это слышится в самом
наружном служении, хотя и не можем объяснить себе, почему. Нигде я не видел
таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует всё небесное. Я не
расспрашивал, кто из них как живет: их лица сказывали сами всё. Самые служки
меня поразили светлой ласковостью ангелов, лучезарной простотой обхожденья;
самые работники в монастыре, самые крестьяне и жители окрестностей. За несколько
верст, подъезжая к обители, уже слышишь ее благоухание: всё становится
приветливее, поклоны ниже и участья к человеку больше. Вы постараитесь побывать
в этой обители; не позабудьте также заглянуть в Малом Ярославце, который вам
будет по дороге, к тамошнему игумену, который родной брат оптинскому игумену и
славится также своей жизнью; третий их брат игуменом Соровской обители и тоже,
говорят, очень достойный настоятель. Я уверен, что эта обитель оставит у вас,
как и у меня, одно из приятнейших воспоминаний.

Если вы еще в Петербурге, то передайте мои душевые поклоны Софье Петровне и
обеим вашим искренно мной любимым племянницам Наталье и Марье Владимировнам
Апраксиным. Дай бог, чтобы они все были здоровы и преуспевали во всем, что
возвышает душу человека. Скурудину и Бурачку передайте также мои заочные
поклоны. Не позабудьте и преосвященного Евсевия, которого, вероятно, вы иногда
видаете, и напишите хоть строчку, в каком бы расположении духа она ни
написалась.

Спросите у Натальи или Марии Владимировны, не оставил ли я у них в Неаполе трех
тетрадей с видами Палестины. Если на случай они в Петербурге, то я бы попросил
их переслать мне в Полтаву.

На днях буду писать к вам, может быть, больше и обстоятельней, а особливо если
получу что-нибудь от вас.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

деревня Васильевка. Июля 10 1850

Я прибыл в деревню матушки довольно благополучно и спешу к тебе написать
несколько строчек, добрый друг. Зейдлицкие порошки получил, хотя слуга твой не
догадался заключить их в деревянный ящик, без чего всё, как известно, на почте
истирается в прах, что случилось и с ними. Впрочем, покуда, слава богу, нет в

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
них надобности. Недели через две после этого письма предстанет к тебе племянник
мой Трушковский. Он, узнав, как теперь трудно приютиться, желает идти по
восточным языкам и ехать в Казань. Поэтому прошу тебя убедительно снабдить его
письмами к тамошним профессорам. Если узнаешь, что кто-нибудь из московских
в сношении с ними, то проси его. Может быть, Погодин замолвит также от себя.
Словом, употреби свою обычную благодетельную доброту к открытию ему пути и не
оставь в то же время напутственным своим советом, как ему быть в студентском
бытии. С ним напишу тебе больше, а теперь обнимаю тебя заочно всею силою души.

Твой весь Н. Г.

Софии Борисовне душевный братский поклон. Всех целую заочно.

П. А. ГРИГОРОВУ

1850. Июля 18. Васильевка

Ваша близкая к небесам пустыня и радужный прием ваш оставили в душе моей самое
благодатное воспоминанье. Окажите, почтеннейший и добрейший отец Петр, такое же
расположение и к подателю письма сего, юноше, слава богу, еще самых добрых
наклонностей, племяннику моему, едущему оканчивать ученье свое по части
восточных языков в Казанский университет, Николаю Павловичу Трушковскому.
Покажите ему все в вашей обители. Мне бы хотелось, чтобы она и в нем оставила
самое благодатное воспоминанье, чтобы он помнил, что есть берег, куда можно
пристать и быть безопасну от самых сильных кораблекрушений. Передайте от меня
радужный поклон всей братии, начиная с достойнейшего отца игумена, и попросите
молиться их всех о мне.

Весь ваш Н. Гоголь.

Прилагаю при сем 10 р. серебром на молебствие о благополучном моем путешествии и
о благополучном окончании сочинения моего, на истинную пользу другим и на
спасенье собственной души моей. Об этом попрошу вас попросить всех преуспевших в
молитвах и в особенности отца игумена.

А. О. СМИРНОВОЙ

Июль 18 1850. деревня Василевка близ Полтавы

Посылаю вам все, что мог придумать. Письмо это доставит вам племянник мой
Трушковский, юноша, едущий в Казанский университет продолжать там свое учение по
факультету восточных языков. Дело вот в чем: я нахожусь в каком-то нравственном
бессилии. Пробовал писать к наследнику, но так стало совестно всё просить и
просить, всё забирать вперед, не сделавши ничего, что перо не поднялось. Писать
официальную просьбу к министру о паспорте с присоединением свидетельства от
врачебной управы мне неприлично: я человек не служащий и этим формам не подлежу.
Притом же я в России все-таки известнее какого-нибудь инспектора врачебной
управы, которого подкупное свидетельство большему подвержено сомнению, чем мое
собственное. Дело в том, что так как уже самое положение мое несколько
необыкновенно и не похоже на положенье других людей, то и поступить я должен
несколько необыкновенно. Я написал письмо к министру внутренних дел. Если же
найдете его более приличным министру просвещения, то пусть оно будет к министру
просвещения. Если ж Орлову, то пусть будет к Орлову. Я выставил только
сиятельство. Они все трое сиятельные. Если ж никому неайдет оно в особенности, то
дайте каждому из них по копии, сказавши, что Гоголь, совершенно не зная, к кому
из них обратиться, по причине несколько необыкновенной своей просьбы, выходящей
из предела установленных порядков, заботился только о том, чтобы изложить
обстоятельно и откровенно свое положение, в уверенности, что они как истинно
благородной души люди, истинные сыны отчизны любящие добро земли своей, не
откажут в покровительстве тому, который также от всей души хотел бы принести ей

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
дань и от себя по мере небольших сил своих. А, может быть, недурно будет и так:
посоветовавшись прежде с графом Толстым, с которым вы обо мне уже совещались
(которому передайте душевный поклон), обратить это письмо к наследнику, сделавши
такой приступ: «Ваше императорское высочество! Все мне присоветовали принять
смелость обратиться прямо к вам и чистосердечно изъяснить свое положение», и
вслед за этим всё как есть письмо, выбросивши только то, что неприлично. Я
думаю, что редакцию этого дела может по расположению своему ко мне сделать
наилучшим образом граф Толстой. Я же не знаю ни полного титла, ни форменных
условий письма, а что самое главное, ничего не могу написать начисто, ошибаюсь
беспрестанно, пропускаю, не дописываю, приписываю, надписываю сверху, испорчу
десть бумаги и ничего не сделаю. Я думаю, что мое дело только изобразить свое
положение и сделать его очевидным другом. Остальное всё управит бог. Он, верно,
внушит и вам, и Толстому, и всякому другому, с кем бы вы нашли нужным обо мне
посоветоваться, именно то, что нужно. Тогда я могу написать от себя небольшую
вроде официальной просьбу только к министру внутренних дел. Впрочем, уведомьте
меня об этом двумя-тремя небольшими не больше строчками. Ваш весь

всегда вас любящий всею силою души своей

Н. Гоголь.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

18 июля 1850. Васильевка

Податель этого письма – племянник мой Николай Трушковский, о котором я уже тебе
писал в прошлом письме моем. Снабди его, добрый друг, какими можешь
рекомендациями и письмами к казанским профессорам по факультету восточных
языков, к которым он возымел охоту. Этим ты сделаешь истинное добро, потому что
юноша чистой души и самых хороших расположений. Я еще сижу в Малороссии и
подымаюсь на юг не раньше, как через полтора месяца: жары невыносимые. Нет сил
ни работать, ни даже лечиться; одно, что решаюсь употреблять, – это купанье. Я
думаю, ты им также пользуешься. Засухи непомерны, но при всем том бог спас от
полного неурожая. Чьими-то святыми молитвами вызванный дождь вдруг пошел назад
тому недели полторы, продолжался всего полдня и спас весь край. Нужно жить с
землей и видеть здесь на месте, как достается хлеб, чтобы выучиться хоть
сколько-нибудь благодарить бога. Но боже, боже! как мало мы достойны
благоденствий, как скоро привыкаешь ко всему, как склонен к неблагодарной
бесчувственности бедный человек. Как нечувствительно он отдаляется, от бога даже
и тогда, когда еще думает, будто с ним. О, храни нас святая сила! и тебя, и
меня, и весь дом твой! Передай душевный братский поклон Софии Борисовне и обними
за меня деток.

Твой весь Н. Г.

Е. П. РЕПНИНОЙ

1 августа 1850. Деревня Васильевка близ Полтавы

Берусь за перо напомнить вам о своем существовании, добрейшая княгиня Елисавета
Петровна. Удрученный снова всякого рода недугами, я, может быть, приеду в Одессу
с тем, чтобы оттоле пуститься в климаты теплее. А, может быть, придется
пробывать в Одессе и часть зимы. Во всяком случае, я бы хотел знать, остается ли
вы эту зиму в Одессе, равномерно и княгиня, ваша маминька, и княжна Варвара
Николаевна (которым всем прошу передать мой душевный поклон, князя обнимите).
Известите меня об этом двумя-тремя строчками, адресуя в Полтаву. Без вас Одесса
представляется мне крайне пустынной, и нет никакого позыва ехать.

Весь ваш Н. Гоголь.

А. О. СМИРНОВОЙ

Августа 20 1850. деревня Василевка

Письмо ваше, добрый, бесценный друг Александра Осиповна, получил вместе с двумя проектами официальных писем. Мне кажется, что и вы и Толстой совершенно правы. Хочу поступить совершенно так, как вы придумали, хоть и не знаю, даст ли мне это исполнить какая-то непостижимая лень и неохота писанья. Вы сами знаете, как гадко хлопотать о самом себе и особенно просить, просить в это время когда со всех сторон все просят денег, точно нищие, и кругом обирают государя. Просто не подымается рука. И кажется, какой-то голос говорит: «Тебе бы не следовало об этом хлопотать. Тебе бы хоть одному следовало бы сделать свое дело честно, не забирая вперед платы». Впрочем, чтобы не считали меня капризным, я употреблю все силы переписать оба письма, смягчивши требования всякие требования вспоможенья и напиная только на то, чтобы стало ясно мое положение; препровожу оба письма к Плетневу, чтобы он передал их Олсуфьеву, хоть это всё и будет уже поздно, потому что наследник, вероятно, уже будет в это время в дороге. Нужней всего мне теперь просто хлопотать о пашпорте, потому что за этими письмами прошло много времени и боюсь крайне опоздать. Мне нужно непременно эту зиму хорошенко поработать в ненатопленном тепле, с благодатными прогулками на воздухе на вольном воздухе благородственного юга. И если только милосердный бог приведет мои силы в состоянье полного вдохновенья, то второй том эту же зиму будет готов. Вы сами знаете, что бывают времена, когда в один день больше делается, чем в месяцы. От Стурдзы я получил на днях из Одессы весьма милое письмо с дружелюбным зазывом в Одессу. Если бы Одесса сделалась хоть на этот год Коринфом или Байрутом, с какой бы я радостью остался в России! Весной увидался бы с вами раньше обыкновенного, май – в Москве, июнь, июль и август устроили бы где-нибудь на морских водах близ Ревеля или Риги в совокупности с Жуковским с присоединением Плетнева. Там прочитали бы совокупно написанное, а сентябрь и октябрь – в Петербурге, для печатанья и окончательного устроенья дел. В Одессу я выезжаю не раньше 15-го сентября, стало быть, вы еще можете дать о себе весточку в Полтаву, а после потом этого числа адресуйте, для лучшей верности, к Стурдзе. Репнину также в Одессе и, кажется, остаются там всю зиму. Прощайте! Бог да хранит вас!

Ваш весь Н. Г.

Напишите, чем занимаетесь. Вразуми, вас бог найти занятие и физическим силам: какую-нибудь рукопашную работу на вольном воздухе. Я телом не очень здрав, но голова, слава богу, вся сидит во 2 томе.

А. П. ТОЛСТОМУ

Август 20 1850. деревня Василевка

Благодарю вас много, добрейший Александр Петрович, за ваше обстоятельное и любопытное письмо. Все известия, вами сообщенные, были для меня очень интересны. Очень бы я хотел взглянуть на сочинение Neale. Стыд, однако же, нашему духовенству, если оно не будет скоро переведено на русский язык. Исторические разысканья о таком важном предмете особенно полезны молодым священникам, заставляя их нечувствительно пристращаться к своему делу, прежде чем собственные душевные бури и события заставят почувствовать всю святость своего званья. Книгу эту следовало бы даже издать великолепно, так, чтобы и самые гаеры почувствовали, что это должно быть что-то важное. Очень жалею, что не попалось мне также в руки русское сочинение о служении и чиноположении православной церкви с планами. Не знаю, отыщу ли ее в Одессе. Жаль, если Пальмер не напишет своего путешествия по Востоку. Далее начато: Под эти это была бы нужная книга. Под этим именем можно многое сказать в уши тем, которые не читают книг под другими заглавиями. 2-го тома Святогорцев я также не имею и надеюсь отыскать в Одессе. От Стурдзы я получил на днях весьма милое и дружелюбное письмо с гостеприимным зазывом в Одессу. Если бы Одесса была хоть сколько-нибудь похожа климатом на Неаполь, разумеется, я и не подумал бы о выезде за границу. Но голове и телу моему необходим, и особенно во время работы, благородственный

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
воздух и ненатопленное тепло. А мне нужно всю эту зиму поработать хорошо, чтобы
приготовить 2 том к печати, приведя его окончательно совсем к концу. Покуда,
слава богу, дело идет еще недурно. Когда я перед отъездом из Москвы прочел я
прочел некоторым из тех, которым знакомы были, как и вам, две первые главы,
оказалось, они нашли что последующие сильней первых и жизнь раскрывается, чем
дале, глубже. Стало быть, несмотря на то, что старею и хирею телом, силы
умственные, слава богу, еще свежи. А при всем никак не могу быть уверен за
работу. Если не поможет бог, ничего не выйдет. Никогда еще не чувствовал так
ясно, как теперь, что за всякой строкой следует взвывать: Господи, помилуй и
помоги! Если паче чаяния не выеду из Одессы за границу, а поворочу в южный Крым,
то увидимся раньше. Но во всяком случае вернее то, что в Москве буду весной.
далее начато: А Впрочем, все будет так, как распорядится бог. До 15 числа
сентября адресуйте в Полтаву, а после в Одессу. Затем

ваш весь Н. Гоголь.

На обороте: Графу Александру Петровичу.

А. Г. ТОЛСТОЙ

30 августа 1850. деревня Василевка

Перед выездом моим в Одессу спешу написать вам несколько строчек, добрейшая
графиня. Граф пишет ко мне, чтобы между прочим известить его о времени моего
прибытия в Москву. На юге буду стараться пробыть сколько возможно менее времени,
но все не думаю, чтобы раньше весны мог мог я доставить себе приятность свиданья
с вами. Вас хочется видеть как можно скорее – вот все. Прочее устроит бог.
Будьте так добры: препроводите одно письмо к графу, а другое к Скуридину. Я сам
не знаю, как адресовать. Тот и другой, обрадовавши меня самыми приятными
письмами, а своих адресов оба не сказали. О графе знаю только, что он был на
пункте выехать из Петербурга, но где теперь с вами или опять отправился в
дорогу, этого не знаю. Очень обрадуете меня, если хоть несколькими строчками
известите и о себе, и о нем, и о всем, что вам близко. Князю, если увидите его,
передайте мой глубочайший поклон. Затем бог да хранит вас. Не забывайте меня и
прощайте.

Ваш весь Н. Гоголь.

Адресуйте в Одессу Poste restante или или, пожалуй на имя его превосходительства
Александра Скарлатовича Стурдзы, или, еще лучше, на имя княжны Варвары
Николаевны Репниной (Стурдза, кажется, теперь в отлучке).

А. С. СТУРДЗЕ

Сентября 15 1850. Васильевка

После разных странствований приехавши в Полтаву, нашел я там бесценнейшее письмо
ваше, добрейший и почтеннейший Александр Скарлатович. Не говорю вам о том, как
получить его мне было отрадно. Хотел было тот же час вам отвечать и благодарить
за дружелюбное ваше расположение, но, перечтя в другой раз, увидел, что ответ
пролежит в Одессе даром по причине отлучки вашей (как пишете, до самого
октября). Вследствие этого отложил и пишу теперь. Свиданье с вами меня радует
много. Благословенны те чистые стремления к святыму, вследствие которых люди
становятся родными и близкими друг другу! Как надежны, как неразрывны становятся
тогда наши все наши связи! Не нужно и стараться тогда быть милым другому; сам
собою становится мил человек человеку. Душевно бы хотел прожить сколько можно
доле долей в Одессе и даже не выезжать за границу вовсе. Скажу вам откровенно,
что мне не хочется и на три месяца оставлять Россию. Ни за что бы я не выехал из
Москвы, которую так люблю. Да и вообще Россия все мне становится ближе и ближе.
Кроме свойства достоинства родины, есть в ней что-то еще выше родины, точно как

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
бы это та земля, откуда ближе к родине небесной. Но на беду пребыванье в ней
зимою вредоносно для моего здоровья. Не столько я хлопочу и грущу о здоровье,
сколько о том, что в это время бываю неспособен к работе. Последняя зима в
Москве у меня почти пропала вся даром. Между тем вижу, что окончанье сочиненья
моего нужно и могло бы принести пользу. пользу, может быть, многим Много, много,
как сами знаете, есть того, что позабыто, но не должно позабываться, что нужно
выставить в живых, говорящих примерах— словом, много того, о чем нужно напомнить
нынешнему современному человеку и что принимается ушами многих только тогда,
когда скажется в высоком настроении поэтической силы. А сила эта не подымается,
когда болезненна становится болезненна голова. Обыкновенно работается у меня
там, где находится ненатопленное тепло, где я могу утреннее утружденье головы
развеять и рассеять послеобедним пребываньем и прогулками на благорастворенном
теплом вольном воздухе; без того у меня голова на другой день не свежа и не
годится к делу. Но верю, что бог властен сделать все, и его милосердию нет
границ: может и под суровым воздухом Черного моря, в и в самой Одессе, все еще
холодной для меня, найти свежее расположение духа — и тогда, разумеется, я ни за
что не выеду за границу, с и с радостью проведу несколько месяцев с вами, в
ожидань чего

ваш весь Н. Гоголь.

Благодарю много добреищего Неводчикова за его милую приписочку в вашем письме.
Нет, я его не позабыл и помню: такое радушное участие и такое доброе
расположение не позабываются. Прошу вас также передать преосвященному Иннокентию
мою чувствительную благодарность за его пастырское благословенье. Благословенье
пастыря есть уже само по себе благодатный подарок, а соединенное с тем любовным
чувством сердечного участия, с каким верно оно соединилось у него, вдвойне
благодатно. Не позабудьте также передать поклон мой о. М. Павловскому и всем,
кто меня помнит.

Если поможет бог, то первых чисел октября полагаю быть в Одессе.

П. Ф. МИНСТЕР

23 сентября 1850 Васильевка

От всей души и от всего сердца поздравляю вас с днем вашего ангела. Хоть и не
удалось мне присутствовать лично на вашем празднике, на который, как я слышал,
съедутся подруги-институтки, но весело и заочно участвовать в вашем веселии.
Знаю по опыту, что нет торжественней того торжества, когда собираются школьные
друзья-товарищи провести день вместе. Дни эти — дни молодости нестарающей.
Храните же свято, неизменно и до конца дней чистое пламя дружбы, какое бы ни
встретили вы охлаждение, как бы вам ни показалось, что изменились к вам
отношения других людей; пребудьте сами неизменны, и вы с избытком будете
награждены потом от них же, а жизнь ваша украсится многими прекрасными днями.
Все здесь тленно, все пройдет — одни только милые узы, связывавшие нас с людьми,
унесутся с нами в вечность. Ни на одну минуту не следует нам здесь позабывать
того, что жизнь нам дана для любви и что мы сами — творенье божьей любви к нам.
Желая от души поболее в этот день веселиться, остаюсь ваш всегда

Н. Гоголь.

На обороте: Поликсене Федоровне Минстер. От Гоголя.

А. О. СМИРНОВОЙ

Одесса. 26 октября 1850

Приехавши в Одессу, сию же минуту, не откладывая дела в долгий ящик, пишу к вам.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Ваше письмо получил еще в Малороссии, перед самым моим выездом. Хоть и говорите вы, что оно писано в вялом и пошлом расположении духа, но оно мне было так же приятно и отрадно, как все ваши письма. Великое дело, когда душа сродни душе: в каком бы растрепанном и неопрятном виде ни вышел, хоть и при нужде бывают строки, все-таки увидишь в них того же человека, которого любишь. Вы правы насчет моих распоряжений по части денежных пособий и выезда. Точно, я плохо распорядился. Такая находит лень по этой части, что просто не могу с собой сладить, хоть и силюсь давать себе шпоры и понуканья. Может быть, придется остаться в Одессе и всю зиму, хоть и страшат меня здешние ветры, которые, говорят, зимой невыносимо суровы, но сила моря была так полезна моим нервам. была всегда спасительна для меня Авось-либо и Черное море хоть сколько-нибудь будет похоже на Средиземное. Что бы вам прожить зиму в Одессе! Мы бы опять тряхнули стариной, вспомня Ниццу и всякие приятные встречи, после долгих скитаний. Беда только, что время становится позднее и дороги гадки. Я успел уже видеть Стурдзу, хоть и на весьма короткое время. У него кучи новостей о Востоке и обо всем, для нас интересном, но выслушивание я отложил до другого времени, желая поскорей вам нацарапать несколько строк. Не взывите за царапанье. Прощайте и не забывайте меня.

Весь ваш Н. Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ

28 октября 1850. Одесса

С большим трудом добрался я или, лучше сказать, доплыл до Одессы. Проливной дождь сопровождал меня всю во всю дорогу. Дорога невыносимая. Ровно неделю я тащился, придерживая одной рукой разбухнувшие дверцы коляски, а другой расстегиваемый ветром плащ, и в это время убедился еще более в том, что нужно держаться раз принятого правила: выезжать до 15 октября, а с 15-го сидеть на месте и не отваживаться в дорогу. С 15 октября решительно все дни критические. Если и покажется несколько теплых дней, то они уже не в состоянии поправить раз испортившуюся дорогу. Еще не могу вам сказать ничего решительно относительно наsets отъезда. Далее начато: то есть еду ли я или нет за границу Из Константинополя пришедшие вести, что там не так спокойно, заставляют меня призадуматься, ехать ли в этом году. С другой стороны, оставаться в Одессе тоже не весьма заманчиво для моего некрепкого здоровья. Климат здешний, как я вижу, суров и с непривычки кажется суровей московского. Я же, в уверенности, что еду в жаркий климат, оставил свою шубу в Москве. Но, положим, от внешнего холода можно защититься, как защититься от того, который в здешних продувных домах? Боюсь этого потому, что это имеет большое влиянье на мои занятия. Вообще в этом году я весьма поздно распорядился со всеми моими делами, и причиной этому лень, одолевшая мною в Малороссии. Нечувствительно Нечувствительно как я выучился откладывать до завтрашнего дня, чего у меня прежде никогда не было. Это самая скверная и губительная привычка. Замечанье это для сестер, которые, пока молоды, еще не могут чувствовать всю ее гадость. Особенно не нужно отлагать исправленья себя в чем-либо уже замеченном, но нужно начинать его с сегодняшнего дня, а не с завтрашнего. Человек нечувствительно с летами набирает столько гадостей, что сам не ловит себя злаговременно на всех мелочах. Можно сделаться нечувствительно из доброго несносным для всех. Уведомьте меня, говорили ли вы Юрьевичу за лес, который возле Черныша, пришло ли разрешенье продавать его? Хорошо бы воспользоваться перевозкой в то время, когда дороги еще хороши. Прощайте. Прилагаю при сем два письмеца – к Андрею Андреевичу и Дмитрию Андреевичу. Передайте поклон мой отцу Антону, Ивану Григорьевичу Крикуневичу и Немченко. Обнимая вас всех.

А. В. ГОГОЛЬ

Конец октября–начало ноября 1850. Одесса.

Я не сержусь на тебя и даже не удивляюсь твоему отъезду потому что ты еще ни одного разу меня не послушалась. Я вовсе не забочусь о том, чтобы мои советы исполнялись, уверенный, что бог все строит к лучшему. Так и теперь могут тебе

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
представиться многие обязанности, важнейшие тех, которые были бы дома. Но я
только прошу тебя, ради бога, обрати сама внимание на самую себя. В твоем
характере, незаметно от тебя самой, вырастает строптивый дух своеволья и
непокорства. Покорись хоть себе, если не хочешь никому покориться. Говорю тебе,
что, если не приобретешь той милой кротости, того радужного желанья всем
служить, всем угодить, думать о других, позабывши себя, которые одни только
придают неизъяснимую прелест всем движеньям женщины и на лицо кладут постоянную
ясность, — ты никому не понравишься и не исполнишь тем обязанностей, о которых
помышляешь. Я заметил в этот приезд, что все тебя гораздо менее стали любить,
чем прежде; да и я сам не без болезненного чувства приметил, что и вид твой и
все движенья и ухватки стали черствей, неприятней и начали более отзываться
чем-то ухарским. Повторяю тебе: ради Христа, о себе уже не говорю (не говорю:
«ради меня», это можно сказать только тому, кто искренно и сильно нас любит), но
ради Христа, обрати внимание на самую себя. Может быть, после будет поздно.
Выбросивши из себя эгоизм, только умеющий строить всякие воздушные замки в
будущем для самой себя, гляди на себя так, как бы ты рождена была служить
другим, всем, всем, теперь же, в нынешнюю минуту, всем, хоть бы это служенье
состояло в том, чтобы подать прежде всех стакан воды или поднять платок. Ты
взяла себе престранную методу, чтоб не дать над собой власти другому или кто
тебя пониже, перечить, не уступать. Этим только против себя вооружиши и самую
себя испортиши. Мне не нравилось твое обращенье ни с сестрами, ни даже со
слугами. Бей всех лаской и любовью, если хочешь их себе покорить, и как бы кто
ни поступал с тобой, употребляй все силы, чтобы в лице твоем выражалось
постоянно ласковое и любовное к нему расположение, как бы ты даже и не заметила,
что он тебя обидел. Бог тебя да вразумит; прибегай к нему самому теперь за
советом, мне отныне уж нечего тебе говорить, да и не о чем больше. Молю тебя,
вот и всё. Молись и ты обо мне.

Твой брат Н.

На обороте: Любезной сестре Анне.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

7-го 2-го ноября 1850. Одесса

Благодарю тебя много и много, бесценный друг, за твои заботы о моем племяннике. Поблагодари также и Погодина. Он устроился в Казани, очень хорошо и, кажется, им остались все довольны. Денег ему покуда еще не нужно. Да и лучше, если молодой человек будет знать заранее, что всякая копейка алтынным гвоздем прибита; он, точно, снабжен всем необходимым. Я теперь, как видишь, сижу в Одессе. Приехал сюда затем, чтобы отсюда двинуться в теплые края, но это, кажется, не состоится по неимению еще пашпорта. Я поленился хлопотать о нем пораньше. Получить его могу или в конце декабря, или в начале января, стало быть, выезжать поздно. Весной же мне нужно быть в Москве и в Петербурге. в России боюсь и суровости зимы, которая далась мне знать ранее начато: прошедшем в прошлом году, боюсь и разлучаться с друзьями и близкими. Здешняя зима по забранным сведениям мало чем лучше московской, так что если бы не страшили меня совершенно испортившиеся дороги и невыгода зимнего пути, совершенно невыносимого для моего бренного тела, я бы потащился снова в Москву обнять сызнова вас всех и тебя в особенности. Насчет печатанья сочинений: напиши мне, что стоит бумага, на которой печатается «Москвитянин». И можно ли ее заготовить достаточно на 2-е издание моих сочинений. Я бы желал листы ее перегнуть в 12-ю долю. Они велики, и двенадцатая доля будет почти равняться прежней осьмушке. Мне бы хотелось, чтоб изданье продавалось дешевле: в подлиннике: дешевле за 5 томов пять, шесть целковых, не больше. Нужно необходимо, чтобы к выходу II-го тома «Мертвых душ» подоспело изданье сочинений, которых, вероятно, потребуется тогда вдруг много. Уведоми меня также, что возьмут типографщики за лист смирдинского издания русских писателей, которое тоже в двенадцатую долю и которых рамка страниц такая, должна быть такая как потребна моим сочинениям. С той только разницей, что мне хотелось бы пустить поля вокруг пошире, далее начато: что будто и потому бумагу форматом побольше. Живу я в Одессе покуда слава богу. Общество у меня весьма приятное: добрейший Стурдза, с которым вижусь бываю довольно часто, семейство кн. Репниных, тебе тоже знакомое. Из здешних профессоров Павловский, преподаватель

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
богословия, и философии – Михневич, Мурзакевич, потом несколько добрых товарищей
еще по Нежинскому лицею. Словом, со стороны приятного препровождения грех
пожаловатьсяся. дай бог только, чтобы не подгадило здоровье. Поместился я тоже
таким образом, что мне покойно и никто не может мне мешать, в доме родственника
моего, которого, впрочем, самого в Одессе нет, так что мне даже очень просторно
и подчас весьма даже весьма пустынно. Уведоми о себе, о добрейшей Софье
Борисовне, о детках и, словом, обо всем, что до вас относится. Я уже давно не
имею вестей из Москвы. да, есть ли у тебя экземпляр, чтобы отдать в цензуру, и
какому цензору? Я думаю, лучше Лешкову. Им Погодин был всегда доволен. Если же
какие-нибудь вздумает цензор изменения противу первого издания, в таком случае
лучше в Петербург. Нужно просить Плетнева. Приложенное при сем письмецо,
пожалуста, пошли Аксакову. Не позабудь слова два написать о погоде: когда в
Москве началась зима и выпал первый снег. Здесь его выпало во множестве третьего
дни, и с одного разу сделалась санная дорога: диво, доселе, говорят, невиданное.
Вообще климат Одессы я нахожу мало чем лучше московского.

обнимаю тебя несколько раз. Прощай, не забывай и пиши.

Твой весь Н. Г.

Адрес: в Одессу, в дом генерал-майора Трощинского.

С. Т. АКСАКОВУ

7 ноября 1850. Одесса

Уведомляю вас, бесценный друг Сергей Тимофеевич, что я в Одессе и, может быть, останусь здесь всю зиму, хоть, признаюсь, здешняя зима мало чем лучше московской. Но нечего делать: с пашпортом я опоздал. А отсюда подыматься на в север тоже поздно. Видел я Казначеева, который мне показался весьма добрым человеком. Часто видаюсь со Стурдзой, с кн. Репнинами, Титовыми и со многими старыми товарищами по школе; но чувствую, что вас недостает. Пожалуста, уведомьте меня о себе, о всех ваших и о всем, что до вас относится, о сем прошу и Константина Сергеевича. Продолжаете ли записки? Смотрите, чтобы нам, как увидимся, было не стыдно друг перед другом и было бы что прочесть. Константину и Ивану Сергеевичам также.

Пишите: в Одессу. В доме генерал-майора Трощинского.

Весь ваш Н. Г.

Душевный поклон Ольге Семеновне, Вере Сергеевне и всему дому!

на обороте. Сергею Тимофеевичу Аксакову.

А. М. ТРАХИМОВСКОМУ

Ноябрь 1850. Одесса.

Думал было еще с вами повидаться, добрейший Алексей Михайлович, – и не удалось. А между тем имею к вам убедительнейшую просьбу: дело вот в чем. Не следует нам, миргородским дворянам, выпустить из нашего уезда молодого Трощинского, которого переманивают в Киевскую губернию и с которым советую вам познакомиться, как с юношой, подающим добрые надежды. Говорю это не вследствие каких-нибудь родственных отношений, но потому что это в самом деле мне так кажется. Нам такие дворяне нужны. Употребите все усилия и сами собою и через знакомых и через Лукьяновича (которому передайте мой искренний и душевный поклон вместе с большим

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
сожалением, что не удалось мне побывать у него лично, перед отъездом); словом,
употребите все добрые движения души вашей и все от вас зависящие способы, чтобы
в наступающие выборы избрать его в депутаты по Миргородскому уезду или иную
должность по выборам, ему приличную, не связанную с большими хлопотами и
разъездами, чтобы ему иметь возможность быть хотя вначале при больном отце; он и
сам желает лучше причислиться к миргородскому дворянству. И, мне кажется, всем
нам, дворянам, следует уважить это доброе желание юноши, который, как бы то ни
было, внук того знаменитого мужа, которому много обязанна Полтавская губерния, по
крайней мере в трудное время 12-го года, когда дворянству нужно было сильное
предстательство, он не отказался принять на себя звание губернского
предводителя, несмотря на то, что, находясь в должности министра, обременен был
кучей дел и обязанностей. По этому самому и нам уже следует спешествовать
всеми мерами его внуку в благородном желании служить по выборам. Придает еще
шпоры моей просьбе и неприятный отзыв о Миргородском уезде, который случилось
мне услышать дорогою от дворянства других уездов, будто бы они глупые и
невежественней всех прочих в Полтавской губернии. Что уездный наш город Миргород
плох, мы это знаем сами и над ним смеемся. Но пустынность уездного города и
непроцветание его скорее показывает то, что дворяне сидят по местам и заняты
делом, а не баклужничат по городам. Дворяне других уездов уже и позабыли, что
лучшие губернские предводители, и притом более других пребывавшие в этом звании,
были все из Миргородского уезда. Во всяком случае, наша общая польза и выгода в
том, если должности по выборам будут заняты нашими лучшими фамилиями.
Переговорите обо всем этом с Лукьяновичем, подумайте сами и дайте мне ответ в
Одессу.

Весь ваш Н. Гоголь.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

декабря 2. 1850. Одесса

Пишу, как видишь, из Одессы, куда убежал от суровости зимы. Последняя зима, проведенная мною в Москве, далась мне знать сильно. Думал было, что укрепился и запасся здоровьем на юге надолго, как следует но не тут-то было. Зима третьего года кое-как перекочкалась, но прошлого едва-едва вынеслась. Не столько были для меня несносны самые недуги, сколько то, что время (во время их) пропало даром, а время мне дорого. Работа – моя жизнь. Не работается – не живется, хоть покуда это и не видно другим. Отныне хочу устроиться так, чтобы три зимние месяца в году проводить вне России, под самым благородственнейшим климатом, имеющим свойство весны и осени в зимнее время, то есть свойство, далее начато: которое благотворное моей голове во время работы. Я уже испытал, что дело идет у меня как следует только тогда, когда все утруждение, нанесенное голове поутру, развеется в остальное время дня прогулкой и добрым движеньем на благородственном воздухе (а здесь в прошлом году мне нельзя было даже выходить из комнаты). Если это не далее начато: на делается, голова на другой день тяжела, не способна и неспособна к переправлено из как работе. И никакие движенья в комнате (сколько их ни выдумывал) не могут помочь. Слабая натура моя так уже устроилась, что чувствует жизненность только там, где тепло ненатопленное. Следовало бы и теперь выехать хоть в Грецию; затем, признаюсь, и приехал в Одессу, но такая одолела лень, так стало жалко разлучаться и на короткое время с православной Русью, что решился остаться здесь, понадеявшись на русский авось: то есть, авось-либо русская зима в Одессе будет сколько-нибудь милостивей московской. Разумеется, при этом случае стало представляться, что и вонь, накуренная последними политическими событиями в Европе, еще не совершенно прошла, и – просьба о пашпорте, которую хотел было отправить к тебе, осталась у меня в портфеле. Впрочем, уже и поздно: к весне, во всяком случае, не нужно бы возвращаться в Россию. Намеренъ мои теперь вот какого рода: в конце весны или в начале лета предполагаю быть в Петербурге, затем, чтобы, во-первых, повидаться с тобой и с Жуковским и перечесть вместе все то, что хочется вам прочитать, а, во-вторых, если будет божья воля, то и приступить к печатанью. Время, кажется, уже несколько угомонилось, головы хоть, может быть, и не совсем, но по крайней мере уже, верно, отрезвились настолько, чтобы иметь терпенье и хладнокровье выслушать, в чем дело, а до сих пор, право, не подымались даже и руки к изданью чего-либо. чего-либо в свет Уведоми меня теперь же, какие у тебя планы на лето. Как бы устроиться нам так, чтобы провести его где-нибудь на морских водах, в

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Ревеле или в ином месте? Я думаю, что взаимные беседы нам будут теперь нужней
чем когда-либо прежде. Не поленись, напиши теперь же, присообщи к этому хоть два
слова о своем житье и о милых – близких твоему сердцу, которым всем передай
душевный мой поклон.

Твой Н. Гоголь.

Адрес: В Одессе. 1-й части 1-го квартала. В доме Трощинского.

Р. С. С недавнего времени книгопродавцы стали меня осаждать письмами. Пожалуста,
пошли человека в дом Пажеского корпуса сказать Лисенкову, который надоедает
более других, что я буду сам в Петербурге.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Одесса. 1850. декабря 15

Пользуюсь оказией и отвечаю тебе на твое письмо через Николая Никифоровича
Мурзакевича, который к Рождеству, вероятно, уже будет в Москве. Благодарю тебя
много за всё. Всякое письмо Письмо, какое ни пишу к тебе начинается, как видишь,
благо-дареньем. Так уж, видно, определено свыше. Относительно распоряженья
твоего насчет 1000 руб. серебром из благотворительной суммы совершенно согласен,
и мне кажется самому, что это будет полезнее прочего. Сочинения можешь отдать в
цензуру, но если бы к чему привязался цензор, то отвоюй, переговорив с
попечителем. далее начато: насчет же Что же до отпуска всех экземпляров «Мертвых
душ» одному книгопродавцу, то, мне кажется, лучше этого не делать, потому что от
этого выгоды мне никакой, а бедному покупщику вред. Забравши остальные книги,
книгопродавец делается тотчас монополистом и дерет жидовские цены. Письма Базили
не ищи, не отыщешь; оно давно в моих руках, ты его отправил тот же час ко мне,
как получил. Обнимаю тебя. Поздравляю вперед с грядущим 1851-м годом, от всей
души желая, чтобы он был тебе благотворнейшим из всех, доселе тобой встречаемых.
Бог да хранит тебя, как зеницу ока, вместе со всем твоим семейством!

Твой Н. Гоголь.

На обороте: Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве, на Тверской, в Дегтярном переулке, в собственном доме.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

16 декабря 1850. Одесса.

Поздравляю тебя с наступающим новым годом: далее начато: говорю тебе бог в
помощь, добрый друг! Везде, где бы ты ни был, где бы ни нашло тебя письмо мое,
за какой бы работой ты ни сидел и каким бы делом и мыслью ни был занят – бог в
помощь! Мы давно друг к другу не писали; не писали, потому что не писалось, но,
верно, мы думали часто друг о друге. Предмет, связавший тесней прежнего нас,
близок равно сердцам нашим, и, мысля о нем, нельзя, чтобы мы не вспоминали друг
о друге. Милосердый бог меня еще хранит, силы еще не слабеют, несмотря на
слабость здоровья; работа идет с прежним постоянством и хоть еще не кончена, но
уже близка к окончанию. Что ж делать? Покуда человек молод, он – поэт, даже и
тогда, когда не писатель; когда же он созреет, зреет он должен вспомнить,
припомнить что он – человек, даже и тогда, когда писатель. А что человек? Его
значение высоко: ему определено стать выше ангела небесного, любовью
пострадавшего за нас Христа. Покуда писатель молод, он пишет много и скоро.
Воображенье подталкивает его беспрерывно. Он творит, строит очаровательные
воздушные себе замки, и немудрено, что писанью, перу как и замкам, нет конца. Но

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
когда уже одна чистая правда стала его предметом и дело касается того, чтобы
прозрачно отразить жизнь в ее высшем достоинстве, в каком она должна быть и
может быть на земле и в каком она есть покуда в немногих избранных и лучших, тут
воображенье немного подвигнет писателя; нужно добывать с боя всякую черту.
Хотелось бы очень прочесть тебе всё, что написалось. Если бог благословит
возврат твой в Россию будущим летом, то хорошо бы нам съехаться хоть на месяц
туда, где расположишься ты на летнее пребывание, будет ли это в Ревеле, Риге или
где инде. Мы туда бы выписали Плетнева, Смирнову и еще кого-нибудь и провели бы
прекрасно это время. Уведоми меня, мой добрый, близкий, близкий моему сердцу.
Пиши в Одессу, куда я убежал от суровости зимы, далее начато: которая
подействовавшей было на меня довольно разрушительно в Москве, но, слава богу, в
этом году она благосклонней. Жду с нетерпением от тебя двух слов и, обнимая
тебя, повторяю: бог в помощь и тебе и всем близким твоему сердцу.

Твой Н. Гоголь.

Адрес: В Одессе 1 части 1-го квартала. В доме генерал-майора Трощинского.

16 декабря русского стиля.

А. А. ИВАНОВУ

16 декабря 1850. Одесса

Поздравляю вас с новым годом, Александр Андреевич! От всей души желаю, чтобы он
был плодотворен для вашей работы и чтобы картина ваша в продолжение его наконец,
окончилась, и окончание ее, венчающее дело, было бы достославно. Пора наконец.
Не все же продолжаться этим, безотрадным явлениям суматох и беспорядков; пора
наконец показаться на свет плодам мира, делам мира обдуманных во глубине души
мыслей и высоких созерцаний, совершившихся в тишине. Хорошо бы было, если бы и
ваша картина и моя поэма явились вместе. Я нынешнюю зиму провожу в Одессе.
Петербургская и московская зима выносятся плохо моим, слабым телом. Впрочем,
весной полагаю быть в Москве, а летом, может быть, в Петербурге. До самого конца
марта адресуйте мне в Одессу (1 части 1 квартала, в доме генерал-майора
Трощинского). Уведомьте хоть несколькими словами, как проводите время, кто
теперь с вами в Риме и есть ли с кем перемолвить дружеское слово. Если с вами
Моллер, обнимите его покрепче и поздравьте от меня с новым годом. Бог да хранит
вас невредимо!

Ваш весь Н. Гоголь.

С. Т. АКСАКОВУ

Одесса. Декабря 23 1850

Очень обрадовали меня вашим письмечком, добрый друг Сергей Тимофеевич. Слава
богу, далее начато: что вы здравствуете, хоть и не так, может быть, как хотелось
бы, но... за все слава богу! Если будем довольствоваться малым, дастся и больше.
Меня тоже бог милует и хранит: зима здешняя благоприятна мне. Занятия мои
потихоньку идут. Весной хочется быть в Москве, повидаться с вами и с Москвой.
Очень рад, что драма Константина Сергеевича попала на сцену. далее начато:
Уведомите весьма меня обяжете, если уведомите, как она шла, каково общее
впечатление и что говорят о ней порознь. Затем обнимают вас от всей души и
поздравляю совокупно вас с со всеми милыми вашими семейством всех с новым
наступающим годом. дай бог, чтоб он каждому из вас принес в душу много радостей
таких, за которые беспрерывно хочется благодарить бога.

Ваш весь Н. Гоголь.

А. О. СМИРНОВОЙ

декабря 23 1850. Одесса

Письмо ваше от 24 ноября получил, добрый друг Александра Осиповна. Всё правда, что вы в нем ни пишете. Много развеивается холодного, безнравственного по белу свету. Много порывается отовсюду всяких пропаганд, грызущих, по-видимому, как мыши, все твердые основы. Но как вспомнишь, что над нами всеми бог, без воли коего не падет волос с главы, что он превосходит всё неизмеримостью своего милосердия, что одна молитва праведника может отвратить многое и спасти многое, что, наконец, он – высший разум, превыше всех наших ежеминутно ошибающихся умозаключений, – так станет вдруг ничтожно и низко всё то, чем мы смущаемся! И видишь, что нужно человеку только молиться и благодарить. Молиться за всех, благодарить за всё. С псалмопевцем в руках то стремиться к нему воплем души о водворении посреди нас правды, то славословить его так же неумолкаемо, как он его славословит. Дай бог и вам и мне такого препровожденья жизни, тогда никакое мирское смущенье не смутит нас. О себе покуда скажу, что бог хранит, дает силу работать и трудиться. Утро постоянно проходит в занятиях, не тороплюсь и осматриваюсь. Тише едешь – дальше будешь Художественное созданье и в слове то же, что и в живописи, то же, что картина. Нужно то отходить, то вновь подходить к ней, смотреть ежеминутно, не выдается ли что-нибудь резкое и не нарушается ли нестройным криком всеобщего согласия. Зима здесь в этом году особенно благоприятна. Временами солнце глянет так радостно, так по-южному! так вдруг и напомнится кусочек Ниццы! Не прожить ли не прожить ли нам следующую зиму в Крыму? Ведь Крым отталкивает только тем, что нет людей. Но если соберемся человека два-три, вы да я, да еще кто-нибудь, право, этого будет довольно. Мы ведь люди уже старые, что нам за рауты? Ведь старики, по-настоящему, должны только глядеть друг на друга да благодарить бога за всё, – за то, что прожили до этих пор и что глядят друг на друга. Поздравляю вас с наступающим новым годом. Дай бог, чтобы в нем вам много было и здоровья, и сил, и всяких милостей божьих.

Ваш весь Н. Гоголь.

Адресуйте: Одесса. 1-й части 1 квартала, в доме генерал-майора Трощинского.

М. А. Константиновскому

1850. Одесса. декабря 30

Пишу к вам несколько строчек, добрейший Матвей Александрович, только затем, чтобы напомнить вам о себе, только затем, чтобы вновь повторить ту же просьбу: молитесь обо мне, добрая душа! Намерение мое ехать в теплые отдаленные края, для поправленья хилого моего здоровья, не состоялось. Я остался здесь, в Одессе, и этому рад. По великой милости божией, зима здесь в этом году вовсе не похожа на суровые зимы предыдущие: она тепла и благоприятна моему здоровью. Что же касается до душевного состояния... но что говорить? Может быть, вам душа моя известна больше, чем мне самому. Молюсь, чтобы бог превратил меня всего в один благодарный гимн ему, которым бы должно быть всякое творенье, а тем более словесное, чтобы, очистивши меня от всех моих скверн, не помянувши всего недостоинства моего, сподобил бы он меня, недостойного и грешного, превратиться в одну благодарную песнь ему. Молюсь, молюсь и, видя бессилие своих молитв, вопию о помощи: молитесь, добрая душа!

Ваш весь Н. Г.

Адрес мой: Николаю Васильевичу Гоголю в Одессу, 1 части 1 квартала, в доме Трощинского.

Не знаете ли вы чего об графе Александре Петровиче? Я давно уже не имею о нем
Страница 102

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
известий. От всей души поздравляю вас с наступающим новым годом. Бог да хранит
вас и да воздаст вам сторицей за ваши молитвы.

М. И. ГОГОЛЬ

Генваря 20. 1851. Одесса

От вас что-то давно нет писем, почтеннейшая матушка. Здоровы ли вы? На последнее
моё письмо я еще не имел до сих пор от вас отзыва. Что же до меня, то здоровье
моё несколько было опять поиспортилось. Весь декабрь (т. е. покуда было тепло) я
чувствовал себя очень хорошо. Но с началом генваря и с наступлением холодов
опять пошли недуги. Впрочем, теперь, слава богу, они несколько угомонились.
Сестре Анне Васильевне скажите, что я отсюда, нот ей не посылаю, потому что и
дороги и ничего нет нового, да и с пересылкой возня и продавцы народ продувной.
А вместо того я решил написать к Шевыреву, чтобы он выслал из Москвы что есть
поновее и получше. Тамошние книгопродавцы или нотопродавцы гораздо лучше
снабжены здешних. Уведомьте меня о здоровье вас всех, начиная с Андрея
Андреевича, и какова стоит в Кагорлыке зима, и какова она также в Васильевке, и
что там делается.

Ваш признательный вам сын Н. Г.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Одесса. Генварь 25. 1851

Благодарю тебя много за обстоятельное и милое твоё: письмо. От всей души
поздравляю тебя с замужеством милой дочери и прошу также от меня передать ей
поздравление. Рад, что здоровье твое укрепилось от холодного лечения. Я тоже
имел от него пользу. Но нам всем, русским, нужно помнить и твердить себе
беспрестанно: «Ничего не доводи до излишества!». В наши с тобой лета совершенно
переламывать привычки и прежний обычай жизни опасно, а понемногу оставлять их,
трезвиться телом и духом очень, недурно и даже непременно следует. Иначе
потеряешь как раз равновесие между телом и духом. Я уже давно веду образ жизни
регулярный или, лучше, необходимый слабому моему здоровью: занимаюсь только
поутру, в одиннадцатом часу вечера уже в постеле. Стакан холодной воды натощак и
ввечеру. Но большое употребление холодной воды и обливаний вредит, производя во
мне слишком большую испарину. В Одессе полагаю пробыть до апреля. Приезд
Жуковского в Москву, может быть, несколько изменит мой маршрут, и вместо весны
придется, может, быть в Петербурге осенью. Впрочем, это еще впереди. Покуда будь
здоров, не забывай меня. А мне хочется очень с тобой, по старине, запервшись в
кабинете, в виду книжных полок, на которых стоят друзья наши, уже ныне отшедшие,
потолковать, и почитать, вспомнив старину. Но это не могло и не может быть,
покуда не готово покуда еще не делаю то, о чем нужно говорить. Будет готово –
разговоримся так, что и языка не уймем. Ведь старость болтлива, а мы, благодаря
бога, уже у врат ее. Будь здоров.

Твой весь Н. Г.

Я писал тебе еще с Мурзакевичем, ехавшим отсюда в подлиннике: отсюду к вам. Если
вздумается порадовать строчкой, адресуй к Шевыреву в Москву.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Одесса. Февраль 1851

От тебя давно нет известий, бесценный друг. Здоров ли ты? Уведоми хоть двумя
строчками. Я писал к тебе с Мурзакевичем, получил ли ты это письмо? А между тем
мне сгрустнулось по тебе и так хотелось бы взглянуть на тебя... В мае первых чисел

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru или в середине его, если бог поможет, буду в Москве. Здешняя зима была еще довольно сносна, и голова моя была свежее, чем в Москве, будет о чём потолковать и что прочитать. Приступил ли ты к печатанью моих сочинений? Недавно мне попалось в руки Смирдина издание русских авторов, и я увидел, что шрифт в подлиннике: шрифт уж чересчур густ и уборист (что не годится для моих сочинений: книжки выдут очень тоненькие и притом читать трудно). Рамку можно взять такую же или хоть и больше, но строки непременно пореже и буквы крупнее. Если можно, такой величины, как напечатана твоя поездка, и бумагу нужно бы выбрать плотнее, так, чтобы строки не сквозили. Все эти обстоятельства так важны, что если, паче чаянья, уже несколько листов книга отпечатано, то можно их бросить и начать печатать снова. Уведоми также, во скольких типографиях печатается и около какого времени книга выдет.

Твой весь Н. Г.

Душевный поклон Софии Борисовне. Малюток поцелуй.

М. И., А. В., Е. В. и О. В. ГОГОЛЬ

Одесса. 1851. 4 марта

От всей души поздравляю и вас, добрейшая матушка, и вас, милые сестры, с наступившим великим постом. От всей души желаю вам того же, чего и себе, т. е. провести его, как следует христианину. О, если бы мы сумели хоть время поста отдать всецело Богу! О, если бы хоть в это святое время провели мы жизнь, сообразуясь с тем, что скажет о нас Бог, а не люди! Как бы тогда разумней потекло всё прочее время года, а с ним и все наши хозяйствственные и всякие дела, по слову божию: «Ищите прежде правды и царствия Божия – и сия вся приложатся вам». А мы глядим беспрестанно на то, что скажут люди. Оттого и беспокойно у нас в душе, и имение в расстройстве, и издержки за издержками, и голова идет кругом от хлопот, и раскаянье гложет при виде, как на всяком шагу делается нами опрометчивая издержка, тогда как деньги нужны были на гораздо нужнейшее. Например, и в теперешнем письме вы говорите, что деньги употреблены на шубу, – лучше бы употребить на посуду для шинков и кое-что нужнейшее для хозяйства. А что было виной? Старшая сестра моя по своей обычной опрометчивости имела неблагоразумие шепнуть вам: «Люди будут говорить: вы похожи на просительницу». И этих слов было достаточно. Вот что значит слово: люди! Позабыты, вдруг все соображенья, отнялось предвиденье в даль, взоры на будущее, что всякую минуту нужно ожидать повестки, требованья от казны и проч. и проч. О, пусть погибнет эта обманчивая, заводящая человека в бездну и в погибель философия: соображаться с тем, что скажут люди! С нею и людям не угодишь и Бога потеряешь навеки. Счастливец же, соображающий свою жизнь с тем, что скажет Бог, сделается потом неминуемо любезен всем людям. Ради самого Христа, пострадавшего за нас, прошу и умоляю, не пропустите нынешнего поста и воспользуйтесь им. И вы, добрейшая матушка, и вы, милые сестры, молитесь Богу о том, чтобы вразумил всех нас. О, как нужно нам всем вразумление свыше! Я знаю это по себе. Как только было у меня что-нибудь сделано без Божьего вразумления – всегда выходила такая глупость, что я краснел и не знал, куда деться от стыда перед самим собой.

Пора, пора нам приняться наконец за главное дело и, бросив всякие наружные украшенья, каких требуют люди, позаботиться не в шутку об украшении душ. Вспомните, что мы все уже в зрелых летах и что прожили уже больше, чем остается нам жить. Пора, пора за дело! Не всё быть детьми. Другую, другую жизнь нужно повести, – простую, простую, какую ведет уже человек, думающий о Боге. Для: этой жизни немного нужно. Для жизни Евангельской, какую любит Христос, немного издержек. Говорю вам это потому, что невольно обнимается душа ужасом, видя, как с каждым днем мы отдаляемся всё больше и больше от жизни, предписанной нам Христом. А смерть подходит между тем к нам всё ближе и ближе... Боже, спаси и помоги! Но и Бог не может помочь, если мы не хотим устроить жизнь нашу сообразно с тем, что написано в Евангелии. Ни к чему не послужит то, что мы только сохраняем в теории, а не воплощаем тут же в деле. Говорю вам еще и потому, что по соображению наших государственных обстоятельств и увеличивающихся потребностей предвижу большое увеличение казенных податей и повинностей в

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
наступающих годах; оно уже и началось во многих местах теперь. Этому не
радуйтесь, что уменьшены пошлины на заграничные, бакалейные и всякие товары. По
мне, лучше бы вовсе запечатать эти бакалейные я всякие лавки; туды спровадили
помещики все деньги, следуемые на уплату податей и казенных повинностей.
Повидимому, кажется, небольшая вещь издерживать далее начато: наи по десяткам
рублей. А как подведешь в год итог, видишь, что помещик тысячи две в год посадил
и посадил на эти сыры да селедки. Тогда как, по-настоящему, не следовало бы и
покупать того, чего не производит собственная земля: и этого достаточно для
того, чтобы не только наестся, но даже и объестся. Удивляться ли тому, что
милосердый бог, видя такое неустроене нашей жизни, насыщает нам наконец тяжелые
времена, неурожай, увеличенье податей?.. Он, милосердный, хочет нас заставить
насильно вспомнить о том, что чтобы нужно повести другую жизнь, насилию хочет
нас спасти, позабывших святое его слово, что узкий только путь ведет в царствие
небесное, а широкий вводит в пагубу. Помыслим же об этом не в шутку в нынешнее
благоприятное время поста. Храни нас бог думать, что слова Христовы говорятся
так, лишь бы только, чтобы только постращать, напугать нас, – нет, он сам сказал
про непреложность слов своих: «Небо и земля преидут, а словеса мои не преидут».
Еще раз желая вам от всей души и провести пост и говеть благодатно, прошу молитв
и о себе грешном, да поможет бог и вам и мне. А вам особенно советую, мои
сестры, читать в это время наиболее такие книги, которые обличают и поражают
душу, никак ее не щадя, но выказывая всю некрасоту ее. У всех просите себе
обличенья и указанья всех ваших недостатков. А сами всех прощайте, в том числе и
меня.

Ваш весь Н. Гоголь.

О моем выезде наверно еще ничего не могу сказать. Всё будет зависеть от погоды и
как установится дорога. По дурной дороге отваживаться нельзя в не весьма крепкой
колясочонке, и без того уже пострадавшей в распутную осеннюю дорогу прошлого
года. Во всяком случае буду стараться приехать к празднику.

П. А. ГРИГОРОВУ

1851. Одесса. Марта 6

Много благодарю вас и за письмо и за книгу Затворника. Как она пришлась мне
кстати в наступивший великий пост! Много и много уже обязан я и вам и вашей
обители и думаю теперь о том, как бы и чем мне показать вам мою признательность.
Как мне не ценить братских молитв обо мне, когда без них я бы давно, может быть,
погиб. Путь мой очень скользок, и только тогда я могу им пройти, когда будут со
всех сторон поддерживать меня молитвами.

Не оставляйте же и не забывайте меня.

Ваш весь Н. Гоголь.

Передайте душевный мой поклон настоятелю, отцу филарету и всей братии.

М. П. ПОГОДИНУ

Одесса. – 1851./Март 7

Благодарю тебя, друг, за доброе твоё письмо. Прискорбно было узнать из него об
утрате твоей. Добрая мать, так тебя любившая, уже теперь не молится за тебя
здесь на земле, она уже там... Она завещает теперь тебе молиться о ней. Не
позабывай по ней панихид. Панихиды по близким душе успокаивают много нашу
собственную душу. Да и самим мыслям становится после того как-то и способнее и
удобнее стремиться туда, куда им предписан закон стремиться, и самые кандалы на
ногах, на которые ты жалуешься, и которые у всякого человека на земле,

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
становятся тогда неслышней и легче. Прощай! Если даст бог, увидимся в мае.

Твой весь Н. Гоголь.

А. А. ИВАНОВУ

Одесса. Марта 18 1851

Не велико ваше письмо, но спасибо и за то; по крайней мере, я знаю, что вы, слава богу, здравствуете. Вы называете меня прекрасным теоретическим человеком. Не думаю, чтоб это было правда. Мне кажется, я плохой теоретический человек, да и практический также. Изо всей моей жизни я вывел только ту истину, что если бог захочет – всё будет, не захочет – ничего не будет. Как умолить бога помочь нам, для этого у всякого своя дорога, и он как сам знай, так и добирайся. Но на мне, по крайней мере, вы должны научиться снисходительности к людям. Если я, человек, долго близ вас живший и притом все-таки понимающий, хоть, положим, теоретически, художество, так. еще далек от того, чтобы понимать вещи и обстоятельства в настоящем виде, то как же можно требовать от начальства, состоящего из чиновников, чтоб понятны далее начато: они были им внутренние требования оригинального, не похожего на других, художника? Поверьте, никто не может понять нас даже и так, как мы себя понимаем. И счастлив тот, кто, всё это сообразя вперед, прокладывает сам себе дорогу, не опираясь ни на кого, кроме – на бога.

Письма адресуйте всегда на имя Шевырева в Москву, близ Тверской, в дегтярном переулке, в собственном доме. Он доставит мне всюду, где ни буду.

Что бы вам написать хоть что-нибудь о вашем житье-бытье, не о том, которое проходит взаперти, в студии, но о движущемся на улице, о внешнем, о том дву в прекрасных окрестностях Рима, под благодатным воздухом и небом! Где вы обедаете, куда ходите, на что глядите, о чем говорите? В иной раз много бы дал за то, чтобы побеседовать вновь так же радушно, как беседовали мы некогда у фалькона. Не будьте скучны и напишите о себе не как о художнике, погруженном в созерцанье, но как о добром, милом моему сердцу человеке, развеселившемся от воспоминаний о прежнем. С вами теперь, как я слышал, Брюллов – как вы с ним ладите? и что делает брат ваш (которому передайте поклон мой)?

Ваш весь Н. Гоголь.

на обороте: Rome. Italie.

Al signore Alessandro Iwanoff.

Pittore e academico russo.

Roma, nella via Condotti, vicina alla piazza di Spagna. Caffe Greco.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Одесса. Марта 18 1851

Наконец от тебя письмо. Слава богу, ты здоров. Благодарю за труды и все твои добрые о мне попечения. На днях выезжаю из Одессы. Недели три проживу у родных, а там обниму тебя, если всё устроит бог благополучно. Очень меня обяжешь, если возьмешь в синодальной лавке и перешлешь тот же час ко мне в Полтаву «Общую Минею» (большая книга, в лист) и «Четыри Минеи» (в 12 книгах, в осьмушку). К

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
этому присовокупи два экземпляра евангелия (бблейского издания). Разумеется,
вез это в переплете (каком-нибудь).

С деньгами, полученными за проданные экземпляры «Мертвых душ», распределись так:
тысячу рублей серебром в банк (если найдешь нужным), 150 р. серебром перешли мне
в Полтаву, а остальные держи у себя до моего приезда. Впрочем, можно в банк
положить даже и полторы тысячи: я думаю, что будет достаточно для прожить в год
находящихся у тебя прежних. Но прощай! В ожиданье личного свиданья посылаю тебе
покуда заочный поцелуй.

Твой весь Н. Г.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

После 18 марта 1851. Одесса.

Прошу тебя присоединить к прежде сказанным книгам еще ноты церковного пения под
названием: Партитурное собрание с преложением на фортепиано, музыка Бортнянского
и других сочинителей, книга 1, СПб., в подлиннике: СПб. 1843 года, и прислать
вместе в Полтаву.

Твой весь Н. Г.

М. И. ГОГОЛЬ

Одесса. Марта 21 1851

Вчера приехал Дмитрий Андреевич. С ним приехало и письмо ваше. Я полагаю
выехать на будущей неделе, так, чтобы к страстной быть в Кагорлык. Если поможет
бог совершить путь благополучно, то или в субботу, или в воскресенье доберусь до
Кагорлыка. За лошадьми лучше пошлите домой, тем более, что Дмитрий Андреевич,
как я заметил, хочет тоже в одно время с нами ехать в Кибенцы. Да и во всяком
случае, по-моему, нужно всячески избегать жить на счет других, хотя бы даже и
весьма близких нам людей. Выеду я, может быть, может быть, даже или раньше, или
позже Дмитрия Андреевича, затем, чтобы не мешать друг другу на станциях. Потому
что лошадей трудно доставать и на один экипаж, а как будут два, то придется
посидеть и по дню на станции и все-таки разрозниться. Затем, желая вам от всей
души провести благодатно остальное время поста, прося вас передать это же самое
желание и весьма уважаемому мной Андрею Андреевичу, остаюсь

признательный сын

Н. Г.

А. О. СМИРНОВОЙ

Конец марта 1851. Одесса.

Христос воскрес!

Спешу поздравить вас, добрый друг, с радостным днем светлого воскресенья. Дай
бог и вам и мне того же: радоваться о Христе, любить всех о Христе, позабыть
себя со всем честным окружением собственных забот и, дорожа всякой минутой,
спешить благодарить за нее бога, живя и, живя подобно птицам небесным, не сея,
не собирая в житницах, радуясь о том только, что чтобы совершается его божья
воля. О, пошли нам бог, и вам и мне, силу любить всех! В ней потонет всё

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
грустное. Еще раз: Христос воскресе!

Ваш весь Н. Г.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Полтава. Мая 6 1851

Милое, доброе твое письмо получил уже здесь, в деревне моей матушки. Из Одессы выслали его мне довольно поздно; видно, в наказанье за то, что я свое отправил к тебе довольно поздно. Всё действительно случилось так, как ты предположил: ровно через месяц после того, как оно было написано, запечатано и, казалось, как бы даже и отправлено на почту, нашлось оно в моем письменном столе. Что прикажешь делать? Видно, горбатого могила исправит. Кажется, как бы я преуспеваю со дня на день в этой добродетели. Зато тем признательнее принял и прочел я знак твоего непамятозлобия, твое милое и милующее письмо. На замечанье только твое о моей молодости скажу: «Увы! два года, как уже пошел мне пятый десяток, а стал ли я умней, бог весть один». Знать, что прежде не был умен, еще не значит поумнеть. Что второй том «Мертвых душ» умнее первого – это могу сказать, как человек, имеющий вкус и притом умеющий смотреть на себя, как на чужого человека, так что, может быть, Смирнова отчасти и права; но как рассмотрю весь процесс, как творилось и производилось его создание, вижу, что умен только тот, кто творит и зиждет всё, употребляя нас всех вместо кирпичей для стройки по тому фасаду и плану, которого он один истинно разумный зодчий. С тобою всячески постараюсь увидеться. Теперь еду в Москву. Всякие письма и замечания, какие были тебе присланы насчет «Мертвых душ», запечатавши в один пакет, пошли ко мне, адресуя на имя Шевырева, а если присоединишь к этому две-три строчки собственного письмеца, – вперед посылаю тебе самое душевное спасибо. Всем тебе близким братским поклон!

Твой весь Н. Гоголь.

С. Т. АКСАКОВУ

Мая 14 1851. Деревня Василевка

Милое ваше письмо, добрый друг Сергей Тимофеевич, получил уже здесь в Малороссии и благодарю вас за поздравление с днем рождения моего, и вас, и Ольгу Семеновну, и Сергея Тимофеевича и Константина Сергеевича, и всю семью. На днях выезжаю в Москву. Вероятно, вы уже будете в вашей подмосковной, но постараюсь заглянуть к вам и туда. О Максимовиче не имею никаких вестей, слышал только, что был он болен, и ничего больше. Весна здесь так благоприятна, как давно не было. Обнимаю вас – до свиданья!

Ваш Н. Гоголь.

А. В. ГОГОЛЬ

После 22 мая 1851. Полтава.

Любезная сестра Анна!

Во всем божья воля; ничего не совершается без воли божьей. Так говорят – одни потому, что в этом убеждены, другие потому, что слышат, как это говорят другие. Вижу и я в нынешнем событии божью волю. Но всё, однако ж, не знаю, правы ли были вы вместе с сестрой, уладивши это дело в секрете, без предварительного совещанья с матерью или хоть даже и со мною. Уверенность в благородумии своих поступков вредит нам много даже и в малых вещах, а дело нынешнее очень важно, так что,

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru признаюсь, я и не могу понять, отчего ты предалась такому восторгу. Я здесь невижу, чему еще радоваться: ни он, ни она не имеют ничего. Конечно, бедность еще бы не беда, если бы сестра она моя Елисавета была приучена к деятельной, трудолюбивой жизни, если бы она умела терпеть, переносить, если бы наконец имела ту безоблачную, ясную ровность характера, с которой человек счастлив везде, куда бы его ни бросила судьба, но при неимении этого... что ни говори – страшно. Конечно, я могу утешаться тем, что ни в счастьи, ни в несчасти сестры я не виноват: совета моего не спрашивали, но тем не менее сердце мое болит, я не могу предаться радости, не видя залогов будущего счастья. Он всем нам мало известен. В два-три раза, в которые я его видел, я могу только сказать, что я не заметил в нем ничего дурного; вы не судьи: какой же жених не будет стараться показаться своей хорошей стороной тем, к тем у которых заискивает? – Итак, в будущем покуда потьма и неизвестность! А как вспомню при этом, сколько у лизы всяких мелких капризов, которые я хорошего человека обратят к ней своей дурной стороной, сердце скорбит пуще. Нет, вместо всяких восторгов лучше смиренно прибегнуть всем нам к молитве. Отправляйтесь пешком теперь же в Диканьку испросить, вымолить у бога, чтобы супружество это было счастливо. чтобы во всю дорогу на устах ваших была одна молитва и никаких пустых речей или спора, чтобы только одно стремление к богу было в сердцах ваших. Умерь свою привычку строить фантазии и планы для будущего в уверенности, что всё потечет такою дорогою, какую ты в подлиннике: какую же в голове своей всему в голове своей предпишешь. далее начато: Но Лучше вместо того, от всех сил своих и со слезами, помолись о своей сестре, чтобы милосердный бог внушил ей помышление беспрерывное истреблять о том, чтобы истреблять из своей души все те качества и свойства, которыми мы наносим неприятности, оскорблений другому. Ответ капитану матушка мне прочла. Он, по-моему, очень благоразумен. Она пишет, что предложение его приятно и ей и дочери, но что она считает долгом предуведомить его, что состоянья у ней нет теперь никакого, и потому советует сообразить с этим род жизни заблаговременно и обо всем передумать. Мне же писать письмо к нему неприлично. далее было: да и вам прежде, чем советовать мне делать это, приличнее было бы испросить у меня совета я больше вашего опыта и знаю больше вашего света. Письмо от меня было бы тогда у места, если бы он отнесся ко мне, тогда обыкновенно благодарят за честь и рассыпаются во всяких комплиментах, но письмо адресовано к матушке и притом так холодно-официально, что я бы даже и не нашелся как отвечать, точно как бы он не от своей воли, а по какому-то принуждению делает это предложение. Впрочем, далее начато: весьма может быть и от незнанья это всё стороннее. дело не в этих пустяках. Чему быть, того тому не миновать, а суженого конем не объедешь. уж если что случилось, то верно случилось потому, что так угодно было богу. дай только бог, чтобы случившееся случилось не как наказанье, а как награжденье. Зная, что счастливые супружества бывают уделом только тех, над которыми почивало неотлучное благословение родителей, которые не огорчили их ни попречным словом, ни попречным поступком, я должен вас молить, чтобы хоть в продолженьи месяца или двух неделей глядеть на мать свою, как на святую, исполняя малейшие ее желанья, не прекословля ей ни в малейшей безделушке, чтобы получить наконец получить истинное растроганно-признательное благословение, выполненное слез и благодаренья богу за детей своих, тогда далее начато: будет счастливо я бы не боялся ни за какое бы ни было супружество. далее начато: но по Бог да вразумит тебя и наставит во всем, как и чем быть полезной своей сестре.

Твой любящий тебя брат Николай.

Е. В. ГОГОЛЬ

После 22 мая 1851. Полтава.

Любезная сестра Елисавета!

Письмо твое меня смущило. смущило много Молись богу ото всех сил души, сколько их в тебе достанет. Шаг твой страшен: он ведет тебя либо к счастью, либо в пропасть. Впереди всё неизвестно; известно только то, что половина несчастья от нас самих. Молись, отправься пешком к Николаю Чудотворцу, припади к стопам угодника, моли его о представительстве, сама взвывай ото всех сил ко Христу, спасителю нашему, чтобы супружество это, замышленное без совещания с матерью, без помышления о будущем и о всей важности такого-поступка, было бы счастливо.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Что касается до меня, от всей души желаю, чтоб оно было счастливо, но желанья моего мало, счастье зависит от тебя самой.

Говей, исповедайся, принеси чистое покаянье господу во всем. Рассмотри строго всю свою жизнь. Ни в чем себя не оправдывай, но лучше обвини во всем. Много есть в нас таких качеств и свойств, которыми наносим мы неприятности и вред другому и которые, покуда еще не связана с нами судьба другого, сами по себе еще не так важны, но в супружестве бывают еще бывают причиной полного несчастья обоих. Вспомни сама, что не было человека, с которым бы ты не поссорилась, и не было приятельницы, с которой бы, покив несколько времени вместе, не произошло между вами какой-нибудь размолвки, – а ведь с мужем нужно прожить весь век. Не почитай ничтожными вещами все эти, по-видимому, мелкие капризы и упорства, стараясь от них всеми силами избавиться заблаговременно, теперь же, потому что они бывают причиной охлаждений друг к другу, страданий беспрерывных и наконец вечных разрывов. Ты в радости – я дрожу за тебя. Одна мысль о том, как тебе трудно сделаться хорошей женой, которая вся должна быть одно послушанье и небесная кротость, вводит страх неизъяснимый в мою душу, особенно, когда помыслю о том, что тебе даже неизвестна эта добродетель, последняя добродетель что ты не слушала меня ни в чем, что я тебе советовал для твоей же пользы, и далее начато: тогда что в то время, когда сестры твои по мере сил старались исполнить хотя десятую долю моих советов, просьб тебя никакими убеждениями и просьбами нельзя было заставить даже попробовать своих, сил. Как вспомню это – не могу не бояться, не могу радоваться счастью, твоему счастью которого я еще не вижу. О, да спасет тебя бог, вразумит, наставит во всем. Далее начато: ничего Молись, ничего другого не умею и не могу тебе сказать.

Твой от всей души желающий тебе счаствия брат

Н. Г.

М. И. ГОГОЛЬ

Москва. Июня 5 1851

Спешу уведомить вас, почтеннейшая и добрейшая матушка, что приехал я в Москву благополучно. Только за вас, признаюсь, мое сердце было неспокойно. Как вспомню, что вам трудов и забот теперь и всяких, может быть, огорчений! Вы же теперь всё так близко принимаете к сердцу. О, спаси вас бог за ваши беспрестанные молитвы о нас недостойных, спаси вас бог от всяких смущений и да будут все ваши годы до поздней старости исполнены одним только выражением признательности к вам детей ваших! Не думайте, чтобы я был против вступления в замужество сестер. Напротив, по мне, хоть бы даже и самая последняя, более других устроенная для жизни безбрачной, вздумала решить пожертвовать безмятежем ее на это мягкое состояние, я бы сказал: благословил с богом! если бы возможны были теперь счастливые браки. Но брак не есть теперь пристроение к месту, нет: расстройство разве; ряд новых нужд, новых тревог, убивающих, изнуряющих забот. Только и слышишь теперь раздоры между родителями и детьми, только и слышишь вопли о том, что нечем вскормить, не на что воспитать и некуда пристроить детей. И как вспомнишь, сколько в последнее время дотоле хороших людей сделались ворами, грабителями, угнетателями несчастных из-за того только, чтобы доставить воспитанье и средства жить детям, и вся Россия наполнилась разоряющими ее чиновниками. И пусть бы уж эти дети доставили им утешенье – и этого нет. Только и слышишь жалобы родителей на детей. Вот почему сердце мое так неспокойно за сестер. Неопытные, они далее начато: думают, что во всяком случае жаждут только перемены. Они создали мысль, что нынешнее положение их невыносимо и что всякое другое сноснее. Не приученные к терпению, они думают, что могут лучше распорядиться на том поприще, которое всё состоять будет из одного терпения. Как вспомню о бедной сестре Елисавете, которая уже оттого только, что недоставало сахара для гостей, издавала вопли отчаяния, – что же будет с нею потом, когда пойдут недостатки поважней недостачи сахара для гостей? Вот почему я так просил вас всех молиться. Сестер убеждал даже отправиться пешком в Диканьку, а вас ехать. Я думаю, кучер Левко передал вам мою изустную просьбу, как как можно себя приберегать в дороге, и если пройтись, то разве очень немного, потому что

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
излишнее движенье волнует кровь и вам вредно. Всего лучше молитва. А к сестрам
моя теперь просьба. Если желают, чтобы супружество это было счастливо, то далее
начато: вы лучше не составлять вперед никаких радужных планов. Лучше заранее
приуготовлять себя ко всему печальному и рисовать себе в будущем все трудности,
недостатки, лишенья и нужды – тогда, может быть, супружество и будет счастливо,
потому что и ум, привыкнув к осмотрительности заранее, обратит внимание на то,
на что нужно обращать внимание сначала. О, счастлив тот, кто мирится с своими
настоящими обстоятельствами! Будущее неверно. Вот и теперь смущает меня одно
печальное событие, случившееся, говорят, во Владимире 21 мая. Во время хода
церковного проломился мост, так что перешли одни священники, несшие иконы, а
весь народ обрушился в реку. Дай бог, чтобы капитана миновала эта опасность. Не
помните вы, от которого числа писал он свое письмо и когда думал он выехать в
Киев?

Посылаю вам деньги, занятые мною у вас в Кагорлыке, Васильевке и по дороге, при
разных случаях. По моему расчету их набралось на 10 р. серебром. Остальные 15 р.
серебром должны остаться в капитале для произведения из них уплаты в свое время
столяру по мере изготовления вещей. Передайте их сестре Анне или сестре Ольге.
Другие же 25 р. на лекарства и церковь Ольге.

Жду с нетерпением известий о всех вас.

Многолюбящий вас сын Н. Г.

О. В. ГОГОЛЬ

5 июня 1851. Москва.

Любезная сестра Ольга!

Посылаю тебе денег, сколько собралось, 25 р. серебром, на лекарства, просфоры и
прочее, что к церкви. Хорошо бы завести причастникам на запиванье бутылку меду,
но не отдавать ее в руки понамарю, а стоять самой при раздаче просфор и остаток
забирать себе. Прошу тебя обратить особенное внимание на родильниц и отложить
несколько денег, чтобы нанять нанять ей работницу на то время, когда родившая
должна пролежать в постели; для этого нужно непременно наведаться самой, чтобы
удостовериться, точно ли больная лежит в постели и точно ли работает за нее
другая. В распределении денег я пропустил Наума Дзюба, которому дай тоже
целковый. Он при мне работал хорошо, и я был им доволен, что можешь ему и
объявить. а выдать целковый из тех денег Обо всем, что случилось, как вы
доехали, как нашли все дома и что произошло без меня, уведоми.

Твой любящий брат Н. Г.

А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ

5 июня 1851. Москва.

Милые сестры Анна и Елизавета! Теперь вам не пишу за неимением времени, но скоро
буду. Ради бога, не скучайте моими письмами, теперь они вам очень, очень нужны.
Примите просто, прямо на веру, что их диктует вам одна, любовь, а не что другое,
и вы хоть сколько-нибудь, может быть, поймете тогда и меня самого.

Весь ваш

многолюбящий брат Н. Г.

Старайтесь пребывать всё это время в самом почтительном отношении к матушке и в любви ко всем.

М. И. ГОГОЛЬ

Москва. 14 июля 1851

Странно мне, что вы еще не получили письма моего со вложением денег работникам и сестре Ольге. Я писал скоро по приезде моем в Москву. На нынешнее письмо ваше отвечаю несколько поздно, потому что был в отлучке и третьего дни только приехал в город. Прошу вас и умоляю, добрейт шая матушка, еще раз не хлопотать и не заботиться ни о чем. Вы видите, всё строит бог. Право, нам только нужно повторять: да будет святая воля божья во всем! Не знаю, удастся ли мне приехать на свадьбу сестры, хоть и желал бы очень. Обстоятельства мои трудненьки. Но пусть будет так, как устроит бог. Отправьте одно письмо Владимиру Ивановичу Быкову в Киев, потому что я не знаю, как адресовать, а другое сестре Елизавете.

Ваш истинно любящий вас сын Николай.

Молитесь обо мне!

В. И. БЫКОВУ

Москва. Июля 14 1851

Душевно рад иметь вас как родного и близкого человека. Сестра моя Елисавета не без качеств, могущих составить счастье мужа, если только будет постоянно о том молиться богу. В письме своем к моей матушке пишете вы, что узнали нужду и уже привыкли к неприхотливой жизни. Ради бога, не оставляйте такой жизни никогда, но, напротив, полюбите более, чем когда-либо прежде, бедность и поведите жену свою таким же образом с первых же дней замужества. Ковать железо нужно, покуда горячо: жена в первый год замужества – гибкий воск, с которым в подлиннике: с которой можно сделать всё. Пропустите – будет поздно! Счастлив тот, кто с первых же дней после бракосочетания установит у себя в доме правильное распределение времени и часов и для себя и для жены, так, чтобы и минуты не оставалось пропадающей даром, и чтобы таким образом ко времени, когда им сходиться друг с другом, накопилось бы у обоих о чём пересказать другому, и предмет для разговора никогда бы не истощевался. Такими, по-видимому, неважными вещами надолго скрепляется связь. Я видел много на веку своем всяких супружеств: счастливей из них были те, когда тот и другой, т. е. муж и жена, соединялись затем, чтобы вести истинно деятельную, отданную трудам жизнь. далее начато: Но Бог вас благослови и вразуми во всем! Буду стараться приехать к вам на свадьбу, хоть и не знаю, дадут ли на это возможность, покуда несколько затруднительные мои обстоятельства.

Ваш весь Н. Гоголь.

На обороте: Владимиру Ивановичу Быкову.

Е. В. ГОГОЛЬ

Москва. Июля 14 1851

Милая сестра моя Елисавета! Письмецо твое с известием, об обручении получил. От всей души желаю, чтобы супружество ваше было счастливо вполне. Молился об этом, несмотря на бессилье молитв моих; просил твоего прежнего духовника, отца Сергея (Тарновского), молиться о тебе. Он – человек истинно благочестивый и молящийся,

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
может быть, бог вонмет его молитвам, но повторяю тебе – всего этого мало. Нужно
тебе самой молиться (и молиться беспрестанно), чтобы вразумил тебя бог, как быть
в этом новом званье, как сбросить с себя, как искоренить в себе все эти (увы! мы
их называем незначительными мелочами), которыми наносим мы несчастие связанным с
нами людям и, стало быть, себе самим. Бог тебя да наставит! О прочем не
забочься. Пожалуста, уговаривай всех в доме не делать никаких сборов и
приготовлений к твоей свадьбе. Они будут для тебя, по доброте своей, лезть изо
всех сил и жертвовать всем, чтобы накопить тебе всякого тряпья, но всякий сундук
будет тебе в тягость: ты – женщина походная, твой муж военный, у которого
квартира не должна быть велика, а потому не следует стеснять ее и загроможивать
жениным дрязгом. Толкуй, пожалуста, всем им всем это. Я видел и графинь,
выходивших замуж за военных и у которых, кроме узелка и небольшой шкатулки,
ничего не было. В этом случае можешь позволять тебе не послушать старшей сестры,
которая несколько-заражена страстью ко всему парадному. Придумать какую-то
кочь-карету – это, пожалуй, пожалуй что было бы даже вроде великодушного
движенья далее начато: но если бы так она ее со стороны того, кто бы сам купил
ее на свои деньги. Но делать предписанье мне, другому не сообразя, есть ли
какая-нибудь на это возможность, далее начато: зная, что мне едва было на чем
выехать из дома и что я говорил не один раз о том, что не рассудивши притом, что
в один месяц не делается никакой экипаж, и который и не берется мастер здесь в
Москве сделать иначе как в год... Грустно Грустно мне бывает, когда с
опрометчивостью соединяется еще и безболезнь к положению к кому к положению
близкого человека. Друг мой сестра! Неужели ты думаешь, что я пожалел бы помочь
тебе? Но войди в мое положение: говорю тебе, что если я умру, то не на что
будет, может быть, похоронить меня, вот какого рода мои обстоятельства. Я думал
было, приехавши в Москву, поправить житейские дела свои, но встретил препятствия
на всяком шагу. Денежные обстоятельства мои плохи. Видно, богу угодно, чтобы мы
оставались в бедности. Да и признаюсь, полная бедность гораздо лучше
средственного состояния. В средственном состоянии приходят на ум всякие замашки
свыше состояния: и кочь-карета, и досада на то, что не в силах ее сделать, и
мало ли чего на каждом шагу. А когда беден, тогда говоришь: «я этого не могу» –
и спокоен. Милая сестра моя, люби бедность. Тайна великая скрыта в этом слове.
Кто полюбит бедность, тот уже не беден, тот богат. Истину говорю тебе и чем дале
живу, тем более ее чувствую. Недаром бог не хочет, чтобы иные многие люди люди
были богаты: трудно богатому спастись. Сказавши тебе всё это, буду, однако же,
всячески стараться достать хоть сколько-нибудь денег, чтобы купить для вас
маленьку подержанную колясочку, иногда они достаются дешево, и если будет
возможность и средства, приеду, может быть, в ней сам, но ничего не могу
обещать, наверно, как бы ни желалось мне обнять тебя лично, поздравить и
пожелать всякого добра, добра истинного, прекрасного, а не ложного и
обманчивого, за которым так гонятся люди.

Твой весь брат Николай.

Напиши мне, в какой день сентября назначена ваша свадьба.

На обороте: Милой сестре моей Елисавете.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Москва. 15 июля 1851

Пишу к тебе из Москвы, усталый, изнемогший от жару и пыли. Поспешил сюда с тем,
чтобы заняться делами по части приготовленья к печати «Мертвых душ» второго
тома, и до того изнемог, что едва в силах водить пером, чтобы написать несколько
строчек записки, а не то, что поправлять или даже переписать то, что нужно
переписать. Гораздо лучше просидеть было лето дома и не торопиться, но желанье
повидаться с тобой и с Жуковским было причиной тоже моего нетерпенья. А между
тем здесь цензура из рук вон. Ее действия до того загадочны, что поневоле
начнешь предполагать ее в каком-то злоумышлении и заговоре против тех самых
положений и того самого направления, и правил которые она будто бы (по словам
ее) признает. Ради бога, пожертвуя своим экземпляром сочинений моих и устрой
так, чтобы он был подписан в Петербурге. Здешние бабы-цензора отказываются даже

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
и от напечатанных книг, особенно если они цензурены петербургским цензором. А
второе издание моих сочинений нужно уже и потому, что книгопродавцы делают
разные мерзости с покупщиками, требуют по сту рублей за экземпляр и распускают
под рукой вести, что теперь всё запрещено. В случае, если и в Петербурге
какие-нибудь придирики насчет, может, каких-нибудь фраз, то Смирнова мне сказала,
что великая княгиня Марья Николаевна просила ее сказать мне, чтобы в случае чего
обратиться прямо к ней. Это она говорила о втором томе «Мертвых душ». Нельзя ли
этим воспользоваться и при 2 издании сочинений? Прежде хотел было вместить
некоторые прибавления и перемены, но теперь не хочу: пусть всё остается в том
виде, как было в 1 издании. Еще пойдет новая возня с цензорами. Бог с ними!
Писал бы еще кое о чём, но в силу вожу пером. Весь расклеился. Передай душевный
поклон мой достойной твоей супруге, о которой кое-что слышал от Смирновой.
Балабиным, если увидишь, также мой душевный поклон. Получил пересланное тобой
описание филармонического филантропического быта в большом свете, по поводу
«Мертвых душ». Две страницы пробежал: правописанье не уважается и грамматика
плоха, но есть, показалось мне, наблюдательность и жизнь. Ради бога, передай,
что знаешь о Жуковском, да и о себе также. Письма адресуй по-прежнему на имя
Шевырева.

Твой весь Н. Гоголь.

Правда ли, что кн. Вяземский в сильной хандре?

АРХИМАНДРИТУ МОИСЕЮ

Середина июля 1851. Москва.

Так как всякий дар и лепта вдовы приемлятся, примите В подлиннике: принимите и
от меня небольшое приношение по мере малых средств моих (двадцать пять рублей
серебром). Употребите их по усмотрению вашему на строительство обители вашей, о
которой приятное воспоминанье храню всегда в сердце своем. Очень признателен вам
за ваше дружеское гостеприимство и усердно прошу молитв ваших о мне грешном.
Неотступно прошу, чувствуя в них сильную надобность.

Много благодарный вам

Николай Гоголь.

Покорнейше прошу передать при сем приложенное письмо достойному отцу Макарию.
Если пожелает он узнать мой адрес, то вот он:

Николаю Васильевичу Гоголю в Москву, в дом Талызина на Никитском булеваре.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

25–26 июля 1851. Москва.

Убедительно прошу тебя не сказывать никому о прочитанном, ни даже называть
мелких сцен и лиц героев. Случились истории. Очень рад, что две последние главы,
кроме тебя, никому неизвестны. Ради бога, никому.

Обнимаю тебя. Твой весь.

А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Москва. Июль 1851

О суете вы хлопочете, сестры. Никто ничего от вас не требует – так давай самим задавать себе и выдумывать хлопоты! Жених – человек неглупый: просит и молит о том только, чтобы ничего не готовить, так давай самим. Не спорю, что хорошо бы и то и другое, да если нет, так что тут хлопотать? На нет и суда нет. Тут хоть тресни, а из ничего и сваришь ничего. Тут как пусть себе ни досадует сестра Анна (которая любит вперед сочинить план, не спро-сясь с карманом, а потом выходить из себя, когда план не выходит, как ей хочется) – не даст как не даст бог возможности, ничего не сделаешь. А мой совет – свадьбу поскорей да и без всяких приглашений и затей: обыкновенный обед в семье, как делается делается теперь это и между теми, которые нас гораздо побогаче, – да и всё тут. А какой-нибудь щебетунье-соседке, любящей потолковать о приданом, сказать, что это не всё, что обещал, мол, брат выслать белья и всего из Москвы через месяц – и ни слова больше. Хотел бы очень приехать если не к свадьбе, то через недели две после свадьбы – но плохи мои обстоятельства. Далее начато: Никак не устроил дел своих так, чтобы иметь средства прожить эту зиму в Крыму (Начато: там нужно будет проезд не по карману, платить за квартиру и стол тоже не по силам), и поневоле должен остаться в Москве. Последняя зима была здесь для меня очень тяжела. Боюсь, чтобы не проболеть опять, потому что суровый климат действует на меня с каждым годом вредоносней, и не хотелось бы мне очень здесь остаться. Но наше дело – покорность, а не ропот. Сложить руки крестом и говорить: да будет воля твоя, господи! а не сделай так, как я хочу!

Посылаю тебе, сестра Елисавета, просимые тобою евангелие и библию, желаю от всей души заниматься более внутренним духом их, чем наружностью и переплетом. А тебе, сестра Анна, – Лавсаик, золотую книгу, если только ты ее раскусишь и будешь беспрестанно молиться молитвой Ефрема Сирина: «Дух же терпения, смирения, любви даруй мне!» О, если бы тебе хоть сколько-нибудь терпенья и покорности – душа бы твоя сияла, как голубка. Даже и самое лицо светлеет, когда в душе обитает покорность, точно так же, как безобразно свирепеет оно, когда бес нетерпенья колеблет душу. О, настави и вразуми всех нас, боже! Молитесь обо мне: я сильно изнемог и устал от всего.

Любящий ваш брат Николай Г.

Что мне не дадите адреса Владимира Ивановича? Ведь мне ж придется отвечать на письмо.

На обороте: Любезным моим сестрам Анне и Елисавете.

Е. П. РЕПНИНОЙ

Москва. Августа 3 1851

Соскучился без вестей о вас, добрейшая княгиня Елисавета Петровна. Отклиknитесь двумя строчками, где вы, что вы и как вы. Я в Москве и о вас вспоминаю часто. Передайте от меня также душевный поклон княгине и княжне; скажите им и себе и князю, супругу вашему, что я вам всем обязан много за мое минувшее приятное пребыванье в Одессе. Сколько буду времени в Москве, не знаю. Куда на зиму и остаюсь ли здесь – тоже покамест мне неизвестно: всё зависит от устроения обстоятельств литературных и всяких. Адрес мой: на Никитском бульваре, в доме Талызина.

Ваш весь всею душою Н. Гоголь.

А. Д. БЛУДОВОЙ

Лето 1851. Москва.

душевно рад; а в какой степени и будет ли удовлетворено ваше нетерпенье – это покуда весть бог. Условие было – сказать во всяком случае всё, что на душе.

Ваш весь Н. Гоголь.

На обороте: Ее сиятельству графине Антонине Дмитриевне Блудовой.

В. Н. ЛЕШКОВУ

Лето 1851. Москва.

Милостивый государь Василий Николаевич!

Узнавши, что в цензуре есть новые запрещения, вследствие которых не только все новые сочинения, но и старые, прежде отпечатанные, подвергаются сызнова строгому пересмотру, я прибегаю к вам с просьбой спасти доселе отпечатанные мои сочинения от уничтожений, от изменений, переправок и пробелов и дать возможность изданья их в том виде, как изданы они до сих пор. Образ мыслей моих совершенно известен и государю императору и государю наследнику. В сочинениях моих насмешки не над правительством, но над людьми, злоупотребляющими, употребляющими во зло доверие правительства, не над постановлениями, законами но над злоупотреблениями их. постановлений Всё это у недальновидного цензора часто смешивается далее начато: с теми сочинениями, которые имеют восп в понятии и заставляет его с боязнью смотреть на невинную, сколько-нибудь резкую фразу, как на вредную Далее начато: неблаго и недостойную русского 1 нрзб., заставляет смотреть подозрительно 1 нрзб.. . Далее начато: Кроме жалости личной за свои сочинения Я прошу вас об этом уже и потому, что книгопродавцы для своих собственных выгод уже начинают распускать слух, что сочинения мои будут цензурой запрещены, и берут, а люди покупают, вшестero большую цену за немногие ныне оставшиеся экземпляры. Уничтожение каких-нибудь двух-трех резких фраз и выражений, конечно, для меня ничего ? с 2 нрзб., это не послужило бы тем, кто сочинения мои знает наизусть: их непропущение мысленно будет вноситься читателем с той только разницей, что станет подозревать в приписываемом, чего даже, такой смысл, какого ни я з нрзб., может быть, сама цензура или далее начато: автор сами знаете, какой.

С совершенным почтением

М. И. ГОГОЛЬ

Москва. Сентября 2. 1851

Очень понимаю, почтеннейшая и добрейшая матушка, что прискорбно вашему материнскому сердцу выдать дочь, не наделивши ее всем, чем бы вам хотелось, но поймите также, что прискорбно мне видеть, как чрез это положенье ваше и всех вас станет еще тягостней и затруднительней. Эти бедные браки, заключаемые с займами денег на самую свадьбу, тем уже тяжелы, что новому дому помочь никакой, а старый до последнего разоряется. «Будем жить собственными трудами!» Этих слов не вправе сказать даже и те, которые умеют трудиться. Думал и я, что буду всегда трудиться, а пришли недуги – отказалась голова. Рад бы лететь к вам, со страхом думаю о зиме. Крым мне нужен. Здоровье мое сызнова не так хорошо, и, кажется, я сам причиню. Желая хоть что-нибудь приготовить к печати, я усилил труды и чрез это не только не ускорил дела, но и отдалил еще года, может быть, на два. Бедная моя голова! Доктора говорят, что надо ее оставить в покое. Вижу и знаю, что работа, при моем болезненном организме, тяжела; это не то, что работа рук или на воздухе и даже обыкновенная письменная. Головная работа такого рода, как моя, всех тяжелей. Молитесь обо мне, добрейшая моя матушка. На ваши теплые, на ваши близкие моему сердцу молитвы много у меня надежды. Трудно, трудно бывает мне!.. Скажите сестре Анне, что стыдно ей до сих пор быть ребенком. Ее оскорбило мое замечание, что она большую цену дает всяким приличиям, и она плакала. Может

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
быть, и меня тронуло ее жестокосердие, когда, зная затруднительное мое положение, написала она мне купить на свои деньги коляску, но я не плакал. Замечанье вовсе не было сделано с тем, чтобы оскорбить ее. Ведь это ж, если оскорбляться замечаньями старшего и притом любящего нас человека, тогда можно до того воспитать строптивость своего характера, что уж не в силах будешь перенести и малейшего противоречия. Замечанья мои я говорю очень не даром, и почему знать, если бы их смиренno принять, вместо того, чтобы раздражаться, может быть, в них открылся бы другой смысл. Многое я говорю, соображая и будущее, и настоящее, и, наконец, такие обстоятельства, относящиеся к положению всего государства и нашего края, которые покуда известны только мне да тем, которые присматриваются получше к тому, что делается в нашем отечестве. И вот вам говорю, что с каждым годом будет затруднительней достать место, трудней пристраивать детей, бедственней всем, имеющим семейства. Правительство, видя, что размножились чиновники до того, что нужно для содержания их отягощать новыми налогами государство, старается значительно уменьшить места, да и много есть такого теперь, о чем много говорить, что если дворяне не оставят своих привычек и всех этих будто бы необходимых приличий, – их участь будет самая плачевная и горестная. Стало быть, замечанья мои были очень не даром. Но знаю и то, что если трудно уметь давать умные советы, то еще труднее уметь их выслушать и воспользоваться. Это дело или очень умного, или очень смиренного человека, далее начато: тщеславный или дурно воспитанный прежде всего поразится а потому и не удивляюсь, что сестры мои прежде, чем вникнуть в дух моих слов, ищут, нет ли в них чего-нибудь оскорбляющего их личное самолюбие и достоинство. «Чего поищешь, то и найдешь», говорит пословица. Бог да вразумит их и наставит во всем. О, как нужно всем нам вразумление свыше! Но если недостает в сердцах наших полного смиренья, то как нам вразумиться свыше? Молитесь обо мне, добрейшая моя, родная душа моей матушки. Часто мне бывает трудно, очень, очень трудно. дела Делать нужно так много, а сил так мало! О, да подаст бог вашими материнскими, угодными ему молитвами здоровье и силу на труд и святое вразумление для него свыше!

Весь ваш, всею душою любящий вас и признательный сын

Н. Г.

На поездку мою в Крым мало имею надежды. Один было мой знакомый хотел подвезти в своем экипаже и на своих издержках, но теперь оказывается, что он едет день и ночь, спешит так, что, если бы я вас и увидал, то на две минуты.

Объясните, почему вы все-таки не присыпаете адреса Владимира Ивановича? далее начато: Я бы к нему

Е. В. ГОГОЛЬ

Сентября 2 1851. Москва

душевно восскорбел я об утрате нашего добрейшего соседа Гаврила Семеновича, о которой ты извещаешь меня, любезная сестра! Мир душе его! Молился и молюсь о нем. Передай мое душевное участие Надежде Гавриловне. Я не сомневаюсь в том, что вы обе при ней теперь неотлучно. В это время в таком случае нужно всё позабыть свое и думать о другом. Не благодари еще покуда меня за подарок, хоть мне и очень бы хотелось его сделать тебе. Ты, кажется, нехорошо прочла далее начато: в мое письмо, там столько было всяких условий. Если поеду в Крым, если достану денег и если отыщу подержанную дешевую колясочку. Видишь ли, сколько всяких если. Что ж делать, нужно снизойти и к моему затруднительному положению и быть терпеливу. Покуда не сделал ничего, но бог милостив: не теперь – позже, авось как-нибудь, но обещать наверно – не обещаю и ничего и не могу. Бог тебя да хранит, наделивши кротостью и небесной красотой терпенья, так необходимых в предстоящем тебе новом звании.

Твой искренно любящий тебя брат.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
на обороте: Сестре Елизавете.

А. С. и У. Г. ДАНИЛЕВСКИМ

Июль–до 18 сентября 1851. Москва.

Много, много вас благодарю, милые, добрые кум и кума, за ваши строчки. Душевно бы рад был обнять вас обоих лично, но не знаю, как это сделать, позволят ли всякие обстоятельства приехать в Малороссию. Это сделать с одной стороны, здоровье (которое опять стало плохо) требует переезда хоть в Крым, с другой – есть много причин, не дающих сделать этот переход. Душевно сожалею, друг и кум. Александр Семенович, что и твое также здоровье, говорят, не в большом порядке. Но, видно, уж так следует, нужно терпеть да молиться. «Денег нет перед деньгами», – говорит пословица. Так, может быть, и здоровье. По крайней мере, от всей души прошу его и тебе и себе, чтобы на старости лет распить когда-нибудь бутылку старого вина и вспомнить всё пройденное время и благодарно, признательно поблагодарить бога за жизнь.

Твой весь Н.

Бог да хранит вас обоих с детками. Александру Михалычу, если увидите, душевный поклон.

на обороте: Александру Семеновичу Данилевскому.

В. И. БЫКОВУ

2–18 сентября 1851. Москва.

Не знаю, буду ли к вам на свадьбу, как искренно и душевно того ни желаю. Во всяком случае, поступите, по-моему, благоразумно, если, не дожидаясь меня, поспешите со свадьбой. Матушка и сестры мечутся теперь всюду, как угорелые кошки, чтобы накопить поболее для невесты всякого белья и тряпья. На это они усадят много денег, если только их где-нибудь достанут, достанут и займут а вам с этим тряпьем будет только возня. Пожалуста, уверьте, что ваша жизнь бывальная и что вам некуда девать этот сор, а что лучше, если они могут это исполнить потом. Не торопясь, они изготовят это постепенно к какому-нибудь другому времени. Словом, чем-нибудь отклоните их и скажите, что вам так хочется исполнить мою просьбу поспешить с бракосочетанием.

М. И. ГОГОЛЬ

18 сентября 1851 Москва

Сейчас только что получил письмо ваше, бесценнейшая моя матушка. Обстоятельства мои, может быть, еще так устроятся, что я попаду к вам 1-го октября, проездом в Крым. Очень меня только тревожит, что вы не так здоровы. Бог да восстановит и укрепит вас! Ради бога, ничем не смущайтесь и молитесь. Всё бог устроит к наилучшему. дал бы он только силы мне окончить свое дело.

Ваш всегда любящий сын Николай.

С. В. СКАЛОН

18 сентября 1851. Москва.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru

Сейчас получил письмо от матушки. Она не так здорова. Не от хлопот ли? Ради бога, будьте при ней и утешите ее. Я сам надеюсь приехать вслед за вами и, может быть, на днях выезжаю.

Ваш весь Н. Гоголь.

С. Т. АКСАКОВУ

Москва. 20 сентября 1851.

От всей души и от всего сердца поздравляю вас, бесценный друг Сергей Тимофеевич, со днем вашего рождения. Весьма жалею, что не с вами сижу за кулебякой, но тем не менее и душой и мыслями с вами. Здравствуйте, бодрствуйте, готовьтесь своих птиц, а далее начато: мне пожелайте я приготовлю вам душ, пожелайте только, чтобы они были живые, так же, как живы ваши птицы. Всех обнимаю, всех вас до единого целую мысленно и прошу не забывать меня в молитвах.

Ваш весь Н. Г.

Пишите ко мне в Полтаву, а потом в Симферополь, на имя Княжевича.

На обороте: Бесценному другу Сергею Тимофеевичу.

С. Т. АКСАКОВУ

21 сентября 1851. Москва.

Перед выездом захотелось мне еще раз поздравить вас, бесценный друг Сергей Тимофеевич, и со днем рождения и с наступающим днем именин. Вспомните обо мне, а я о вас, и мысленно помолимся друг о друге, чтобы дал господь сил. А Ольга Семеновна и милые ваши детки, может быть, помолятся и у самого Сергия.

Ваш весь Н. Г.

Пожалуста, не позабывайте писать.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

М. И. ГОГОЛЬ

Сентября 22 1851. Москва

Еще пишу к вам несколько строчек, почтеннейшая матушка. Последнее Последнее ваше письмо с известием, что вы нездоровы, не так здоровы меня много огорчило. Вероятно, нездоровье ваше от множества хлопот по случаю свадьбы сестры. Но если думать обо всем, то конца не будет хлопотам. Я, чтоб и вас утешить, решился ехать сам, но вы никак не останавливайтесь с днем свадьбы и меня не ждите. Мне нельзя скоро ехать. Нервы мои так расколебались от нерешительности, ехать или не ехать, что езда моя будет нескорая; очень нескорая даже опасаюсь, чтобы она не расстроила меня еще более. Притом я на вас только взгляну и поскорее в Крым, а потому вы, пожалуста, меня не удерживайте. В Малороссии остаться зиму для меня еще тяжелей, чем в Москве. Я там захандрю и впаду в ипохондрию. Мне необходим такой климат, где бы я мог всякий день прогуливаться. В Москве, по крайней мере, теплы и велики дома, есть тротуары и улицы. Расстройство же нынешнее моего

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
здоровья произошло от беспокойства и волнения и в то же время от сильного жару, какой был во все это время, который при котором так же, как и как и во время холода, раздражает сильно мои нервы, особенно если дух неспокоен, а виной этого неспокойства был я сам, как и всегда мы сами бываем творцы своего беспокойства, именно оттого, что слишком много даем цены мелочным, нестоющим вещам. Бог да хранит ваше здоровье, так нужное нам! Поверьте, что ваши молитвы о нас гораздо полезнее ваших беспокойств. Ваши теплые материнские молитвы гораздо лучше устроят обстоятельства всех нас, чем ваши хлопоты и заботы. И я верю, что если в тихом настроении умиленного духа будете молиться обо мне, то бог мне даст силы исполнить свое дело и труд честно и добросовестно и притом без изнурения здоровья.

Ваш весь многолюбящий сын Николай.

ИЕРОСХИМОНАХУ МАКАРИЮ

25 сентября 1851. Оптина пустынь.

Еще одно слово, душе и сердцу близкий отец Макарий. После первого решения, которое имел я в душе, подъезжая к обители, было на сердце спокойно и тишина. После второго как-то неловко и смутно и душа неспокойна. Отчего вы, прощаешься со мной, сказали: в последний раз? Может быть, все это происходит оттого, что нервы мои взволнованы, в таком случае боюсь сильно, чтобы дорога меня не расколебала. Очутиться больным посреди далекой дороги меня несколько страшит. Особенно, когда будет съедать мысль, что оставил Москву, где бы так бы меня не оставили в хандре.

Ваш весь.

Скажите, не говорит ли вам сердце, что мне бы лучше было не выезжать из Москвы?

С. Т. АКСАКОВУ

30 сентября 1851. Москва.

Сегодня, может быть, буду у вас. А слухам никаким не верьте. Слухи для того уже и существуют на свете, чтобы им быть слухами. Пропущены или не пропущены, стоит ли это того, чтобы предаваться ребяческой радости радоваться им или печалиться.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

30 сентября 1851. Москва.

Очень жалею, что тебя не дождался. Я ждал до 12 часов. Попечитель на другой день после моего отъезда, 23-го октября, приезжал с известием, что он пропускает все и что нужно обыкновенным порядком только доставить цензору, который прямо подпишет, и дело готово. Стало быть, с министром нечего об этом и толковать. Я еду к Троице с тем, чтобы там помолиться о здоровье моей матушки, которая завтра именинница. Дух мой крайне изнемог; нервы расколеблены сильно. Чувствую, что нужно развлечение, а какое – не найду сил придумать.

Твой весь Н. Г.

Боюсь я, чтобы министр не сбил теперь с толку попечителя и не произошла опять каша. До моего приезда ничего не предпринимай.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
На обороте: Степану Петровичу Шевыреву.

М. И. ГОГОЛЬ

Конец сентября 1851. Москва.

Поздравляю вас и обнимаю от всей души, почтеннейшая, добрейшая моя матушка, и вас также, милые сестры. Бог да ниспошлет вам, что нужно для спокойствия и счаствия прочного! До самых сих пор всё думал, что как-нибудь изворочусь с своими обстоятельствами и попаду к вам. Но как экономно ни рассчитывал, всё видел, что поездка моя в Крым не по возможности и деньгам. Душа скорбит, что не могу провести с вами эти дни, и оттого еще больше расклейлся весь мой состав. Но бог милостив. Вашиими усердными молитвами он меня подкрепит. Молитесь обо мне, бесценнейшая, добрейшая моя матушка; чувствую, что всё здоровье мое зависит от ваших молитв.

Ваш весь многолюбящий сын Н. Г.

М. П. ПОГОДИНУ

Сентябрь 1851. Москва.

Павел Васильевич Анненков, занимающийся изданием сочинений Пушкина и пишущий его биографию, просил меня свести его к тебе затем, чтобы набрать и от тебя материалов и новых сведений по этой части. Если найдешь возможным удовлетворить, то по мере сил удовлетвори, а особенно покажи ему старину, авось-либо твоё собрание внушил уважение этим господам, до излишества живущим в Европе.

М. И., А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ

Октября 3 1851. Москва

Не удалось мне с вами повидаться, добрейшая моя матушка и мои милые сестры, нынешней осенью. Уже было выехал из Москвы, но, добравшись до Калуги, заболел и должен был возвратиться. Нервы мои от всяких тревог и колебаний дошли до такой раздражительности, что дорога, которая всегда была для меня полезна, теперь стала даже вредоносна. Видно, уже так следует и угодно богу, чтобы эту зиму остался я в Москве. На прожитье в Крыму вряд ли бы достало средств. Здесь же, в Москве, теперь доктор, успешно лечащий нервические болезни наружными вытираньями и обливаниями холодной водой. Бог, иде же хощет, побеждает естества чин. А потому верю, что если вы будете обо мне усердно молиться, то и здесь соберутся во мне силы и я буду здоров и годен для труда и работы. Коляску же, в которой я ехал к вам, отправил из Калуги в Полтаву к Софье Васильевне, которая вам перешлет с тем, что если она не понравится сестре Елисавете, вы оставьте себе, а ей отдайте вашу. Коляска эта не щегольская и не новая, но для дороги очень удобна, покойна и легка. Если бы из занятых вами денег вы прислали мне хотя двести рублей серебром, я бы, приложивши к ним сотни полторы своих, мог бы купить по случаю такую коляску, далее начато: за которая стоит тысячи две-три, а теперь эти деньги, верно, расплылись на всякие тряпки, которым сестры мои дают такую цену. По-моему, трехсот рублей было бы достаточно: сто рублей на шубу, сто рублей на прикупку серебра, на серебро сто рублей на белье и остальные 700 руб. серебром лучше бы придержать на многое, гораздо нужнейшее. А теперь бедному Владимиру Ивановичу много будет возни с жениными вещами, вовсе не нужными для скромной жизни, какая должна быть у них. Виной всему то, мои милые сестры, что вы, позабывши свое бедное состояние, поставили себя в ранг стодушных невест, а потому и стали соображаться с тем, что нужно для помещиков, у которых около сотни душ. А если бы вы поставили себя в ряд людей, у которых двадцать душ, вы бы и половины не сделали тех издержек. Вы почувствовали бы, что в замужестве следует жить вам еще проще, чем в родительском доме, белье носить еще потолще, чем носили. Ну, рассудите сами, когда будет случай людям, имеющим какое-нибудь двадцатидушное поместье, носить голландские рубашки? Не огорчайтесь, милые

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru сестры, моими замечаньями: одна любовь их говорит, а не что другое. Нет, друг мой Елисавета, если бы ты хотя в половину имела той любви ко мне, какую говоришь, ты бы лучше оценила слова мои, основанные на познанье главных вещей в жизни, а не мелких. Вот и теперь, мне сказывали Аксаковы, ты имеешь планы ехать и в Москву и к родным Владимира Ивановича. Друг мой, всё это стоит издержек и притом расстроивает еще не успевший устроиться порядок. Новобрачным следует вначале прожить вместе одним, одним, не призывая к себе ни сестры, ни матери, никого. Один Христос только должен быть посреди их, во имя которого они заключили брак. Всякое третье лицо будет помешательством. После, когда установится между вами жизнь и устроится дом, вы можете делать разъезды, или пригласить кого к себе быть свидетелем вашего согласия. Обо всем этом поразмысли, друг мой. Жаль мне, что не я в таких теперь обстоятельствах, чтобы прислать подарочек на новое хозяйство. Он будет за мной. После, когда разживусь, покуда посылаю тебе ящичек для письма. А ты, милая сестра моя Анна, не поскучай своим пребыванием с матушкой в деревне. Без тебя ей будет казаться очень пустынно. Займитесь осенью вместе с Ольгой садкой дерев. А если тебе уж очень соскучится зимой, то советую тебе отправиться погостить к Марье Николаевне и в особенности сблизиться с Катериной Власьевной, у которой ты многому можешь научиться относительно того, как устроить в деревне лучший порядок и действовать благотельно на нравственность крестьян и домашних. Христос с вами, мои добрые и милые, молитесь обо мне все. Молитесь обо мне, добрейшая моя матушка. Мне теперь очень нужны молитвы всех вас.

Всех вас всею душою и всем сердцем любящий

Николай Г.

В день ваших именин, матушка, молился я у мощей св. Сергея В подлиннике: Сергея о вас и о всех нас. Здоровье ваше с новобрачными было пито за обедом у Аксаковых, которые все вас поздравляют. К Владимиру Ивановичу буду писать.

О. В. ГОГОЛЬ

3 октября 1851. Москва.

Милая сестра Ольга Васильевна, посылаю тебе 10 рубл. серебром на всякие надобности для бедных и лекарства. Рад, что ты устроилась хорошо в своей комнате. Не оставляй уведомлять обо всем, что касается тебя и всех вас.

Твой брат Н. Г.

С. В. СКАЛОН

Октября 3 1851. Москва

Отправившись из Москвы неделей после вас, я на дороге заболел и должен был возвратиться опять вслед за вами в Москву. Нервы мои, расколебленные всякими тревогами, до того раздражились, что дорога и езда, доселе всегда благотворно действовавшие на здоровье мое, теперь стали действовать совершенно напротив. Коляску, которую припас себе для езды в Крым, я решился отправить вам в Полтаву с тем, чтобы ее переслали матушке, которая, буде коляска понадобится сестре, передаст ей, а не то оставит в Василевке. Коляска эта, несмотря на то, что не нова, очень покойна и легка, для поездок удобна и, по мне, людям, имеющим двадцать душ поместья, неприлично щеголять в новой коляске. Посылаю вам 50 рублей серебром, из которых сорок прошу убедительно вручить доставшему ее извозчику, крестьянину Рахманову Федоту Сергееву, буде все будет в исправности и не изломано, а десять передать сестре Ольге на бедных и больных. Коляска далее начато: должна иметь? имеет форму кочь-кареты. Стекла такие, как и в карете, стало быть, как желала сестра Елисавета. Прийти она должна около 10 октября. Ключи от сундуков (два ключа наружных и 3 внутренних) числом пять находятся в

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
боковом кармане внутри коляски, что вверху.

Затем мысленно целую ваши ручки за всё вам благодарный

Н. Гоголь.

С. Т. АКСАКОВУ

4–5 октября 1851. Москва.

Очень вас благодарю, бесценный друг Сергей Тимофеевич. Доехал я весьма благополучно; кучер не грубил. Здоровье мое идет понемногу, нервы еще успокоились не совсем, но, кажется, как будто покрепче. Работается крайне туга, и времени нехватает ни на что, точно крадет его лукавый. Как вы? Я боялся за вас в эти сырье солнечные с виду солнечные дни, чтобы вы, сидя над прудом, не простудились. Пожалуста, не поддайтесь сами на удочку, которой поддевает нас нынешняя обманчивая погода. Если будет тепло, то на следующей неделе, может быть, загляну к вам. Ольге Семеновне душевный поклон! Константина Сергеевича обнимаю, а с ним вместе и весь дом.

Ваш весь Н. Гоголь.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

С. Т. АКСАКОВУ

Октябрь 1851. Москва.

Слава богу за всё! Дело кое-как идет. Может быть, оно и лучше, если мы прочитаем друг другу зимой, а не теперь. Теперь время еще какого-то беспорядка, как всегда бывает осенью, когда человек возится и выбирает место, как усесться, а еще не уселся. Месяца через два мы, верно, с божьей помощью приведем в больший порядок тетради и бумаги, тогда и чtenье будет с большим толком и с большей охотой. Обнимаю вас от всей души. Здоровье приберегайте да и приготовляйтесь тоже понемногу к сооружению конторки для писанья, предоставляя работу, требующую силы, Константину Сергеевичу, а всё, что относится до аккуратности и мелкой отделки, себе.

Ваш весь Н. Г.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

В. И. и Е. В. БЫКОВЫМ

Москва. 8 ноября 1851

Очень вас благодарю, милые брат и сестра! Бог вас да настроит и вразумит в новом житии! Не позабывайте только моей убедительной мольбы, чтобы вся ваша жизнь проходила в труде и особенно в таком, который бы приводил всю кровь в движенье и не давал бы засиживаться на месте. Опишите мне ваш день.

Ваш брат

искренно любящий Н.

Андрею Андреевичу передайте мое всегдашнее душевное, искреннее уважение, а Дмитрию Андреевичу братский поцелуй.

М. И. ГОГОЛЬ

Ноября 20 1851. Москва

Письмо ваше от 24 октября получил, почтеннейшая матушка. Здоровье мое, славу богу, понемногу поправляется, хоть и не могу похвалиться совершенным восстановлением его. Всё зависит от бога. Будем молиться богу. Не стройте, повторяю снова, никаких затей и планов для детей своих в будущем и останавливайте воображение, которое так любит у человека разгуливать. Лучше смиленно молитесь о том, чтобы дети ваши спаслись, и ничего больше, а там что кому бог пошлет, это его дело. Теперь у вас голова, я замечаю, наполнена мыслями о женитьбах. Гоните от себя мысли эти: они мешают заниматься настоящим. Разве женитьбу лизы вы устроили? Этим скорее могу похвастаться я, принудивши ее ехать в прошлом году в Кагорлык. Но ни вы, ни я не имели этого в предмете. Это устроил бог для нее. Нужно было выйти замуж – она и вышла, так же, как для иной другой нужно, чтобы она не выходила замуж, и она не выходит. Нужно быть довольну нынешним состоянием, в котором каждый уже находится. Нужно молить далее начато: быть бога, чтобы дал силы в нынешнем состоянии исполнить свои обязанности, а не искать новых. И этих много обязанностей, и на эти едва достает времени, а мы еще это драгоценное время да тратим на всякие мечтанья. Помолитесь обо мне, добрейшая матушка, чтобы дал бог силы мне сколько-нибудь уплатить всякие долги, мною задолженные. Нам нужно прежде прежде уметь попросить у бога вразумления, чтобы с помощью его видеть, что хорошо и что нехорошо, и видеть, и видеть всегда о чем даже и просить. О, вразуми нас всех бог прежде исполнить главное, прежде ему послужить!

Ваш многолюбящий сын Николай.

Пожалуста, не позабудьте извинить меня пред Софией Васильевной, что до сих пор еще не собрался благодарить за доброе и радушное исполнение порученостей.

М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ

28 ноября 1851. Москва

Граф Александр Петрович Толстой передал мне ваш поклон и рассказал мне о своем душесладном пребывании у вас во Ржеве. Благодарю вас много и много за то, что содержите меня в памяти вашей. Одна мысль о том, что вы молитесь обо мне, уже поселяет в душу надежду, что бог удостоит меня поработать ему лучше, чем как работал доселе, немощный, ленивый и бессильный. Ваши два последние письма держу при себе неотлучно. Всякий раз, когда их в тишине перечитываю, вижу новое в них, прежде незамеченное, указание и напутствие и всякий раз благодарю бога, помогшего вам написать их. Не забывайте меня, добрая душа, в молитвах ваших. Знаете и сами, как они мне нужны. И да не оставляет вас за то бог до последних дней вашей земной жизни, покуда не соединитесь вечно с ним!

Ваш признательный Николай Гоголь.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Москва. Ноября 30 1851

Извини, что не писал к тебе. Всё собираюсь. Время так летит. Свежих минут так немного, так торопишься ими воспользоваться, так занят тем делом, которое бы

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
хотелось скорей привести к окончанию, что и две строчки к другу кажутся как бы
тягостью. Прости великодушно и добродушно. Печатанье сочинений, слава богу,
устроилось и здесь. Что же до печатанья новых, то... впрочем, в них, кажется, всё
так ясно и должно быть отчетливо, что, я думаю, и они пройдут. Что делаешь ты?
Напиши также хоть строчки две о Смирновой. Я о ней ни слуху, ни духу.

Твой весь.

А Жуковский что и где? Я пред ним тоже виноват: не писал, всё ожидал приезда, а
наконец – не знаю даже и куда адресовать.

О. В. ГОГОЛЬ

Ноябрь 1851. Москва.

Что же ты не пишешь ни слова, добрая сестра моя Ольга? Не отвешала на письмо
мое. Так как тебя ограбили, взявши от тебя деньги, назначенные для бедных, то
посылаю, сколько мог собрать, 18 рублей серебром. При расчетливом употреблении
авось станет как-нибудь до времени. Уведоми меня, где какие производства идут по
хозяйству и, между прочим, что именно и как сделал столяр: поименуй всё, им
сделанное. Прощай, обнимаю тебя.

Твой брат Н.

Посылаю тебе 2 книги: «Беседы сельского священника с поселянами» и «Лавсаик», ты
их прочти внимательно.

На обороте: Сестре Ольге.

О. В. ГОГОЛЬ

Ноябрь 1851. Москва.

...Попроси священников, чтобы читали всякое воскресенье «Беседы сельского
священника». Это лучшая книга для поселян. Посылаю тебе также псалтырь и Ефрема
Сирина.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ

Москва. 16 декабря 1851

Благодарю тебя за письмо, которое было так отрадно утешительным описанием
прекрасной кончины Михаила Алексеевича Литвинова. Да утешит бог и всех таким
светлым расставанием с жизнью. Не гневайся, что мало пишу: у меня так мало
свежих минут и так в эти минуты торопишься приняться за дело, которого окончанье
лежит на душе моей и которому беспрестанно помехи, что я ни к кому не успеваю
писать. Все так же, как ты, меня упрекают. Второй том, который именно требует
около себя возни, причина всего, ты на него и пеняй. Если не будет помешательств
и бог подарит больше свежих расположений, расположений в дне то, может быть, я
тебе его привезу летом сам, а может быть, и в начале весны.

Твой весь Н. Гоголь.

Ульяне Григорьевне, Александру Михайловичу и всему дому душевный поклон. А ты
пиши и описывай весь свой день, тебе ведь не на что сложить вину, чтобы так,

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
чтобы хоть заочно побыть с тобой несколько минут вместе.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

1851. декабря 20. Москва

Бог в помощь, милый друг и брат! От всей души поздравляю тебя с новым наступающим годом. Где бы ты ни был и над каким занятием ни сидел – бог в помощь! говорю тебе по-прежнему, да везде будет неразлучна с тобой его святая помощь! Я тружусь, работаю в тишине по-прежнему. Иногда хвораю, иногда же милость божия дает мне чувствовать свежесть и бодрость, тогда и работа идет свежее, а работа всё та же, с той разницей, что меньше, может быть, юношеской самонадеянности и больше сознанья, что без смиренной молитвы нельзя ничего.

Твой весь Николай Гоголь.

Всех твоих обнимаю и говорю им тоже: бог в помощь! Мой адрес: на Никитском булеваре. Дом Талызина.

на обороте: Baden-Baden.

Son excellénce monsieur m-r Basile de Joukovsky.

Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому.

В Баден-Баден.

М. И. ГОГОЛЬ

1851. декабря 22. Москва

От всей души вас поздравляю с наступающим новым годом, почтеннейшая матушка. Дай бог, чтобы он принес вам много божьих милостей, и да пребудет с вами неразлучно его святая благодать! О прочем не заботьтесь, всё устроится само собою. Вся беда оттого, что мы мало заботимся о главном. А если бы прежде подумали о божеском, отложивши всё земное, – само бы собой устроилось земное, как и сам спаситель сказал: «Ищите прежде правды и царствия небесного, а сия вся вам приложатся». Прошу вас особенно позаботиться о том, чтобы священники хорошо и внятно читали народу беседы из той книжки, которую я прислал. Книга эта много сделала добра и значительно поправила нравственность крестьян. Я вам советую в свободные часы прочесть эту книжку со вниманием или, еще лучше, – заставить прежде священников вам прочесть, чтобы они получше привыкли произносить ясно и внятно всякое слово.

Бог да настроит вас во всем, относящемся к спасению душ порученных вам людей.

Ваш много вас любящий и признательный сын

Николай.

О. В. ГОГОЛЬ

Москва. Декабря 22 1851

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Всё собирался писать к тебе, милая сестра Ольга, и всё за разными помехами не
удосуживался. Не знаю, как благодарить за здоровье матушки бога! Верно, молитвы
тех святых людей, которых мы просили за нее молиться, причиной.

Во всяком случае нам следует ежеминутно благодарить бога, благодарить его
радостно, весело. Не быть радостну, не ликовать духом – даже грех. Поэтому и ты
не грусти, ничем не смущайся, не пребывай в тоске, но веселись беспрестанно, в
беспрестанном выражении благодарности и признательности, вся наша жизнь должна
быть неумолкаемой, радостной песнью благодаренья богу. О, если бы сделать так,
чтобы и никогда и времени недоставало для всяких других, речей, кроме ликующих
речей вечной признательности богу! Жаль мне, что отец Григорий плохо прочел
народу «Беседы сельского священника». Не лучше ли бы прочел их твой кум? Ты его
заставь прежде прочитать тебе самой под тем предлогом, что духовная книга тебе
самой становится понятней, когда читает ее принявший рукоположение св. духа.
Прочитавши сначала тебе, он в другой раз прочитает лучше народу, как уже
знакомое. За посадку деревьев тебя очень благодарю. За наливки также. Весной, если
поможет бог управиться со всеми здешними делами, надеюсь заглянуть к вам и,
может быть, опять часть лета проведем вместе. Как только сделается потеплее,
пришлю тебе семян для посева кое-какой огородины. Затем поздравляю тебя с
наступающим новым годом. Дай бог, чтобы он и тебе, и всем добрым людям был в
радость и в ликованье.

Твой весь тебя любящий брат Николай.

Я полагаю, что матушке полезно было весеннее лечение для перечистки крови и
уменьшенья ее воспалительности. От этого у нее пошли частые лихорадки.
Посоветуйся и расспроси у какого-нибудь умного доктора.

На обороте: Милой сестре моей Ольге.

А. А. ИВАНОВУ

Вторая половина 1851. Москва.

Николай Петрович Боткин передаст вам мой поцелуй, многолюбимый мною Александр
Андреевич. Бог в помощь вам в трудах ваших! Не унывайте, бодритесь.
Благословенное святое да пребудет над вашей кистью, и картина ваша будет кончена
со славою. От всей души вам, по крайней мере, желаю.

Ваш весь Н. Г.

Ни о чем говорить не хочется. Всё, что ни есть в мире, так ниже того, что
творится в уединенной келье художника, что я сам не гляжу ни на что, и мир
кажется вовсе не для меня. Я даже и не слышу его шума. Христос с вами!

На обороте: Александру Андреевичу Иванову.

С. Т. АКСАКОВУ

Конец 1851. Москва.

Поздравляю вас от всей души, что же до меня, то хотя и не могу похвалиться тем
же, но если бог будет милостив и пошлет несколько деньков, подобных тем, какие
иногда удаются, то, может быть, и я как-нибудь управлюсь.

Ваш весь Н. Г.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

М. И. ГОГОЛЬ

Конец 1851. Москва.

Никогда так не чувствовал потребности молитв ваших, добрейшая моя матушка. О, молитесь, чтобы бог меня помиловал, чтобы наставил, вразумил совершить мое дело честно, свято и дал бы мне на то силы и здоровье! Ваши постоянные молитвы обо мне теперь мне так нужны, так нужны – вот всё, что умею вам сказать. О, да поможет вам бог обо мне молиться!

Ваш многолюбящий вас, признательный, благодарный вам сын

Николай.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Конец 1851. Москва.

Возвращаю тебе с благодарностью взятые у тебя книги: 1-й том Гмелина и четыре книжки «Отечественных Записок». Если у тебя книги не далеко укладены, то пряшли мне Палласа все пять, с атласом, сим меня много обяжешь. Мне нужно побольше прочесть о Сибири и северо-восточной России.

Твой весь Н. Г.

На обороте: Степану Петровичу Шевыреву. В Дегтярном переулке, в собственном доме.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Конец 1851. Москва.

Извини, друг, было некогда доселе. К митрополиту я хотел ехать вовсе не затем, чтобы беседовать о каких-либо умных предметах, на которые, право, в нынешнее время поглупел. Мне хотелось только прийти к нему на две минутки и попросить молитв, которые так необходимы изнемогающей душе моей. Впрочем, в два часа постараюсь тебя увидеть.

Весь твой Н. Г.

На обороте: Степану Петровичу Шевыреву.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Конец 1851. Москва.

Здоров ли ты? давно тебя не видел. Я в это время сильно расхvorался, да и теперь еще не совсем оправился. Загляни ко мне, если будет время, захвати с собою деньги, оставшиеся от вклада в опекунский совет, а если есть какие-нибудь письма, то и письма.

Твой весь Н. Гоголь.

На обороте: Степану Петровичу Шевыреву. Бумага письма оборвана, и текст адреса поврежден.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Конец 1851. Москва.

Посылаю остававшиеся у меня книги Палласа: «Записки» и «Описание растений», 6 книг. И прошу тех, о которых оставил у тебя записочку, то есть:

Рычкова Записки о России.

Севергина Записки о России.

и Зуева Записки о России.

Твой весь, признательный много за твою обязательность

Н. Г.

На обороте: Степану Петровичу Шевыреву.

С. Т. АКСАКОВУ

1851.

...душевно благодаря Ольгу Сергеевну, прошу не забывать меня в молитвах.

Н. Г.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

1852. 1 января Москва

Перекрестясь, пишу к вам. Ради Христа, принимайтесь скорее за труд, который бы занял хоть сколько-нибудь все способности, вам богом данные. Мы все здесь поденщики, обязанные работать и работать и глядеть вверх: там плата. Без этого удел наш – болезни, хандра, тоска и миллион искушений от лукавого, который так и ждет минут нашего уныния. Мне все чувствуется, что если бы вы принялись за историю царствования Екатерины или если бы даже написали только статью о царствовании Екатерины с мыслью дать в ней урок и государям и подданным, – много бы это доставило пищи вашей собственной душе. Историческое сочинение со взглядом человека, уже узнавшего жизнь и главное в жизни, и с целью оставить в нем завещанье после себя потомству, потомству, которое так же должно быть нам родное и близкое нашему сердцу, как дети близки сердцу отца (иначе разорвана связь между настоящим и будущим)... Но что говорить! Один только и есть язык, на котором можно говорить теперь писателю с читателем, – это, история, не рассуждающая, но выставляющая как в зеркале все события, заключающие оправдания божия.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
от всей души поздравляющий вас с новым годом

Н. Гоголь.

На обороте: Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

А. О. СМИРНОВОЙ

1 января 1852. Москва.

От всей души поздравляю вас с новым наступающим годом, Александра Осиповна. О, да будет он благодатным для вас во всех отношениях! Не думайте только о своей болезни, а всю себя вручите богу, и он управит вами прекрасно. Займитесь делом, как бы вы ни были вовсе больны: сила ведь его в немощи совершается. О, да явится на вас сила его!

Ваш весь Н. Г.

Всех добрейших Въельгорских поздравьте от меня с новым годом, и бог да пребудет неотлучно со всеми нами!

С. Т. АКСАКОВУ

Начало января 1852. Москва.

Очень благодарю за ваши строчки. Дело мое идет крайне тупо. Время так быстро летит, что ничего почти не успеваешь. Вся надежда моя на бога, который один может ускорить мое медленно движущееся вдохновенье.

Ваш весь Н. Г.

Обнимаю вместе с вами весь дом ваш.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

М. И. ГОГОЛЬ

Февраля 2 1852. Москва

Полагая, что вы все теперь вместе, адресую письмо в Кагорлык. От всей души обнимаю вас всех, в том числе в добреяшего Андрея Андреевича от всей души много уважаю. Сердечно соболезную о незддоровье сестры Елизаветы. Я сам тоже всё это время чувствую себя как-то не так здоровым. Мне всё кажется, что здоровье мое только тогда может совершенно как следует во мне восстановиться с надлежащей свежестью, далее начато: и когда вы все помолитесь обо мне как следует, то есть соединенно, во взаимной между собою любви, крепкой, крепкой, без которой не приемлемся от нас молитва. Еще раз обнимаю вас и прошу вас сильно, сильно обо мне молиться. Подчас мне бывает очень трудно, но бог милостив. О, если б он хоть сколько-нибудь ниспоспал нам помочь в том, чтобы жить сколько-нибудь в его заповедях!

От вас я уже давно, почтеннейшая матушка, не получал известий.

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Ваш сын много вас любящий Н. Гоголь.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Москва. Февраля 2 1852

Много благодарю за книги и за доброе письмо. Не упрекай, что ничего другого не мог и не сумел тебе написать, как только: «Бог в помощь!» Что вспоминаю о тебе часто в моих грешных молитвах, об этом бы не следовало и писать. Горячей бы гораздо мне следовало о тебе молиться, как о человеке, которому я много, много должен.

Сердечно соболезную о слепоте твоей, хоть и знаю, что бог милостив и всё строит в пользу души нашей. А между тем посылаю тебе медицинский рецепт, который действует необыкновенно успешно на излечение слепоты. Надобно нюхать или пополам с табаком, или просто один высушенный лист известного, нами едомого корнеплодного растения, земляной груши. Рассказывают следующий случай этого открытия: служанка одной слепой старушки, нюхавшей табак, за недостатком его, начала ей подмешивать в табакерку, истертого в порошок этого листа. Барыня, ставши замечать необыкновенное отделение мокрот чрез и чрез нос и даже насморки, — служанку под допрос — та призналась во всем. Но старушка, почувствовав, что она лучше видит, стала продолжать, пока совершенно не исцелилась от слепоты. Средство это, говорят, подтверждается повсюду опытами, излечивая темную воду, даже и самую застарелую, у стариков. О себе что сказать? Сижу по-прежнему над тем же, занимаюсь тем же. Помолись обо мне, чтобы работа моя была истинно добросовестна и чтобы я хоть сколько-нибудь был удостоен пропеть гимн красоте небесной.

Будь здоров и бог тебе в помощь, милый, близкий душе брат!

Твой Н. Гоголь.

В. Н. РЕПНИНОЙ

Москва. Февраля 2. 1852

Здоровы ли вы и как живете, добрейшая Варвара Николаевна, и как здоровье всех ваших, начиная с многоуважаемой мною княгини вашей матушки? Недавно я слышал о необыкновенно целебном лекарстве от глазных болезней, излечивающем даже застарелую слепоту и темную воду. Ничего больше, как нюхать пополам с табаком или даже и просто один порошок высушенных листьев известного, нами едомого растения, земляной груши. При этом нюханье начинается необыкновенно сильное отделение мокрот через нос и всякие насморки, и ими, наконец, совершенно очищаются глаза от потемненья. Сообщите об этом и Александру Скарлатовичу, которому посылаю мой искренно-душевный поклон. Если вы уведомите меня хоть двумя строчками о себе и о добрейшей княгине Варваре Алексеевне — много обяжете.

Ваш весь Н. Г.

Мой адрес: Москва. На Никитском бульваре. Дом Талызина.

Е. П. РЕПНИНОЙ

Москва. Февраля 2. 1852

Я о вас часто вспоминаю, добрейшая княгиня Елисавета Петровна, равно как и о душевно мною любимом князе Василии Николаевиче и о всем вашем доме, который, как

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
что-то милое и близкое, пребывает в сердце моем. Хотел было даже ехать к вам в Одессу, но всякие дела и дрязги по поводу перепечатыванья моих сочинений – старых грехов – меня задержали в Москве. С новыми не поспел. Их предмет так важен, что слабые средства мои при моих недугах с трудом одолеваю и то в таком только случае, когда обо мне кто-нибудь крепко, крепко помолится. И вас прошу и всех умеющих молиться про сие обо мне помолиться. Уведомьте меня хоть немногими строчками о вас. Я всё ожидал увидеть князя здесь, который, по словам Елисаветы Николаевны, должен был около Нового года быть в Москве. Передайте мой самый дружеский поклон князю Гагарину с княгиней и Ильину.

Ваш весь Н. Гоголь.

Всех ваших деток душевно обнимаю.

И. И. БАРАНОВСКОМУ

Около 2 февраля 1852. Москва.

Право, не знаю, что отвечать вам. Облегченья в моих недугах ничему другому не могу приписать, как только молитвам тех добрых людей, которые обо мне молились. Полагаю, что нужно неотступно, со слезами просить всякий день совета у самого Христа – нельзя, чтобы он наконец не вразумил нас. Далее сведений моих нехватает: спросите у духовника. Все леченья медицинские, сколько припомню, мне не помогали, кроме только одних освежительных холодных вытираний наружных с солями и морские ванны. В слепоте, говорят, теперь очень помогает нюхать или пополам с табаком или один высушенный лист известного от известного корнеплодного растения, земляной груши. Это нюханье, производя необыкновенное отделение мокрот посредством чрез насморков, излечивает даже у старииков слепоту от темной воды. От всей души желающий вам всех облегчений

Н. Гоголь.

М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ

6 5 февраля. Москва. 1852

Уже написал было к вам одно письмо еще вчера, в котором просил извиненья в том, что оскорбил вас. Но вдруг милость божия чьими-то молитвами посетила и меня жестокосердого, и сердцу моему захотелось вас благодарить крепко, так крепко, но об этом что говорить? Мне стало только жаль, что я не поменялся с вами шубой. Ваша лучше бы меня грела.

Обязанный вам вечною благодарностью и здесь и за гробом

весь ваш Николай.

На обороте: Священнику Александру Тимофеевичу Городецкому.

В Твери, в Покровской церкви.

Для передачи отцу Матвею.

М. И. ГОГОЛЬ

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Около 10 февраля 1852. Москва.

Благодарю вас, бесценная моя матушка, что вы обо мне молитесь. Мне так всегда бывает сладко в те минуты, когда вы обо мне молитесь! О, как много делает молитва матери! Берегите же ради бога себя для нас. Храните ваше драгоценное нам здоровье. В последнее время вы стали подвержены воспалительностям в крови. Вам нужно по моему мнению, нужно бы, может быть, весеннее лечение травами, разумеется, при воздержании в пище и диете. Вообще же всем полнокровным, как и сами знаете, следует остерегаться от всего горячительного в пище. Ради бога, посоветуйтесь с хорошим доктором. Молитесь и обо мне, молитесь и о себе вместе. О, как нужны нам молитвы ваши! как они нужны нам для нашего устроенья внутреннего! Пошли вам бог провести пост духовно и благодатно всем вам. В здоровье моем всё еще чего-то недостает, чтобы ему укрепиться. До сих пор не могу приняться ни за труды, как следует, ни за обычные дела, которые оттого приостановились. Далее начато: И всё мне кажется, что О, да вразумит вас во всем бог, не смущайтесь ничем вокруг, никакими неудачами, только молитесь, и всё будет хорошо.

Ваш весь, вас любящий сын Николай.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Зима 1848/49 или 1851/52. Москва.

Как ни хочется тебя видеть, но лучше поберечься. По вечерам особенно мне и мне нехорошо выезжать. Раз было попробовал, но простудился опять. Теперь хоть и лучше, но всё еще не пришел в обыкновенное состояние.

Твой весь Н. Г.

Четверг.

С. Т. АКСАКОВУ

Конец 1848–начало 1852.

Обнимаю вас заочно и очень жалею, что не могу обнять лично. Напишите о себе иногда строчку.

Ваш весь Н. Г.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

О. С. АКСАКОВОЙ

Зима 1849/50 или 1851/52. Москва.

Я располагал к вам после обеда, потому что тоже приглашен сегодня на вареники одним земляком. Но если паче чаянья придет желанье надуть земляка, то, может быть, тогда попаду к вам и на обед.

На обороте: Ольге Семеновне Аксаковой.

А. Г. ТОЛСТОЙ

Письма 1848–1852 годов. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru

1849–начало 1852. Москва.

Душевно сожалею, что вы не так здоровы. Впрочем, мы все-таки увидимся и побеседуем, как только вам будет получше. – добрая беседа бывает получше обеда.

Ваш весь Николай Гоголь.

А. Г. ТОЛСТОЙ

1849–начало 1852. Москва.

Посылаю вам, графиня, Златоуста, том, содержащий беседы, приличные посту. Лучшего ничего у меня не нашлось.

Ваш весь Н. Г.

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ лицу

1849–начало 1852. Москва.

Если вы свободны, то приезжайте сегодня обедать. И я и граф Толстой будем вам очень рады. Если же нельзя сегодня, то завтра.

Ваш весь Н. Гоголь.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gogolnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!